ч50 475
ч. 2
ЕМНАД-
ЦАТОГО ГОДА
ч50 —
475

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ

...ерии Октябрьской революции и Р. К. П. (большевиков)

А. ШЛЯПНИКОВ

КАНУН СЕМНАДЦАТОГО ГОДА

Часть II

Издание третье

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

г 50 — 475

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ

Комиссия по истории Октябрьской революции и Р. К. П. (большевиков)

А. Шляпников

КАНУН СЕМНАДЦАТОГО ГОДА

ЧАСТЬ II

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
ДОПОЛНЕННОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Государственная публичная историческая библиотека РСФСР
370000

Гиз. № 5047. Главлит. № 10224. Москва. Напеч. 5.000 экз.

„Мосполиграф". 1-ая Образцовая типография, Пятницкая, 71.

I.

Борьба буржуазии за власть.

Осень 1916 года ознаменовалась активными выступлениями организованной торгово-промышленной буржуазии. Российская буржуазия, по примеру и подобно буржуазии всех других воевавших стран, приняла войну, как свое родное, весьма прибыльное дело, провозгласила «единение с властью», насаждала и всячески поощряла примирение классов. Однако политика варварского царизма, проводившаяся не только в интересах торгово-промышленного капитала, но имевшая и чисто династические цели, часто подчинявшая интересам двора «конечные цели» российской буржуазии, вселяла тревогу в хозяйские сердца купцов и фабрикантов нашей страны. Стремясь к единению с властью, зная все «порочные» стороны царской, полицейско-бюрократической системы управления, подавлявшей всякую общественную инициативу и самодеятельность, буржуазия решила своими силами и средствами сглаживать вредное влияние на дело войны царской политики и практики.

Силами либеральной буржуазии был создан ряд общественных организаций, имевших вспомогательный характер при государственных военных и гражданских органах. Эти организации приняли характер классовых организаций буржуазии, были более подвижны, чем правительственные, и вскоре приобрели громадное значение в делах обслуживания нужд войны. Правительство терпело эти организации, как необходимое зло, однако вынуждено было предоставлять им все более и более обширные права. Всероссийский Земский Союз, Всероссийский Союз Городов, Военно-промышленные Комитеты— об'единили около себя всю, так называемую, «цензовую» часть России. Благодаря своему либеральному происхождению и вра-

ждебному к ним отношению правительства, всем этим общественным организациям удавалось черпать организаторские силы из среды демократической интеллигенции, а через нее иметь опору и в самой толще народа.

К концу 1916 года все эти, созданные либеральной, торгово-промышленной буржуазией, общественные организации представляли из себя мощные боевые форты об'единившейся вокруг войны российской буржуазии. Однако, имея в своих руках такие крепости, наши буржуа, об'единенные черно-желтым знаменем «прогрессивного блока» Государственной Думы, и не думали пользоваться ими против царского правительства и его режима. Все либеральные представители купечества и военной промышленности были сторонниками конституционной монархии. Демократизм их так же пугал, как и социализм. Революции они действительно боялись, и во много раз более, чем германского империализма.

Политика Николая II вызывала возмущение не только потому, что она не вполне отвечала непосредственным интересам торгово-промышленной буржуазии, но и потому, что вся царская система управления Россией наносила непоправимые удары самому монархизму. В этой части своих отношений к Николаю II, а также и к дому Романовых, буржуазия вполне соглашалась с известной частью русских аристократов и придворной челяди, наблюдавших с «сердечной болью», как их излюбленный, но выродившийся монарх, со всеми своими чадами, подпадал под влияние «темных сил», т.-е. всяческих политических авантюристов и шантажистов. Среди аристократии были свои группировки, которые участвовали во всех закулисных «ходах», общественных выступлениях, умоляли царя Николая итти на уступки «лучшим людям страны». Однако Николай II был глух ко всем мольбам и не соглашался на умаление своей самодержавной власти.

Критическое положение внутри страны, непрекращавшиеся опасности на фронте, но самое главное — это явное стремление некоторых придворных кругов к сближению с Германией, известия о возможных закулисных переговорах с Германией о мире чрезвычайно взволновали «патриотическую», прогрессивную буржуазию. Буржуазия готовилась к организованному давлению на власть. За время думских вынужденных каникул происходила министерская чехарда, но перемена лиц не про-

стая, а показывавшая твердое намерение царского самодержавия держать курс направо, не считаясь с черно-желтым блоком, с так называемой русской общественностью. Для усиления атаки прогрессивного блока в Государственной Думе велась подготовка к борьбе и всех буржуазных организаций, как-то: Всероссийского Союза Городов, Всероссийского Союза Земств, Военно-Промышленных Комитетов, Купеческих Управ, всевозможных Биржевых Комитетов и кончая даже С'ездом Об'единенных Дворян. Однако, подготовляя борьбу с царскими крепостниками, придворными прихлебателями, аристократами и бюрократами высшей марки, либеральные буржуа и либеральничавшие монархисты вели закулисные переговоры с представителями «темных» правительственных сил. О всяческих тайных сделках за кулисами Государственной Думы по Питеру, среди интеллигенции, ходило очень много слухов и толков. Об одном совещании, имевшем попытку к сделке, нам удалось тогда же получить почти стенографический отчет [1]). Совещание происходило 19 октября 1916 года, до открытия Государственной Думы. (Открытие осенней сессии Государственной Думы состоялось 1 ноября.) Совещание у М. В. Родзянко, председателя IV Государственной Думы, носило междуфракционный характер. Все участники его, от Шульгина до Милюкова, относились резко отрицательно к вхождению Протопопова в министерство Штюрмера. Протопопов, будучи товарищем председателя Государственной Думы, считался членом знаменитого по тому времени «прогрессивного блока», и его вхождение в состав правительства считалось предательством. На совещании членов Думы подтвердилось вполне ходившее тогда по Питеру утверждение, что Протопопов является авантюристом, не опирающимся даже на своих личных друзей в Думе.

Центром борьбы буржуазии за свое господство являлась Государственная Дума. К открытию ее деятельности, буржуазии удалось мобилизовать и сосредоточить внимание самых широких кругов страны на парламентской борьбе витязей российского либерализма с чудовищем нашей страны — правительством царя. В самом Таврическом дворце, здании заседаний Думы, ожидался большой день.

---

[1]) См. приложение I.

В Питере отношение к ожидавшимся выступлениям Думы было довольно пестрое. Интеллигенция, чиновничество и обыватели ожидали грозы. Рабочее население, знавшее и чувствовавшее классовую суть Думы, не поддавалось очарованию и не питало преувеличенных надежд на парламентское единоборство.

День 1-го ноября и последовавшие за ним были действительно красными днями на улице либералов. Парламентский способ борьбы не уступал по своим формам европейским. Правительство прибегло к запрещению печатать декларации и речи депутатов, но это привело к тому, что все они появились нелегально. Выступление открылось декларацией прогрессивного блока, оглашенной Шидловским 1-м.

От имени пяти фракций IV Государственной Думы декларация заявляет, что «великая борьба за правое дело (т.-е. война. *А. Ш.)* должна быть во что бы то ни стало доведена до победоносного конца». В деятельности царского правительства прогрессивный блок усматривает много серьезных препятствий к успешному завершению дела войны. Неумелые и беспорядочные распоряжения власти грозят потрясениями всему народному хозяйству. Декларация указывает на изолированность правительства, на все растущее недоверие к нему. Даже патриотический порыв «общественных организаций» был взят под подозрение, и правительство вело с ними открытую борьбу. Декларация переходит от убеждения и предостережения правительства от возможных зол к предложению «уйти» и освободить места тем, кому доверяет «весь народ». Особенность этой декларации заключается в конце, в ее обращении к армии и флоту. Эти фразы скрывают в себе стремление привлечь к Государственной Думе симпатии командного состава вооруженных сил страны. Хотя буржуазия и были далека от мысли втягивания в разрешение политических вопросов армии, но иметь опору среди военного чиновничества и офицерства ей было очень важно. Этой цели она достигала сравнительно легко через многочисленные свои организации.

Центром внимания первого заседания Государственной Думы было выступление вождя российского либерализма, П. Н. Милюкова. Его речь являлась программной не только для партии кадет, но и всего блока.

Основной мыслью оратора, проходящей по всей речи от ее начала до самого конца, была неспособность правитель-

ства и его нежелание справиться со всеми трудностями, вытекающими из условий военного времени. Особенно сильные удары были направлены против главы правительства того времени — Штюрмера. Последнего делали центром германофильского направления придворных кругов и подозревали в прямом предательстве. В речи Милюкова сказалась довольно определенно и хищная, завоевательная утроба российского либерализма, требовавшего проливов и Константинополя. Речь эта вызвала очень много толков, служила причиной разговоров о дуэли, о привлечении Милюкова Штюрмером к суду; ей же приписали и последовавшее вскоре падение кабинета Штюрмера. Печатанье ее было запрещено, но это не помешало усиленному ее распространению нелегальными путями. Рабочее население использовало из этой речи весь тот материал, который изобличал царское правительство, его чиновничество и министров, а также все то, что показывало ничтожество, всю низость и разложение Романовского дома.

После Милюкова выступал Чхеидзе. По его речи видна вся неопределенность и шаткость позиции фракции Н. С. Чхеидзе. Он не нашел ни слова возражения против откровенных империалистических замыслов, выявленных в декларации блока. Боровшиеся пролетарии России не нашли в речи Чхеидзе ничего руководящего для той борьбы, которую они вели изо дня в день по всей стране. В то время как аппетиты буржуазии находили свое выражение в красноречии Милюкова, Маклакова и многих др., в то же время люди, называвшие себя социал-демократами, не только не смогли отразить собою ту борьбу против войны, которую вели пролетарии нашей страны; но даже вели себя так, как будто и самой борьбы-то не было. Но наши думские социал-демократы в то время очень любили «солидаризироваться» с Карлом Либкнехтом. Солидарность с идеями К. Либкнехта они понимали не в виде необходимости следовать по тому же пути, работая в революционном, антивоенном направлении в своей собственной стране. Нет, Чхеидзе и др. ограничивались «приветствиями» его мужеству. Но таких, приветствовавших его борьбу «во вражеской стране», статей, стремившихся и на этом обмануть рабочих, была полна шовинистическая пресса. И солидарность, высказанная Чхеидзе, потонула в их общем потоке.

В рабочих кругах, даже умеренных, речь Чхеидзе вызвала недоумение: никто не нашел в ней того революционного напряжения, которым дышал рабочий класс; еще меньше оказалось в ней социалистической ясности в особенности по отношению к войне. Революционные же круги рабочих и соц.-демократы (б-ки) давно уже перестали видеть в Думской фракции свой революционный, руководящий центр.

Начатое либеральной буржуазией наступление на правительство замыкалось «слева» народническим депутатом А. Ф. Керенским. В первые дни ноябрьской сессии этот депутат выступил по запросу о запрещении печатать думские речи, о военной цензуре и о положении печати. По основным вопросам внутренней и внешней политики, по вопросам войны, у этого представителя партии социалистов-революционеров не нашлось своего мнения.

Борьбу за власть, атаки на царское правительство буржуазии удалось очень быстро перенести далеко за пределы Таврического дворца. Начало зимы 1916 года ознаменовалось рядом крупнейших С'ездов, которые открывали буржуазии широкую возможность использования их для усиления наступления на власть. Политика царского правительства не встречала опоры даже в среде верноподданного дворянства. С'езд представителей дворянских обществ, имевший место 28 ноября 1916 года, присоединился к умеренным требованиям прогрессивного блока.

Это время войны и либеральных вожделений было свидетелем своеобразной формы политической агитации—опубликования и нелегального распространения писем сановников друг к другу. По рукам в ту осень ходили письма Челнокова к Родзянко, Гучкова к Алексееву и другие, а также некоторое количество докладов и очень много речей. Заговорила, наконец, и наша организованная опора престол-отечества—дворянство. Председатель об'единенного дворянства А. П. Струков обратился «по инстанции» с письмом к царю, в котором «изобличал» Государственную Думу, указывал на весь вред, который приносят ее выступления. Это письмо, а также одновременно и тактика Думы послужили предметом обсуждения на С'езде Об'единенных дворян 28 ноября 1916 года.

Часть дворянства во главе с В. Н. Львовым являлась «левой» этого с'езда. Через эту левую часть с'езда говорила и

наша торгово-промышленная буржуазия. Оценка политического момента с точки зрения этого сословия была дана В. Н. Львовым в его речи, получившей довольно широкое распространение среди питерской и московской буржуазии и интеллигенции.

Эта речь В. Н. Львова характерна по тревоге дворянского сословия за судьбы царского отечества, за судьбу своих вековых привилегий. Все дворянство, от правого до «левого» крыла, было озабочено лишь одним желанием: спасти монархию, спасти дом Романовых во что бы то ни стало, уберечь, сокрыть от народных глаз развал, разврат и разложение правящих верхов. Разоблачение политики Николая II, его системы управления страной, вскрытие бездарности, взяточничества и продажности его холопов дворянство считало, конечно, опасной демагогией.

В начале декабря были созваны с'езды общественных организаций, связанных с работой на оборону страны. Правительство, потерявшее опору даже в рядах об'единенного дворянства, не дало разрешения на открытие с'ездов. Деятелям Союзов Земств и Городов пришлось устраивать с'езды явочным порядком. Всероссийский Земский Союз организовал собрание уполномоченных губернских земств 9-го декабря. На этом собрании выступил с речью «по текущему моменту» Г. Е. Львов. Речь его преисполнена помещичьих тревог за судьбы монархии, связанные с ней привилегии дворянства, буржуазной общественности.

Движущей силой либеральных земств была война и связанные с ней захватные стремления. Путь «спасения» России они видели в необходимости «сломить» врага, получить Константинополь и проливы. Такие империалистические аппетиты воодушевляли патриотические сердца либеральных земств.

Представители Союза Городов собирались в тот же день, но особо. По отношению к этому с'езду правительство приняло полицейские меры. Вместо открытия с'езда, получился полицейский протокол. Однако представители общественных организаций на этот раз не убоялись стать и на путь нелегальных собраний. В ответ на полицейские запрещения с'ездов, представители земств, городов и других организаций собрались 11 декабря на совместное совещание, принявшее резолюцию протеста против действий правительства, разогнавшего с'езды [1]).

[1]) См. приложение II.

II.

Поддержка IV Думы.

Как и следовало ожидать, царское правительство постаралось обезвредить агитационные намерения прогрессивного блока. Все оппозиционные речи депутатов систематически вычеркивались. В течение многих дней газеты выходили с белыми полосами на месте отчетов о заседаниях Государственной Думы. Однако это обстоятельство не нарушило боевой программы парламентского блока. Речи депутатов, размноженные различными способами, довольно щедро распространялись среди населения.

Выступления Думы быстро нашли отклик, конечно, прежде всего в среде организованной буржуазии. На имя председателя Думы отправлялись телеграммы, резолюции о солидарности. Нижеследующая от московских биржевиков являлась типичной:

Заявление в Государственную Думу.

Милостивый Государь
Михаил Владимирович!

Пролитыми потоками русской крови, неисчислимыми жертвами достояния народного, непреклонною стойкостью в бедствиях, русская земля выстрадала право властно заявить, что позорной и губительной деятельности безответственных советников и бесчестных предателей должен быть положен без промедления и бесповоротно решительный конец. Сказать эту правду по совести и прямо жаждала вся страна, трепетно ожидая этого от избранников народных.

Первое ноября оправдало всеобщие чаяния. Государственная Дума высказала всю ту правду, которой болеет сердце каждого русского гражданина. Несмотря на принятые меры к тому, чтобы правдивый голос народных представителей не дошел до народа, этот голос будет услышан и уже услышан страной, поддержав в ней непреклонную решимость на борьбу с врагами до победного конца за бытие и честь Великой России.

В полном сознании важности переживаемого политического момента торгово-промышленная Москва заявляет Государственной Думе, что она душой и сердцем с нею.

Московский Биржевой Комитет.
Московская Купеческая Управа.
Московский Комитет Хлебной Биржи.
Московский Комитет Мясной Биржи.
Московский Комитет Биржи пищевых продуктов.

Опору в рабочей среде политики прогрессивного блока Государственной Думы искали и находили в среде оборонцев, через Военно-Промышленные Комитеты. В Петербурге в эти дни военно-промышленные социалисты вели усердную агитацию по заводам. В задачи агитации входило создание единого фронта против правительства. Интересы рабочих, классовые задачи, их отношение к войне, на почве которой развивалась борьба, не принимались во внимание нашими социал-патриотами. Все стремления их сводились к поддержке Государственной Думы. В ноябре ими была пущена по фабрикам и заводам резолюция следующего содержания:

Правительство, резко столкнувшееся даже с большинством нынешней Государственной Думы, откровенно ведет страну, стонущую под гнетом войны, к полной дезорганизации, разорению и гибели. Спасение страны—в свободной и широкой организации народных масс; но широкая и свободная организация народных масс возможна лишь при коренном изменении существующего политического порядка. Пусть же гибнет, разлагается и голодает страна, но народ не должен быть свободен, не должен быть организован, так как его неорганизованность и распыленность—лучшее обеспечение господства дворянско-чиновничьей клики. Такова сущность правительственной политики. Факт недопущения к опубликованию думских речей в первом заседании, низводящий Думу на положение безгласной канцелярии, говорит о том, что русское правительство готово к новому предательству, что оно готовится совершить новый государственный переворот: уничтожить 3-июньскую Думу, раз Дума не согласна молчать об его преступлениях.

Россия переживает небывало серьезный и грозный момент. Народная масса, и прежде всего рабочий класс должны направить все силы своего ума и воли, чтобы умело вмешаться в движение, охватывающее все слои населения, и оказать на события решающее влияние.

Принимая во внимание создавшееся положение, мы заявляем: чтобы спасти страну от правительства, толкающего ее к гибели, необходимо: 1) немедленное решительное преобразование существующего строя и организация опирающегося на народ, на Думу, на все существующие общественные, рабочие и демократические организации—*правительства «спасения страны»*; 2) немедленное объявление всеобщей полной амнистии и в первую голову освобождение и восстановление в правах сосланных с.-д. депутатов 2-ой и 4-ой Госуд. Думы.

Принимая эту резолюцию, мы считаем необходимым немедленно отослать ее в Госуд. Думу, требуя от Думы, несмотря ни на какие угрозы, самой решительной борьбы против правительственной власти.

Резолюция эта, однако, успеха не имела. Нашему Петербургскому Комитету Р. С.-Д. Р. П. (б.) пришлось развить контр-агитацию, выпустить специальный листок, разоблачавший лакейскую политику Думы, ложь ее лозунгов, а также предательство военно-промышленных социалистов. Вот этот листок:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Товарищи!

В течение всей войны Государственная Дума, когда открывались ее заседания, выражением верноподданнических чувств клялась на верность царскому правительству, лобызалась с его министрами. Теперь воинствующие депутаты, оставаясь по-прежнему царскими холопами, подняли шум, ссору с правительством. Из-за чего? Они заявляют, что для продолжения войны до конца требуется перемена министров.

Когда, истощенные от непомерных тягостей войны, благословляемой капиталистами, народные массы начинают терять терпение, готовы пойти на угнетателей, это движение народа либеральные дельцы пытаются использовать для своих разбойничьих аппетитов. Им нужно министерство общественного доверия. Что оно может принести истерзанному народу? Взамен Штюрмеров—Милюковы, говорящие о спасении страны, но готовые вести ее на новые смерти, требуя новых и новых жертв.

Нет! Мы всегда должны помнить, что те, кто призывает нас вести войну до конца, меньше всего думают о нас, меньше всего озабочены судьбой народа. Замена одних убийц другими не заставит нас прекратить борьбу против обновленного правительства. Особые надежды возлагает на вожделения либералов та кучка шовинистических рабочих, которая до сих пор находила лишь слова осуждения на-

шим революционным выступлениям. Она обращается к вам с призывом бороться за «правительство спасения страны».

Ушедшие от нас в самую трудную минуту военной напасти с тем, чтобы содействовать правительству и буржуазии в ведении этой бойни; осуждая наше революционное стремление не складывать оружия борьбы против войны и угнетателей; замолчав похищение наших депутатов; отторгнутые нами, эти «рабочие политики» зовут итти за их лозунгом. Отдать спасение страны в руки тех, кто долгие месяцы кровопролития хочет обратить в годы, кто беспощадно душит рабочее движение.

Товарищи! Разве десятки лет кровавого опыта рабочего движения не указывают ясно, кто действительно может бороться против разбойничьей монархии? Собирая свои силы, распространяя агитацию в рядах крестьянской бедноты, в среде армии, мы будем ковать подлинный молот революции; от ударов его погибнет истязающее народ правительство.

Мы знаем лишь эту первую задачу. Через свержение царского правительства к созданию Временного Революционного Правительства рабочих и крестьянской бедноты! Мы потребуем от этого правительства немедленного прекращения войны, немедленного созыва *Учредительного Собрания*, осуществления политических свобод, чтобы в таких условиях повести борьбу за проведение действительного народовластия,—Демократической Республики,—за конфискацию помещичьих земель, чтобы дать в руки рабочему классу его сильнейшее оружие—сократить его рабочее время установлением 8-часового рабочего дня! Теперь же будем на страже!

Захлебывающиеся в потоках крови, льющейся по их вине, правительства и господствующие классы будут напрягать все усилия, чтобы исход войны принес им дальнейшее закабаление народов и укрепление их власти; рабочие всего мира, рабочие воюющих стран в первую голову должны направить удары против своих правительств. Обезоружив их, способствуя народам через совершение политических переворотов положить конец этой войне, мы действительнее всего будем вести страну от гибели.

Но помните, товарищи, пока жизнь народов пожирают капиталисты, пока они—хозяева мира, они не задумаются в погоне за прибылями снова и снова бросить народы в костер войны. Только уничтожение капиталистического строя и замена его социалистическим положит конец войнам, людским страданиям. Поэтому развитием революционной мощи международного пролетариата, созданием III Интернационала мы, русские рабочие, отдадим все силы на осуществление социализма. Мы поддержим товарищей Англии, Германии и Франции в их готовности повести борьбу за

низвержение капиталистических правительств, сняв с себя оковы царской монархии.

Без отдыха вперед! Долой войну! Долой царское правительство! Да здравствует Временное Революционное Правительство! Долой царскую монархию! Да здравствует Демократическая Республика! Да здравствует революция! Да здравствует социализм!

Петербургский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Ноябрь 1916 г.

Призывая рабочих, солдат и деревенскую бедноту к единству, листок противопоставляет либеральной, фальшивой позиции оборонцев лозунги революционной социал-демократии.

Петербургский Комитет нашей партии дал совершенно иную, чем военно-промышленные социалисты, оценку выступлениям Государственной Думы и той кампании, которая была поднята в стране. Свое отношение Петербургский Комитет выявил в следующей резолюции:

«Мы, рабочие, ... , обсудив свое отношение к выступлению Государственной Думы, считаем необходимым заявить: с самого начала войны мы находим, что единственный правильный путь для того, чтобы ввергнутый в войну народ не погиб, состоит в борьбе за прекращение войны. Затяжной характер войны разоблачил тех, кому выгодно ее продолжение, — клике капиталистов и помещиков с их правительствами во главе. Поэтому борьба за прекращение войны требует от нас усилий, направленных к низвержению царского правительства. Политические партии заинтересованных в войне классов, в лице Государственной Думы, стремясь использовать движение народных масс против правительства с целью дележа с ним власти, бессильны принести народу облегчение, так как их заветное желание продолжать войну до конца.

«Находясь под влиянием буржуазии, шовинистические группы рабочих, обращаясь с призывом к борьбе за создание «*правительства спасения страны*», вносят новую попытку ослабить движение революционного пролетариата. Господствующие классы готовы спасать страну от внешней опасности с тем, чтобы беспощадно давить восстающие к свободе массы народные внутри страны. Лозунг «спасения страны», скрывая действительные намерение тех, кому он на руку, является новой ложью и

оправданием этого кровопролития и всех его ужасов. Только переход власти от низверженного царского правительства в руки рабочих и крестьянской бедноты в лице *Временного Революционного Правительства* обеспечит, через созыв Учредительного Собрания, возможность осуществить политическую свободу и положить конец этой войне. Исходя из этого, мы выражаем готовность отдать свои силы на борьбу, к которой зовет нас Р. С.-Д. Р. Партия во имя провозглашенных ею лозунгов.

Эта резолюция обошла все районы столицы и была принята на многочисленных собраниях рабочих заводов и фабрик. Питерский пролетариат не дал себя одурманить ни ядом националистической отравы, ни увлечь себя фальшивыми лозунгами «*правительства спасения страны*» и не пошел за прогрессивным блоком Государственной Думы, куда призывали его оборонческие элементы буржуазной демократии.

Рабочие группы Центрального и Окружного Военно-Промышленных Комитетов окончательно и бесповоротно превратились в придаток либеральничавшей буржуазии. Отношение царского правительства к выступлениям Государственной Думы, а также отношение различных классов к тому же выступлению в эти дни побудило военно-промышленных социалистов обратиться в Думу с особым воззванием весьма поучительного характера:

«В течение недели в газетах на месте отчетов Государственной Думы появляются белые места. Насилие правительства над свободой депутатского слова превращает Гос. Думу в простую, отрезанную от народа канцелярию, низводя значение ее работ к минимуму. Нельзя обольщаться тем, что часть населения, несмотря на цензурные рогатки, все же узнает содержание депутатских речей. Это лишь незначительная часть населения. Огромное же большинство остается в полном неведении того, что делает Гос. Дума. Страна может ознакомиться с думской деятельностью, оказывать на нее свое влияние и мобилизовать свои силы вокруг Думы лишь при одном условии, при условии свободного, открытого обращения среди населения депутатских речей.

«Первоначальное напряженное внимание народных масс к Думе, встречая в печати на месте речей белые места, постепенно будет падать и заменяться равнодушием. Может создаться атмосфера, чрезвычайно опасная для интересов страны и всех ее прогрессивных сил и чрезвычайно выгодная для реакции и ее замыслов.

«Исходя из этого, представители рабочих в Центральном и Петроградском Окружном Военно-Промышленных Комитетах считают дальнейшую работу Думы *при подобных условиях недопустимой*. Продолжение деятельности Думы в таких условиях не только не совместимо с достоинством представительного учреждения, но и чрезвычайно вредно и опасно, создавая нежелательный прецедент, вкладывающий в руки реакции орудие, которым она в любой момент может обратить Думу в безвредную говорильню.

«Полагая, что создавшееся положение, по существу уничтожающее Думу, как таковую, не может быть дальше терпимо, представители рабочих в Центральном и Петроградском Окружном Военно-Промышленных Комитетах, в согласии с настроением широких слоев рабочего класса, требуют от думского большинства применить все возможные, не останавливаясь и перед самыми крайними, средства, чтобы путем свободно и широко распространенных думских отчетов ознакомить население и армию с работами Гос. Думы. Не выжидая результатов внесенного запроса по этому поводу, Гос. Дума обязана, с одной стороны, немедленно отменить положение о военной цензуре, изданное в порядке 87 ст., с другой—опираясь на общественные силы, взять на себя дело самого широкого распространения думских речей.

«Это—первейшая обязанность Думы. Без этого условия, без немедленного установления гласности своей работы, Дума неизбежно окажется окончательно оторванной от страны и лишится всякого основания для дальнейшего продолжения своей деятельности».

Из этой попытки либеральной буржуазии еще раз погрозить правительству и столковаться с ним за спиной народа и за его счет, социал-патриоты вынесли «уроки», что условия, в которые поставило правительство холопствовавшую и позировавшую буржуазию, «по существу уничтожают Думу». И в качестве выхода требуют от думского большинства даже применения «крайних мер» для... распространения речей Милюкова, Родзянко, Маклакова, Шульгина и прочих героев.

Такую политику творили руководители всероссийского центра военно-промышленных социалистов. Отношение петербургского пролетариата к этим кругам социал-патриотов было определенно отрицательное. Сами меньшевики вынуждены были отмежеваться от своих же деток, засевших в военно-промышленных комитетах. Однако следует иметь в виду, что лишь год спустя после начатой кампании за выборы в Военно-Промышленные Комитеты, после того, как в ряды рабочего класса были

внесены раскол и националистическая отрава, «Инициативная Группа» меньшевиков отказалась от защиты своих представителей, выпустив следующее воззвание:

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Товарищи!

Мир еще не видел такого ужаса, таких страданий и разрушений: весь воздух насыщен горелыми и гниющими телами человечества, кровь льется без конца. И через густой кровавый туман нет, кажется, признаков к рассвету. Есть лишь новое втягивание в кровавую бойню доселе нейтральных стран. Насильственным путем международного авантюризма втянута Румыния. Вместо того, чтобы кровь циркулировала в жилах человечества, она орошает поля и леса, обагряет моря и реки. В этот исторический ответственный момент, дабы развязать узел мировой трагедии, необходимо собрать воедино все живые силы международного социализма под знаменем социал-демократии; необходима организация наших сил для борьбы с империалистами, хищниками человеческой жизни, для борьбы за скорейшее прекращение этой бойни.

Но не все—мрак. Есть и светлые явления в мировой жизни народов. Мы уже видим, что маленькая полоска света показалась на горизонте международной социал-демократии. Мы видим, например, что в Германии, Англии и Франции меньшинство, стоящее на точке зрения Интернационала, становится все крепче и сильнее. Поскольку оно увеличивается, постольку полоска света делается все шире и шире. И недалек тот день, когда этот свет одолеет сгустившийся кровавый мрак и осветит умы и мысли помрачившихся социал-националистов. Но этот свет, несущий с собой радостную весть для мира, пока еще не потревожил наших оборонцев-комитетчиков. Они по-прежнему продолжают творить разрушающую интернациональную солидарность работу в Военно-Пром. Комитете под знаменем самобытного национал-социализма.

Товарищи! Вы помните, что, посылая их в Военно-Пром. Комитет, мы, рабочие Петрограда, давали им наказ, в котором поручали, чтобы они потребовали созыва всероссийского рабочего съезда, на котором должно быть выявлено наше отношение к современному положению, а также и к Воен.-Пром. Комитету. Мы считали их пребывание временным и вовсе не поручали говорить от лица всего российского пролетариата. Поручая же им лишь временное представительство, мы категорически заявили, что являемся самыми ярыми противниками войны и стоим за немедленное прекращение ее.

Но они об этом забыли! Они забыли, что петроградский пролетариат, через головы выборщиков вовсе не поручал им говорить от своего имени языком национал-социализма, языком оборончества. Они «запамятовали», что вместе с выборщиками определенная политическая группа, прикрывая своим знаменем единый в то время меньшевизм, ни на одну минуту не становилась на точку зрения обороны и неоднократно требовала от них выполнения наказа.

Прикрывая невозможностью созыва общегородского собрания выборщиков и лишь от поры до времени случайно совещаясь с отдельными представителями этой коллегии, они невозмутимо повторяли и продолжают повторять: «мы выполняем волю пославшего нас пролетариата». И тем самым кощунственно прикрывают именем широких масс свою антирабочую политику. Вместо постоянного подчеркивания отрицательного отношения к войне широких масс и их передовых элементов, они вопреки воле и желанию пролетариата «гордо» держат знамя империализма, знамя обороны. И тем самым вносят дезорганизацию в рабочие ряды. Знамя же Интернационала, знамя международной классовой солидарности ими сдано к Гучкову в архив, как устаревшая и негодная ветошь.

Дальше, товарищи! Они отрицают решения Циммервальда и Кинталя, не признают наших товарищей, стремящихся восстановить международное классовое объединение. И вслух мечтают об отозвании Мартова и Аксельрода. Не признавая этих решений, они не признают и необходимости борьбы за достижение мира. Поэтому организованные меньшевики, стоящие на точке зрения Интернационала, обсуждая вопрос об отношении в данный момент к группе при Центр. Воен.-Пром. Комитете на всех районах и общегородском собрании, постановили подавляющим большинством голосов Рабочую Группу при Центр. В.-П. К. отозвать. Доводя обо всем изложенном до сведения широких масс, мы констатируем, что Рабочая Группа при Центр. Военно-Пром. Ком. до сих пор еще не вняла голосу организованных рабочих, и что этот голос для комитетчиков есть не более как пустой звук.

А поэтому мы заявляем: 1) Что всякую ответственность за деятельность Раб. гр. при Центр. Воен.-Пром. Ком. мы с себя слагаем. 2) Ни в какие соглашения по вопросам рабочего движения мы с ними не входим. 3) Объявляем их застрельщиками нового раскола.

Петроградская Инициативная Группа.

На многих заводах и фабриках рабочие выносили постановления об отзыве представителей из Военно-Промышленных Комитетов. Выносились протесты против спекуляции военно-

промышленных социалистов именем рабочего класса и представительством рабочих. Питерский пролетариат, в своем революционном большинстве, никогда не поддерживал «Рабочей группы». Отрицательное отношение рабочих к военно-промышленным социалистам нашло свое отражение и в литературе самого комитета. Так, в «Бюллетене Рабочей Группы» № 4 находим следующее:

«Рабочая Группа должна подчеркнуть, что требования об уходе Группы из Центрального Военно-Промышленного Комитета раздаются исключительно со стороны товарищей, не признающих точки зрения обороны. Таким образом требование ухода надо рассматривать, как один из фактов непрекращающейся борьбы двух идейных течений в рабочем классе России. Рабочая Группа имеет серьезные основания отказаться от ухода по чисто принципиальным соображениям. Во всяком случае, правильный исход столкновения двух точек зрения не может быть получен путем организационного удаления одной из сторон от той базы, на которой она практически воплощает свои взгляды. Уйдет ли группа из Центрального Военно-Промышленного Комитета или останется в нем—этим все равно та или иная точка зрения не добьется торжества. Разница будет заключаться лишь в том, что из-под ног определенной части рабочего класса исчезнет та организационная почва, которая дается пребыванием в Центральном Военно-Промышленном Комитете.

«Оставляя в стороне принципиальный спор, необходимо учесть ценность той практически-организационной работы, часть которой изложена в настоящем бюллетене. Когда идейный спор закончится победой противников позиции Рабочей группы, тогда можно будет сказать, что ценою даже большой практической работы нельзя окупать нарушение принципов. Но до этого состояния спор еще не дошел, и поэтому ликвидировать практическую работу во имя чистоты принципов, правильность которых следует еще доказать, было бы актом, неслыханным в истории рабочего движения.

«Рабочая Группа должна подчеркнуть, что требования об ее уходе раздаются со стороны ограниченных кругов рабочего класса, и она не может принять их к сведению в большей мере, чем требования ряда других рабочих организаций, которые все теснее примыкают в Рабочей Группе, участвуют в ее работах, поддерживают ее организационно и идейно. Если

даже оставить в стороне то важное обстоятельство, что требование ухода пред'явлено со стороны групп, расходящихся с Рабочей Группой в основной ее позиции по вопросу о войне и мире, то даже и в этом случае согласие покинуть свой пост означало бы резкий разрыв с многочисленными товарищами, рассеянными по всей России, которые считают существование Рабочей Группы необходимым и весьма ценным орудием в руках рабочего класса России. Согласиться с предложением отзовистов—значит пойти на открытый разрыв с несколькими десятками рабочих организаций, с видными идейными руководителями рабочего класса и со всей интернациональной традицией современной демократии. Нельзя ради удовлетворения требований своих немногочисленных идейных противников итти на резкий разрыв с широкими кругами своих идейных сторонников.

«Такова в общем и целом чисто практическая точка зрения Группы по вопросу об ее отозвании. Следует в заключение только отметить, что за последнее время борьба некоторых элементов с Рабочей Группой приняла крайне резкий, совершенно исключающий возможность товарищеского сговора, характер. Были выпущены листки, в которых Рабочая Группа трактуется, как кровопийца, высасывающий кровь рабочего класса, и т. п. Кроме того, Группе приписывается ряд деяний совершенно вымышленных, и в целях борьбы с нею утилизируется искаженное изложение газетных репортеров, в свое время опровергнутое. При этом Группа должна отметить, что поспевать за всеми этими искажениями чрезвычайно трудно, а опровергать их по цензурным условиям не всегда возможно, так как газетные измышления сплошь и рядом построены на очень высоких патриотических нотах, всякое опровержение которых естественно рассматривается, как «изменничество».

Роль «вождя питерского пролетариата» не была выполнена социал-патриотами. Все надежды либеральной буржуазии на поддержку со стороны рабочих в «парламентской» борьбе прогрессивного блока с правительством разбились о революционную, классовую стойкость питерского пролетариата.

На выступление прогрессивного блока в Думе правительство ответило, как было сказано выше, усилением военной цензуры над депутатскими речами. Однако часть правитель-

ства, в лице военного министра Шуваева и морского Григоровича, выступила в Думе 4 ноября с заявлением об единении армии и флота с Думой.

Десятого ноября председатель совета министров Штюрмер был отстранен и заменен Треповым. Одновременно с этим заседания Думы были отсрочены до 19 ноября. От нового председателя совета министров ожидали «декларации». Этот перерыв и об'яснялся необходимостью иметь время для подготовки Трепова к этой роли.

Вопреки распространявшимся по Питеру слухам относительно новой отсрочки созыва Думы, заседания последней были возобновлены в указанный правительством срок, 19 ноября. Новый председатель совета министров Трепов, сменивший Штюрмера, выступил в день открытия с декларацией. Появление на думской трибуне представителя «обновленного правительства» было встречено враждебной манифестацией социал-демократов и трудовиков. Голос Трепова, пытавшегося прочесть декларацию, заглушался шумом и криками «долой». Такая встреча не входила в программу прогрессивного блока, и думская левая оказалась одинокой. Большинство думского блока уже тяготилось разрывом с правительством, а в замене Штюрмера Треповым видело свою «победу» и итти на обострение не желало. Прогрессивному блоку представился удобный случай «отмежеваться» от левой, и председатель Думы Родзянко предложил наказать манифестантов исключением на восемь заседаний. Предложение было принято. Четыре депутата: Чхеидзе, Керенский, Скобелев и Хаустов были исключены. Исключенным, согласно регламента, предоставили слово для об'яснения.

Н. С. Чхеидзе: «Еще в 1912 году из среды Думы вышел сюда оратор и дал характеристику власти. Вот она: «Власть в плену у своих слуг, которые забыли о своем долге, о своей присяге, забыли, какие государственные интересы им вверены. У них существовали только соображения корыстные, интересы личного благополучия». (Из речи Гучкова.) *Председатель после предупреждения лишает Чхеидзе слова.*

За Чхеидзе очередь Керенского, которого правая часть встречает криками «долой, вон!».

А. Ф. Керенский. «В продолжение двух недель кафедра Государственной Думы оставалась пустой, — сначала по воле

большинства, а затем по воле власти. Мы не можем с этой кафедры говорить и того, что мы сказали в начале сессии, о том, что единственное спасение страны, это — созыв новой власти, которая опиралась бы на народ и спасала бы страну от гибели. Новый кабинет еще хуже старого, потому что после того, как... (в стенограмме цензурный пропуск. *Родзянко просит Керенского «таких слов не говорить»*) ... нам не дают говорить при этом новом кабинете. Наши речи не появились в печати, и нам остается только сказать, что мы молчали, потому что нам затыкают глотки, потому что над страной издеваются и не хотят дать народу прав».

Далее Керенский бросает упрек прогрессивному блоку: «И вы, которые вместе с нами здесь стояли и говорили: «или мы, или они», теперь нас исключаете. Скажите же стране, что между народом и вами нет ничего общего. Мы остаемся на посту верными служителями народа и говорим: «страна гибнет, и в Думе нет больше спасения. Они выгоняют нас, но поддерживают тех»...

После Керенского выступает *М. И. Скобелев:* «Исстрадавшаяся страна с трепетом чувствует, как ее все ближе и ближе ведут на край пропасти. Она уже знает и отчетливо сознает, что самая страшная опасность, самый ужасный враг сидит здесь. Господа, вы сами это почувствовали и сказали всего лишь две недели тому назад. Что же изменилось с того момента? Убрали... (цензурный пробел)... из среды этого... (цензурный пробел)... правительства»... *Родзянко призывает оратора к порядку и лишает слова.*

Последним из исключенных выступает *В. И. Хаустов:* «1-го ноября, обращаясь к большинству Государственной Думы, мы заявили: «или мы, или они». Но сегодня, когда они явились сюда, и когда мы их... (цензурный пропуск)... не хотим выслушивать с этой трибуны, вы с ними солидаризуетесь и нас исключаете на 8 заседаний. Этим самым вы воочию подтвердите всем гражданам России, что вы против народа и вместе с ними будете продавать интересы родины». *Родзянко призывает к порядку.*

Трепов снова появляется на трибуне. Снова возобновляются шум и крик на крайне-левых скамьях. Председатель предложил исключить также на 8 заседаний Чхенкели, Кайниса и Дзюбинского.

Из исключенных первым выступает с заявлением *Чхенкели:* «Я обращаюсь не к вам, а к тому народу, от которого я сюда послан. Тактика, которая применяется нами, подсказывается народом. Народ, которого здесь не видно, и с которым вы не хотите иметь никакого дела, имеет свое мнение о происходящих событиях, и я предостерегаю вас, что это мнение будет не только против власти, но и против вас. *(Председатель:* «Будьте осторожны в ваших выражениях».) Та мера, которую вы применяете сейчас, не есть наказание, касающееся только лично нас. Это касается всего народа, от имени которого мы говорим. (Родзянко, под аплодисменты всей правой части Думы, указывает, что мера вызвана устройством беспорядка.) Вы об'явили борьбу против власти, вы произнесли это слово после года молчания, после того момента, как образовался так называемый прогрессивный блок. Я полагаю, что это слово вами произнесено сознательно после того, как власть сама начала борьбу и довела страну до того положения, которое вы уже констатировали 1 ноября. Вы, произнеся слово «борьба», как бы давали понять, что в этой борьбе вы сами хотите принять участие. Вы выразили мысль, что в недрах правительства имеются господа, которые... (вычеркнуто цензурой)... всецело подчиняются темным силам... (цензурный пропуск)... Что же произошло с тех пор, как вы сказали это? Все осталось по-старому: ушел один, пришел другой, все из тех же недр правительства. Система осталась та же самая. Тогда вы говорили о личностях, но потом выяснилось, что нужно иметь дело... (цензурный пробел)... с системой, которую создает власть... (цензурное пятно)... Для того, чтобы народ вас понял и вас поддержал, вы должны принять такие законодательные акты, которые ведут к раскрепощению страны, к ее организации. Идет борьба с режимом, и, поскольку вы поддерживаете власть, вы не ведете этой борьбы, — вы фарисействуете».

Речь трудовика *Дзюбинского* цензурой пропущена не была.

Кайнис заявил: «Я протестую солидарно с моими товарищами для того, чтобы спасти страну, потому что страна идет к гибели».

Трепов в третий раз поднимается на думскую трибуну. Трудовик Суханов бросает несколько фраз с места. Его постигает та же участь: исключение на восемь заседаний. Только после этого, в четвертый прием, Трепов получил возможность дочитать свою декларацию.

Прения открыл Пуришкевич, направивший свою «оппозиционную» речь против Протопопова. По его же стопам выступал и Бобринский. Прения растянулись на два заседания. Милюков в своей речи говорил о больших событиях, происшедших со времени начала работы Думы. «Страна встрепенулась; от ваших речей пролетела электрическая искра по стране. Зарезанные цензурой речи расходятся на подобие белых прокламаций тайно по всей стране. Самая тема прокламаций изменилась после ваших речей, и вместо борьбы с лозунгом—«долой войну», раздался лозунг «за войну» и вместо созвания разных Учредительных Собраний раздалось требование «министерства спасения».

Так оценивал деятельность Думы, ее значение кадетский лидер.

После него выступал Трепов, заявивший под аплодисменты правых, что правительственная декларация «не является последствием каких-либо уступок и компромиссов или опасений, а является она истинным выражением твердых убеждений правительства».

Выступал с весьма ругательной и оскорбительной для «высокого» учреждения речью Марков II. За нее он был исключен на 15 заседаний. В заключение была принята формула перехода, предложенная Ржевским, в которой было выражено недоверие правительству, неспособному побороть «тайное и безответственное влияние, грозящее России исчезновением под'ема».

Исключение левой части членов Государственной Думы вызвало ряд протестов. Однако в рабочей среде, на фабриках и заводах по этому случаю не было предпринято никакой кампании. Это показывало и депутатам и оборонческим организациям, имевшим с ними тесную связь, что в рабочей массе, в частности в толще питерского пролетариата, они опоры не имели, да и не искали ее, предпочитая парламентскую игру. В наши задачи не входило концентрирование сил и внимания вокруг Думы. Исключение же было чрезвычайно выгодным фактом, показателем ложности того молчаливого соглашения, которое намечалось между меньшевиками и народниками, с одной стороны, и прогрессивным блоком—с другой. Этот случай хоть на время охладил оборонческий пыл «поддержки» Думы. Урок, данный им со стороны буржуазии, был очень полезен.

III.

Из деятельности Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (б-ков).

Несмотря на весьма чувствительные удары, которые наносились нашей подпольной организации единичными и массовыми арестами, ссылками в Сибирь и на передовые позиции, работа наших организаций не падала, а к концу 1916 года наблюдалось повсеместное укрепление и расширение ее. Освобождение от военного угара, а также и от навеянных войной апатии и пессимизма толкнуло к нам много новых сил и вернуло в лоно нашей партии некоторых отошедших от партийной работы за время войны.

Самой крепкой нашей организацией была Петербургская. Московская организация все время войны страдала от отсутствия общего руководящего, организационного центра. Причиной этого явления был хорошо поставленный Московским охранным отделением шпионаж, особенно «внутреннее освещение». Московские товарищи это великолепно понимали и кое-кого подозревали, но все же организации поставить не могли. Руководившему тогда всероссийской работой Бюро Центрального Комитета пришлось прибегнуть к созданию такого организационного центра сверху, путем назначения, по соглашению с московскими работниками, особого Областного Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-ков).

Связи Бюро Центрального Комитета, имевшего свое местопребывание в Петербурге, работавшего в самом тесном контакте с Петербургским Комитетом, весьма расширялись. Связь осуществлялась путем приезда рабочих из промышленных центров и поездками наших представителей на места. Отсутствие денежных средств не позволяло нам широко поставить работу по обслуживанию организаций, и часто приходилось опираться на всяческие случайные поездки и «оказии». О работе организаций мы получали не только простые сообщения, но и вещественные доказательства, в виде листовок, печатавшихся самыми различными способами.

В ноябре Бюро Центрального Комитета имело следующие сообщения с мест [1]):

«*Губернский город Центрального промышленного района (Тверь).* Еще на осеннем, в сентябре 1915 г., совещании местных работников был выбран городской комитет, но возобновить энергичную работу удалось только в марте 1916 г., когда группа новых работников помогла захиревшему к-ту. Кружковая работа налаживалась быстро, но единства в работе не было за фактическим отсутствием центра. К-тет не распускался и ничего не делал. Вспыхнувшие во второй половине . . . . . забастовки окончились в двух предприятиях победой рабочих. Стачечное движение закончилось в конце мая разгромом организации. За это время о-ция успела выпустить 3 листовки: о войне, о военно-промышленных комитетах и первомайскую. С начала июня работа возобновилась. Был создан новый центр; был намечен план работы (центр тяжести лежал в усилении агитации). Работа затруднена тем, что в центре не осталось людей, богатых знаниями и опытом. До сентября кружковая работа не прекращалась»...

«*Город на Волге (Нижний-Новгород).* В сентябре (1916), наконец, удалось организовать городской комитет. Существуют районные к-теты: в пригороде и главном заводском районе (Сормове). В пригороде сейчас действуют 4 кружка. В заводском районе—14; таким образом организация насчитывает 150—200 ч. членов (членами считаются только платящие взносы в размере не менее 1% с заработка). Средства организации делятся соответствующим образом: на нужды районов, на литературу, общегородскому к-ту и 10 процентов отчисляется Ц. К. На нелегальную литературу Бюро Ц. К. в виде аванса послано 25 р. В литературе страшная нужда. Нет до сих пор многих №№ Ц. О. Брошюры: «О войне» и «О дороговизне» — в единичных экземплярах, да и те трудно достать. «Коммуниста» не видели. Вся работа в организации, в том числе и чисто пропагандистская (существует из 6 человек пропагандистская коллегия), в настоящее время ведется исключительно рабочими. Главный недостаток организации — почти полное отсутствие теоретически сведущих и опытных лиц. Местные интел-

[1]) По конспиративным соображениям города, присылавшие информацию, нами скрывались под более общим названием. Так, вместо Нижнего-Новгорода писали „город на Волге“ и т. д.

лигентные силы по разным причинам не принимают близкого участия в работе. При наличии нескольких опытных пропагандистов и литературы работа могла бы развиться широко. Тяга к организации очень большая. В настоящее время комитетом производится реорганизация в заводском районе. Предполагается разбить его на два. В заводском районе в связи с дороговизной растет сильное недовольство существующим положением; предстоит новая борьба за повышение заработной платы. (О летней стачке Б. Ц. К. уже сообщалось.) Предвидя возможность стачки, ликвидаторы и оборонцы приняли меры, чем предотвратить ее. Они стали проводить в жизнь свои гучковские идеи о примирительных камерах и предложили рабочим образовать, совместно с представителями предпринимателей, комиссии по вопросам продовольствия и заработной платы. Комиссии эти были образованы. Организация во-время не смогла раскрыть рабочим глаза на сущность этих предпринимательских комиссий, и рабочие пошли на эту удочку. Сейчас выжидают, что будет из этих комиссий. До сих пор нет никаких результатов. На вопрос же о повышении заработной платы директор ответил категорическим отказом. Без стачки дело не обойдется. Городским комитетом в связи со всем этим выпущена в середине ноября прокламация (гектографированная) о продовольственном кризисе, в которой указывается на связь дороговизны и продовольственного кризиса с войной и призывается к борьбе против войны и против русского правительства. Экземпляр ее послан в Бюро Ц. К. Несмотря на то, что ликвидаторам вместе с предпринимателями в вопросе о комиссиях удалось одурачить рабочих, их влияние очень незначительно. Так, предложение Центральной группы Военно-Промышленного Комитета давать ему сведения о положении рабочих и т. п. встретило со стороны последних резкий отпор. Рабочие заявили, что эту группу они не считают рабочим представительством и потому от всяких сношений с ней отказываются. С этой целью сейчас по заводам под соответствующим заявлением собираются подписи. Их набрано уже значительное количество. Листы продолжают еще ходить по заводам. Их подписывают теперь многие из тех, кто раньше высказывался за участие в Военно-Промышленных Комитетах».

«*Казанъ*. 5 ноября (1916 г.). Была студенческая демонстрация. Сначала в вестибюле университета была устроена

сходка, на которой выступили ораторы с критикой правительства и речами о войне. Была вынесена резолюция против войны с требованием мира, с лозунгом революции. После сходки толпа человек 800—1000 вышла на улицу и с пением революционных песен направилась к тюрьме, где опять были произнесены речи; затем по пути на Театральную площадь толпа постепенно рассеялась. Полиция не вмешивалась. Демонстрация продолжалась часа 1½».

Работа Бюро Центрального Комитета по собиранию распыленных сил находила живейший отклик в среде рабочих и в Бюро частенько приходили с личными заявлениями о желании работать. Иногда приносились и коллективные мнения, вроде нижеприлагаемого, принятого старыми партийными рабочими:

«30/X 1916 г. состоялось совещание 8 рабочих соц.-дем. (б. и м.) по прежней работе, в одной провинциальной партийной организации. Обсудив текущий момент и приняв во внимание: 1) быстрое нарастание народного недовольства и революционной энергии пролетариата; 2) наличность устойчивых об'ективных причин, питающих эти недовольство и революционность и долженствующих в недалеком будущем привести пролетариат к открытой революционной борьбе; 3) почти полное отсутствие организованности и дисциплинированности пролетарских масс; 4) крайнюю слабость организованности элементов революционной социал-демократии, как в смысле организованности авангарда движения, так и в смысле идейного руководства им; 5) грозящую опасность дезорганизованности предстоящего движения, могущего местами вылиться в форму голодных бунтов и погромов, местами подпасть под идейное влияние либеральной буржуазии, рабочих либеральных политиков или иных политических проходимцев, —

«Совещание признало первоочередной задачей момента сплочение всех активных элементов революционной социал-демократии и полное организационное слияние большевиков и меньшевиков, стоящих на почве решений Циммервальдской и Кинтальской конференций и подчинение всей практической работы единому партийному центру. В целях практического осуществления этой задачи, совещание постановило: 1) принять активнейшее участие в работе заводских социал-демократических коллективов; 2) организовать таковые коллек-

тивы, где их нет; 3) войти в близкое сношение с Петербургским Комитетом и Бюро Ц. К., и 4) наладить информационные связи с думской фракцией и некоторыми другими учреждениями.

«В заключение совещание высказало твердую уверенность в том, что только при успешном и своевременном выполнении первоочередной задачи момента, в предстоящий ответственно-исторический момент социал-демократия может представить собой организованную, сплоченную классовой идеологией силу и быть действительным как практическим, так и идейным гегемоном движения».

Возрождались и крепли организации на юге России. В Харькове организация приступила к изданию своей газеты. Один рабочий по поручению организации письменно сообщил в бюро следующие данные о работе организации в Харькове:

«*Харьков.* Организация насчитывает до 120 членов, нормально платящих членские взносы. Среди латышской большевистской молодежи есть тенденция работать вместе, а не обособленно от русских, как это наблюдается среди членов латышской социал-демократии, бо́льшая часть которой работает отдельно от русских. Это надо очень приветствовать. В сентябре рабочие Харькова понесли порядочный урон от провала стачки на заводе «Всеобщей компании электричества Унион». Пробастовав две недели, после многочисленных арестов, рабочие приступили к работам.

«С сентября среди членов организации возникла мысль об издании нелегальной газеты. На массовках начали собирать деньги в фонд газеты, и 12 ноября Харьковская организация сумела уже выпустить первый номер газеты гектографированной: «Голос Социал-Демократа». Газета будет выходить еженедельно. Параллельно с этим имеют в виду издавать журнал, как только будет лучше поставлена техника. Пока же пришлось выпустить в гектографированном виде только газету.

«По наблюдению двух месяцев приходится сказать, что местные меньшевики всегда стоят против решения тех или иных вопросов на широких собраниях, предпочитая их разрешать на групповых, так как боятся поражения и чувствуют свое ничтожное влияние на пролетариат. Харьковские рабочие самым решительным образом отказались от участия в Военно-

Промышленном Комитете. Наша партия за эту работу тут же лишилась двух активных товарищей, которые выступили на собрании и при выходе были арестованы.

«В первых числах ноября группа Центрального Военно-Промышленного Комитета, или, как там называют, «гвоздевцы», прислала в правление дома рабочих следующее письмо с просьбой на него ответить: «Сколько произошло арестов за 1916 год?, в связи с чем?» и т. д. Весь этот материал они просили прислать. Правление на заседании стало рассматривать данный вопрос; поставили предварительно вопрос о том, признаем ли мы гвоздевцев за представителей рабочих, и желательно ли рабочим что-либо иметь с ними?.. На заседании правления присутствовало около 40 человек. После долгих дебатов собрание затянулось за полночь и постановило, что раз петроградские рабочие их не признают и считают политическими авантюристами, то посему харьковские рабочие также с ними ничего общего иметь не хотят и на письмо постановили ничего не отвечать и даже резолюции им не посылать, ибо они могли бы считать, что как будто бы харьковцы когда-либо признавали их за представителей.

«Нелегальной литературы было получено: «Коммунист» первый и второй и «Социал-Демократ» — по 52 номер».

«Екатеринославский Комитет, несмотря на совершившиеся в районе массовые потери членов от арестов и мобилизаций, вел неустанную работу.

В ноябре же была получена нами следующая, написанная от руки печатными буквами и размноженная на гектографе листовка:

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Товарищи рабочие! Третий год бушует пожар мировой войны. Третий год льются потоки человеческой крови, нагромождаются груды тел, безотчетно тратятся миллиарды народных денег и разоряются миллионы населения. Полчища варваров, своей жестокостью превзошедшие древних Аттилу и Чингис-хана, превратили цветущие ранее города и селения в пустые развалины. Опустошены целые области и страны и продолжают уничтожать плоды созданной культуры целых тысячелетий. Десятки миллионов трудового населения впали в состояние полного обнищания. У милли-

онов детей убиты и искалечены отцы, у матерей отняты единственные сыновья и брошены в пасть ненасытному, кровавому богу войны. Дороговизна достигла безумных размеров и угрожает гибелью миллионам пролетариата, еще не брошенного под расстрел пулеметов и пушек. Третий год продолжается бессмысленная, безумная оргия. Третий год стая шакалов и гиен справляют свой кровавый пир. В дни народных страданий, когда все залито кровью и слезами, только ничтожная кучка хищников, зажегшая в своих интересах пламя народной междоусобицы, пожирает плоды отвратительной бойни. Наживой колоссальных барышей от военных заказов и взвинчиванием цен на все необходимые продукты, подкупив продажную печать и задушив всякое проявление свободной мысли, свора жадных гиен во главе с Николаем Кровавым продолжает нагло обманывать народные массы и уверять, что война ведется во имя интересов «всего» народа, что в происходящей ужасной резне заинтересован весь народ. Эта ложь давно разоблачена, и лучшим ответом на нее является та героическая борьба, которую ведет в разных концах России организованный пролетариат.

Царское правительство ошиблось, когда думало сдавить страну железным кольцом произвола, закрыв и уничтожив все легальные рабочие организации, в то же время окончательно задушив свободную мысль и рабочую печать. Пролетариат поднял знамя второй Российской Революции, и уже бушует и волнуется народное море... От берегов Балтийского до Черного моря и от Тихого океана до Северного Ледовитого океана гремят раскаты народного девятого вала, народной бури, которая пронесется с ревом по всей Европе и уничтожит весь старый, истлевший, никуда не годный, кровавый строй царизма и буржуазно-либеральных правлений Франции, Англии и проч...

Товарищи рабочие! Ваш долг не оставаться безучастными свидетелями происходящей борьбы. Ваш долг сомкнуться в мощные организации под старым испытанным боевым знаменем Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Только подняв всеобщее вооруженное восстание от края и до края, только разрушив окончательно дряхлую деспотию Николая второго и учредив на ее развалинах демократическую республику, мы сможем предохранить себя от возможности повторения ужасов мировой бойни. Везде и всюду создавайте кружки и группы, объединяйте их в заводские, районные, городские и областные союзы и создавайте таким путем несокрушимый класс российского пролетариата...

В ответ на все растущую дороговизну объявляйте стачечную борьбу за повышение заработной платы. Пусть на-

ша борьба будет единой, всеобщей, ибо в единении—сила. Долой войну и преступную шайку авантюристов палачей! Да здравствует вторая Российская Революция и борьба за демократическую республику, конфискация помещичьих земель, 8-часовой рабочий день! Да здравствует Российская С.-Д. Р. П.!

Екатеринославский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Не затихала партийная деятельность и в районе Нижнего-Новгорода. Опорой нашей организации здесь были Сормово и Канавино, в окрестностях которых появилось за время войны много предприятий. В ноябре Нижегородский Комитет Р. С.-Д. Р. П. (б.) выпустил следующую листовку:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Товарищи рабочие! Вот уже 27 месяцев длится небывалая по своим размерам война. Народы льют свою кровь, отдают свои лучшие силы для того, чтобы обеспечить господство капиталу. Кругом ужас и страдания. Страдают не только те, кто сражается на фронтах, но и мы, находящиеся вдали от пушечных выстрелов. А мобилизации следуют одна за другой. Обезлюдели деревни и города; фабрики и заводы забросили свое прежнее дело и производят лишь то, что требует фронт. Война вызвала расстройство транспорта, ибо дороги заняты воинскими поездами, частные грузы оставляются на задний план. Целые поезда бесследно исчезают, мясо попадает туда, где требуется керосин, и т. д. Много охотников нашлось половить рыбу в мутной воде; им на помощь приходят банки, министры и другие добрые люди-патриоты. 50 миллионов в день требуется для того, чтобы обуть, прокормить и снабдить оружием всю массу, поставленную под ружье. Неизбежным следствием войны явилась дороговизна, которая с каждым днем дает себя все больше и больше чувствовать. Явились непрошенные «борцы» с дороговизной; устраиваются заседания; комитеты губернские и уездные растут, как грибы после дождя. Кооперативы? Но что они могли сделать до войны,— сделать теперь не в состоянии, они бессильны в борьбе с дороговизной, ибо продуктов не хватает и негде их брать. Борьба с дороговизной будет бесплодна, пока за борьбу с ней не возьмемся мы, товарищи, больше всех заинтересованные и больше всех терпящие от всех последствий войны, а также от дороговизны. Товарищи рабочие! единственный выход из создавшегося положения—это забастовочное движение за увеличение заработной платы. Но это не все,

что мы должны и можем сделать. Мы должны положить конец этой бойне, ведущейся исключительно в интересах крупной буржуазии и тяготы которой тяжелым бременем лягут на нас и только на неимущих, а достигнуть этого мы сможем только гражданской войной внутри страны, которая должна и сможет низвергнуть правительство, вовлекшее народы в братоубийственную войну, и судьбу народов передать в их собственные руки. Итак, товарищи, довольно мы молчали, терпели, пора нам сказать свое веское слово! *Долой милитаризм! Да здравствует социализм! Долой самодержавие! Да здравствует революция!*

Нижегородский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Ноябрь 1916 года.

Листовка, по примеру далекой древности подпольной, написана от руки и размножена на гектографе.

Не прекращалась также партийная деятельность и на Урале. Центром ее были Пермь и Екатеринбург. Почти на всех предприятиях Урала велась социал-демократическая (большевистская) работа. В декабре в Бюро Ц. К. был получен листок, выпущенный Екатеринбургской городской организацией нашей партии. Листовка, размером четверть листа, отбита на пишущей машинке и размножена на гектографе, следующего содержания:

Екатеринбургская городская организация.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Уже более двух лет, как льется потоками человеческая кровь в Закавказье, Галиции, Польше, Прибалтийском крае. Миллионы молодых жизней принесены в жертву алчным аппетитам продажной буржуазии и крепостнического дворянства. Миллионы разоренных жителей, калек и сирот—результат этой ненужной для народа бойни. Для кого нужны те потоки крови и горы трупов, которыми устланы галицийские поля и Карпатские горы?

Товарищи! Война не нам нужна, не в наших интересах она затеяна. Война нужна и затеяна в интересах крепостников, дворян и хищнической буржуазии. Это им нужны Галиция, Армения, Константинополь, как новые рынки, как место для сбыта гнилых товаров. Товарищи! Не забывайте, что делают палачи правительства с народом в тылу!

На стремление рабочих улучшить положение правительство отвечает—«пуль не жалеть», и палачи правительства расстреливают рабочих в Петрограде, Самаре, Оренбурге и других местах.

Довольно терпеть! Пора самим положить конец этой бессмысленной войне. Пора сознать, что троны деспотов-царей опираются на невежество народных масс и на солдатские штыки. Пора обернуть эти штыки против угнетателей народа—помещиков, буржуазии, насилия царизма. Товарищи! Прислушайтесь, что говорят передовые рабочие.—Организуйтесь, подготовляйтесь и подготовляйте товарищей, чтобы, сорганизовавшись, выступить на борьбу с царским самодержавием и кровожадно-хищными капиталистами. Ибо только революционное выступление пролетариата и армии может положить конец этой ненужной войне, несущей с собой разорение и порабощение трудящихся масс крестьян и рабочих.

Товарищи! Становитесь под красным знаменем в ряды революционной *Российской Социал-Демократической Рабочей Партии*, и пусть первым нашим кличем будет—*Долой самодержавие! Да здравствует всеобщее восстание! Да здравствует Учредительное Собрание! Да здравствует социализм!*

В первой части книги я уже касался деятельности наших партийных организаций осени 1916 года. Но после опубликования первой части мне удалось добыть ряд новых материалов о нашей работе и революционном движении, которые в виде дополнения мною используются во второй части.

Стачечное движение в промышленных центрах, особенно же в Петербурге, осенью 1916 года развивалось с невиданной давно силой. Тяжести войны давали себя чувствовать довольно основательно. Положение рабочего класса ухудшалось с каждым днем. Движение, получавшее начало в экономических требованиях той или иной группы рабочих, превращалось в политическую борьбу. Настроение рабочих было так приподнято революционное, что стачки возникали только при одном появлении листка. Особенно широко распространены были в эту осень стачки солидарности. Лишь только до рабочих завода или фабрики доходили известия о борьбе своих товарищей, как рабочие спешили войти с бастующими в контакт и в нужный момент оказывали дружную поддержку.

В декабре мною было написано письмо нашему Центральному Комитету, имевшему место пребывания в Швейцарии,

персонально В. И. Ленину и Г. Зиновьеву, в котором я кратко сообщал о нашей работе и положении дел в стране. Это письмо мне удалось разыскать в 1920 году во время поездки за границу. Его я нашел на одном из бывших наших заграничных передаточных пунктов. Помещаю его полностью, выбрасывая лишь зашифрованную часть, скрывавшую нелегальные адреса того времени:

Петербург, 2 декабря 1916 г.

«Дорогие друзья! Наконец-то имею возможность поделиться с вами новостями и материалами. Чувствую, что ропщете на долгое отсутствие вестей, но думаю, что вы догадываетесь о причинах, которые лежат вне моей воли,—в отсутствии людей. Путешествие мое было полно самых неожиданных приключений и благодаря этому длилось почти три недели. Сюда попал только в конце октября по старому стилю. Подробности сообщу на досуге. Всех друзей и знакомых застал еще здравствовавшими. Однако уже с 5 ноября начались потери. В эту ночь и день были обыски во всех больничных кассах, и арестовано несколько служащих больничных касс. В ночь на 16 ноября были произведены массовые обыски среди рабочих и интеллигенции всех направлений, при чем большинство публики,—«старая», уже бывшая на счету у охранки. Арестован один член рабочей группы Страхового Совета Г. И. Осипов и кое-кто из причастных к марксистской прессе. Многие из моих личных друзей исчезли при этом аресте.

«В настроении рабочей массы и демократии вообще наблюдается полнейшее отсутствие патриотического дурмана. Дороговизна, хищная эксплоатация, варварская политика — все это достаточно убедительно доказывает массам истинный характер войны. Клич «война до победы» остался только боевым лозунгом военной промышленности. Рабочие, работницы, солдаты и простые «обыватели» открыто выражают свое неудовольствие продолжением бойни.—Скоро ли все это кончится?—звучит положительно всюду. Рабочее движение в этом году отмечает рост стачек по всей стране. Стачки были в Москве, Питере, Донецком бассейне (Харькове, Николаеве), Екатеринбурге и Баку. Подробности получите. Лето этого года прошло в Питере в значительном затишье. Дороговизна жизни приняла

катастрофический характер. Отсутствие продуктов взволновало широкие круги. Люди были поглощены мыслью, как бы добыть тот или иной продукт. Бросались в кооперацию, в организацию закупок и т. д. Цены возросли в 5—10 раз по сравнению с прошлогодними. Одежда, обувь становятся почти недоступными. То, что стоило (костюмы и пр.) до войны 30—40 рублей, теперь 150—200 и т. д. К осени положение дел стало ухудшаться, и в сентябре, октябре бывали дни, когда в рабочих кварталах не было хлеба. О мясе и говорить уже не приходится. То же самое наблюдалось и в Москве. В первой половине октября Петербургский Комитет предпринял массовую кампанию борьбы с «продовольственной» разрухой, путем организации митингов протеста и проч. Митинги проходили по заводам с большим под'емом и под лозунгом «долой войну» и «долой правительство».—Были выпущены листовки. Появление на заводах листков массою было принято за приглашение к стачке, и она быстро охватила весь Выборгский районы. Были манифестации. Начавшись помимо воли организаций 17 октября, стачка длилась от двух до трех дней. Во время ее были многочисленные столкновения с полицией. Одно из них следует отметить, как показательное для настроения солдатских масс. Около завода «Новый Лесснер» помещаются казармы 181 пехотного запасного полка. Когда началась забастовка, то полиция бросилась разгонять демонстративно выходивших с пением рабочих. В толпе были и солдаты, которым полиция угрожала всяческими карами. Многие вступали в пререкания; полиция пыталась арестовать, но толпа отбивала. В это время на дворе 181 запасного полка происходило учение, и солдаты, привлеченные шумом, подошли к казарменному забору, были приглашены рабочими на помощь против полиции. Запасные и молодые солдаты быстро откликнулись на зов рабочих, повалили забор и выбежали на улицу, присоединились к толпе и стали бросать камни в полицию (оружия у солдат нет). Последняя отстреливаясь, отступила. Вскоре прибыли казаки, оцепили завод, и вокруг казарм были поставлены часовые. Полк был арестован.

«После этого по городу распространились слухи, что арестовано много солдат и предано военно-полевому суду. Слухи эти проверить было трудно, но на 26 октября был назначен военный суд над матросами Балтийского флота, обвиняемыми в

принадлежности к Военной Организации Р. С.-Д. Р. П. (б.). На скамье военно-окружного суда было 17 унтер-офицеров и 3 штатских. Петербургский Комитет решил оказать поддержку матросам и об'явил в тот день всеобщую стачку протеста. В стачке участвовало 116.000 рабочих, все учебные заведения, много мелких мастерских и типографий, число работников которых не поддается учету. Стачка оказала большое влияние на суд, и приговор был относительно «мягкий». 4 человека осуждены: Т. И. Ульянцев, машинист крейсера «Россия»—8 лет каторги, И. Д. Сладков—унтер-офицер уч. арт. отр.—7 лет, Н. В. Брендин — унтер-офицер крейсера «Россия», взявший обратно все свои показания, данные им на предварительном следствии—7 лет каторги; И. Н. Егоров—ссыльно-поселенец—4 года каторги (это товарищ «Кирилл», он же Орлов). Подробности о процессе см. в «обвинительном акте» [1]). Все подсудимые держались очень хорошо.

«Забастовка протеста длилась от 1 до 3 дней и вызвала репрессии. Союз фабрикантов и заводчиков решил наказать рабочих локаутом; закрыты были многие заводы, как-то: Эриксон, Лесснер, Рено и друг. Петербургский Комитет решил начать борьбу с локаутом путем агитации за всеобщую стачку. Был выпущен листок, но правительство поспешило вмешаться, и военные власти предписали заводам открыть мастерские, что и было исполнено к 1 ноября.

«Настроение рабочих кругов после этой стачки стало бодрящее. На «продовольственную нужду» стачка имела благотворное действие: появились хлеб, мясо и другие продукты в изобилии.

«После этих событий всеобщее внимание было приковано к думским «зрелищам». «Прогрессивный блок» выступил против Штюрмера. Обличительные речи трех заседаний (1, 3 и 4 ноября), особенно первого, были запрещены к печати, но широко разошлись по Питеру в рукописном виде. Многие верили в искренность этой борьбы большинства Гос. Думы с правительством, во главе которой шли кадеты 1 ноября.

«Но действительность скоро вскрыла кадетскую непоследовательность, оппозиционные слова которой так мало походят на холопские дела, на ту закулисную игру, которую они ведут.

---

[1]) Выдержки из обвинительного акта смотрите в приложении V.

«Кадетские подголоски нашего времени—гвоздевцы уже начали свою агитацию за поддержку Думы и ее требований. Выработали особую резолюцию, требующую «правительства спасения страны». Провели ее на незначительных заводах и отправились «депутацией» к Родзянко...

«Через пару дней большинство «блока» выкинуло из Думы их прежних и настоящих друзей: фракцию Чхеидзе и трудовиков... Бедные гучковские молодцы были очень обескуражены таким оборотом «спасителей страны» и начали вести агитацию против блока, но все же «поддерживая его».

«Петербургский Комитет проводит по заводам свою резолюцию об отношении к Думе. Министерские комбинации—замена Штюрмера Треповым, — считаются кадетами «большой» победой. Значительную долю блока это уже удовлетворяет, и она рвется к «совместной» с правительством работе. Кадетская партия на своем заседании решила держаться лицемерной тактики: не примиряться на словах, говорить, что «ничего не изменилось», но во имя «сохранения единства» блока работать на деле с правительством. По отношению к ним организации держатся старой тактики разоблачения лживой природы кадетского либерализма.

«Более подробные отчеты о положении работы, жизни организации и о рабочем движении обещали дать местные работники. Работа здесь поставлена сравнительно хорошо, но также чувствуется недостаток в людях. Наши взаимные отношения самые лучшие, товарищеские. Бываю на собраниях Исполнительной Комиссии каждую неделю, а вижусь иногда и чаще. Делал доклады, были дискурссии. Есть товарищи, колеблющиеся в вопросе о «праве наций» на самоопределение, о Соединенных Штатах Европы. В сторону центрального органа посылаются справедливые упреки за отсутствие руководящих статей. Требуют от представителей Центрального Комитета в Циммервальдских группировках быть более определенными. Все издания Ц. К. здесь имеются уже с сентября... Брошюра «Война и дороговизна» была издана в 5.000 экземпляров. Мне приходится очень трудно, так как вынужден разрываться на все руки: писать статьи, организовывать, видеться, готовить доклады и быть на заседаниях. Живу между небом и землей, кочую... Отовсюду требуют литературы, людей и сетуют на Ц. К. Все чаще и чаще проглядывает мысль о необходимости всерос-

сийского совещания. Имейте это в виду и готовьте доклады и резолюции по текущему моменту.

«*8-го декабря.* Простите за мозаичный характер моего письма, дорогие друзья... Получил кое-какие сведения из различных концов провинции, копии с которых прилагаю вам. В Петербургский Комитет прибывают очень часто делегаты из провинции за литературой и сведениями. Отовсюду вопль на недостаток людей, литературы и указаний. Все требуют от Бюро Центрального Комитета устройства совещания. Исполнительная Комиссия избрала уже людей для совместного с Бюро Цека обсуждения порядка дня и докладов. Резолюция Бюро Цека относительно разногласий в среде сотрудников принята в Исполнительной Комиссии Петербургского Комитета.

«О настроении провинции и всей России можно судить по следующему факту, переданному приезжими товарищами из Кременчуга. Около одного магазина собралась большая толпа «очередников» за сахаром,—большинство женщины. Произошла ссора женщин с блюстителями порядка — городовыми. Ссора перешла в избиение полицейских и разгром магазинов. На «усмирение» были вызваны солдаты, но они стрелять отказались. Призвали казаков, — они тоже отошли в сторонку. Тогда власти пустили в ход последнюю силу: конную стражу—полицию. Последняя повиновалась и открыла стрельбу по толпе. Это возмутило казаков и солдат, и они бросились на полицию и уничтожили ее. После этого толпа соединилась с казаками и с солдатами, начала громить участки, квартиру полицеймейстера, который был ранен, но успел скрыться. Разбили воинское присутствие, а воинского начальника убили. Разбили много магазинов. Стихийный бунт длился два дня, а потом прибыли новые силы, и началось подавление с обычными зверствами. Много убитых и раненых.

«Из Донецкого бассейна сообщают, что там организации крепнут. Недавно состоялось областное совещание, создавшее областной комитет. В районе много военно-пленных рабочих (австрийцев). Отношение между ними и рабочими самое лучшее. Военно-пленные организуются и стараются примыкать к нашим организациям. Кое-где администрация пыталась окончательно вытеснить вольный труд путем введения работы военно-пленных (в рудниках), но натолкнулась на протесты самих военно-пленных, заявивших, что они не сойдут в рудники, даже

под угрозой смерти, если ими будут «замещать» увольняемых рабочих.

«Цензовая буржуазия проектирует с'езды и уже разослала приглашение различным рабочим организациям, как больничным кассам, кооперативам и Военно-Промышленным Комитетам (гвоздевцам). Правительство настроено против с'ездов. Но не только одно оно, но и «прогрессивный блок» тоже против. Нам удалось узнать, что 16 ноября было совещание бюро блока с представительством от общественных организаций, как-то: Союза Городов, который был представлен Челноковым, Щепкиным; Союза Земств (князем Львовым) и Военно-Промышленных Комитетов (Коноваловым) под председательством Меллер-Закомельского, члена Государственного Совета. Докладчиком прогрессивного блока был Милюков. Пел хвалу блоку и общественным организациям за проявленное «единство», в результате коего одержана столь блестящая победа, как удаление Штюрмера. После такого «праздника» для блока наступили «будни», во время которых работа блока будет итти «зигзагообразно». «Общество должно быть осторожно в своих требованиях от Думы, иначе это может повести «к нарушению единства общественного фронта»... Шингарев поставил точки на «и», высказав в своих комментариях к речи Милюкова, что прогрессивный блок провести требования не может, а поэтому следует воздержаться от организации с'ездов и совещаний, ибо неизвестно их настроение. Они могут пред'явить требования к Думе, а агрессивная политика Думы дальше невозможна. Шидловский прямо заявил, что «агрессивная» политика Думы может привести к роспуску, а роспуск к «революции», чего, конечно, они боятся больше всего. Эти сведения нока для вас; корреспонденция по этому случаю будет помещена в «Пролетарском Голосе», который скоро выйдет.

«Лично я стою за использование избирательной кампании на с'езды и за выступления там с самостоятельной декларацией, но против участия в «органической работе». Коллеги по Б. Ц. К. [1]) солидарны. Провели это и в П. К. [2])). Но уже были кое-где случаи бойкота выборов. Следует поместить в Ц. О. [3])

---

[1]) Бюро Центрального Комитета.
[2]) Петербургском Комитете.
[3]) Центральном Органе—„Социал-Демократе".

руководящую статью против системы бойкота. Необходимо провести ту же линию, которую Петербургский Комитет занял по отношению к выборам в В.-П. К. осенью 1915 года. Бойкот ясно выгоден гвоздевцам, связывает их с провинцией и поддерживает обманный характер их представительства.

«Отношение русского правительства и Думы к германскому предложению о мире возмутило широкие круги обывателей и интеллигенции. Даже патриотический элемент недоволен решением Думы, ее «принципиальным» нежеланием вступать на почву обсуждения мирных предложений. Наши организации используют этот факт, как яркую иллюстрацию захватных идеалов русской буржуазии и правительства. «Мирным» планам господствующих классов воюющих стран мы противопоставляем необходимость прекращения бойни помимо правительства, через головы их. На-днях выйдет по этому случаю одна прокламация Петербургского Комитета.

«Бюро предполагает также выпустить листовку, и может быть удастся поставить периодический центральный орган... Работы в этом направлении ведутся.

«Из Харькова сообщают, что там возникли разногласия по текущему моменту. Некоторые товарищи стоят на позиции, что мы переживаем эпоху социальной революции. Скоро увижу кое-кого оттуда и выясню их намерения.

«Настроение солдат весьма напряженное. Ходят слухи о бунтах в армии. Сообщают, что идут беспорядки в Двинске, но на какой почве — неизвестно. Передают, что царь «уволил» командующего генерала Алексеева за его «оппозиционность» и назначил на его место генерала Гурко, 2 декабря Гурко заменен другим. К 6 декабря Дворянский С'езд, думцы и Гос. Совет готовились к приему у царя. Наши царские холопы приготовили уже речи, но «неожиданно» были поражены: царь уехал ла фронт, отказываясь их принимать. Своим обращением к Питириму и пожалованием ордена генералу «Куваке» он ясно показал свое недовольствие буржуазией... Вообще «общество» полно всяких слухов и толков. Сообщают, что будто еще летом было совещание некоторых военных кругов действующей армии из командиров корпусов, дивизий и некоторых полков, на котором обсуждался вопрос о низложении царя Николая II. Вообще, даже убежденные монархисты — и те очень смущены всем, что творит царское самодержавие.

«*14 декабря*. В конце прошлой недели были провалы. Арестовали типографию П. К.; провалилось 6.000 брошюр «Кому нужна война» и 3.000 экземпляров четвертого номера «Пролетарского Голоса». В типографии и на складе арестовано 24 человека. Были еще аресты среди печатников. В общем большие провалы, размеры которых пока не выяснены.

«Рабочая мысль бьется теперь вокруг вопроса о «мире». Требуют лозунгов. Думаем выпустить резолюцию. Требуют докладов... Настроение весьма повышенное, особенно в Москве. «С'ездовцы» там вступили в борьбу с полицейщиной. Дума в своей тактике ниже буржуазных настроений. Писать больше некогда, нужно отправлять, завален работой. Крепко жму руку. Ваш Александр».

Это письмо дает фотографическую картину движения, настроений и нашей партийной работы того времени. Характер движения, его причины и пружины нам, большевикам того времени, были ясны и понятны. Иначе относились к рабочему движению осенью 1916 года различные враги пролетариата, начиная с черной сотни и кончая подручными господина Гучкова, заседавшими в различных военно-промышленных комитетах.

Для характеристики всех противопролетарских настроений приведу отношение к осенним стачкам и демонстрациям рабочих Питера, проявленное «Рабочей группой» Центрального Военно-Промышленного Комитета. В «Бюллетене Рабочей Группы» № 5 находим следующую оценку и меньшевистскую характеристику революционного по сути движения:

«С начала октября по всему Петрограду начали широко распространяться слухи о каких-то чрезвычайных событиях, происходивших будто бы в Москве, Харькове и еще в некоторых провинциальных городах. Из некоторых городов в частных письмах запрашивали: «что у вас происходит в Петрограде?», когда в Петрограде еще ничего не происходило. В Петрограде же со всех сторон Рабочую Группу осаждают тревожным вопросом: «что слышно о Москве?». Упорство, с которым слух о «московских событиях» передавали из уст в уста и захватил все рабочие районы Петрограда, вынуждало Рабочую Группу неоднократно наводить справки у московских товарищей. И всякий раз оказывалось что слухи эти совершенно неправдоподобны.

«Убедившись в вымышленности всех этих слухов, исходивших, повидимому, из темных источников, Рабочая Группа вместе с тем должна была признать, что слухи эти падают на почву, чрезвычайно подготовленную к их восприятию. Рабочая Группа неоднократно указывала на опасность создавшегося положения. Страшная продовольственная разруха, вызывающая постоянно тревожные опасения за завтрашний день, стремительно возрастающая дороговизна продуктов первой необходимости, отсутствие многих из них в продаже, бесконечные «хвосты», выстаивание в которых совершенно не по силам рабочему, расстройство домашней жизни рабочих вследствие массового вовлечения женщин в предприятия; на-ряду с этим постоянное падение реальной заработной платы, несмотря на чрезвычайную интенсивность и продолжительность труда, крайне изнуряющие силы рабочего; наконец, прикрепление его к заводам, угроза фронтом, как наказанием, усиливающийся на заводах казарменный режим и т. д.,—все это уже само-по-себе создает тревожное, напряженное состояние рабочих масс, заставляет их настойчиво искать выхода из своего невыносимого положения.

«В том же направлении действуют и политические условия, тягостные для всего населения и особенно враждебно складывающиеся для рабочего класса. Общеполитические интересы здесь глубже и серьезнее, чем в других слоях народной массы. И если внутренние порядки России вызвали резкий протест даже в умеренных слоях господствующих классов, представленных в Государственной Думе, и этот протест нашел себе отклик даже в некоторых кругах дворянства и купечества, то тем больше тревоги и волнения факты внутренней политики должны были вызвать в рядах рабочего класса.

«Все это происходит на фоне тяжелых лишений, вызванных войной. Как бы те или иные течения в рабочей среде ни относились к войне, полнейшая неизвестность относительно ее целей, опасения, что война ведется во имя завоевательных задач, не встречающих никакого отклика в рабочей среде — все это вместе рождает естественную тревогу, что страшные жертвы народа идут на неправое, никому не нужное дело, что народ подвергается истощению не во имя самозащиты, а во имя интересов, чуждых и враждебных народу. Для сознательного отношения ко всему происходящему, рабочему классу, как и всей

стране, необходимо пользоваться хотя бы элементарными правами общения, — но это недоступно ему даже в той мере, в какой это доступно остальным классам населения. Лишенный собственной печати, которой он мог бы доверять вполне, лишенный своих организаций, в которых он мог бы совместно с товарищами отдать себе отчет в происходящем вокруг, рабочий не находит раз'яснений и в общей печати, зияющие белыми местами страницы которой только еще больше усиливают его тревожное настроение.

«При таких условиях самые невероятные, непроверенные слухи, попадая в нервную атмосферу, в которой живет сейчас рабочий класс, толкают дезорганизованную, распыленную массу на путь стихийных оказательств, являющихся неизбежным результатом отсутствия открытых форм рабочей общественности. Так оно случилось и на этот раз.

«С ряда заводов в Рабочую Группу стали поступать сообщения о крайне повышенном, возбужденном настроении рабочих. Настроение это достигло такого напряжения, что, по сообщениям корреспондентов Рабочей Группы, достаточно было малейшего шума, падения листа железа, чтобы рабочие останавливали станки и устремлялись к выходу. Вместе с тем по городу стали циркулировать самые чудовищные слухи. Положение складывалось самое серьезное. Учитывая это, Рабочая Группа в своем заседании от 17 октября постановила обратиться к рабочим со следующим заявлением: «В последние дни все чаще и настойчивее по фабрикам и заводам Петрограда распространяются самые тревожные и возбуждающие слухи. Передают: на таком-то заводе обрушилось здание и задавило сотни рабочих; на такой-то фабрике произошел взрыв, при чем погибли сотни работающих там людей. На-днях широко распространились слухи о том, что вся Москва охвачена восстанием, что московская полиция забастовала, что вызванные войска отказались стрелять и т. д. Одновременно с этим подобные же слухи, но уже о восстании в Петрограде, о разгроме Гостиного двора, — распространяются в Москве. Но этого мало. В Харькове рассказывают о революции в Москве, а в Москве—о революции в Харькове. При проверке эти слухи оказываются грубой выдумкой. Подобные слухи из различных, ничем не связанных друг с другом мест, передаются в такой одинаковой форме, что невольно напрашивается вопрос: не скрыта ли в основе этих

слухов какая-то невидимая, действующая и направляющая злая воля? Рабочая Группа, обсудив положение вещей и приняв во внимание напряженно-тревожную атмосферу, создаваемую в широких слоях населения стремительно растущей продовольственной неурядицей, считает своим долгом предупредить рабочих о большой опасности для интересов рабочего класса в том случае, если рабочие будут относиться к подобным слухам без должной осторожности.

«Всякому понятно, что возбудить массу, бросить в нее искру в настоящее тяжелое время не стоит большого труда. Но всякий сознательный рабочий, отдающий себе ясный отчет в том, какое положение в настоящее время и чего требуют от него классовые интересы и интересы страны, понимает, что стихийная вспышка дезорганизованной, раздраженной тяжестью жизни народной массы, вспышка, которую враги народа будут пытаться перевести в погром или торговых заведений, или инородцев, будет на-руку только врагам рабочего класса. Вихрь ложных слухов, вдруг поднятый неизвестно кем в рабочей среде, является предостерегающим голосом для рабочего класса: быть настороже, так как вовлечение его в движение при его неорганизованности может разбить, ослабить и надолго задавить всякие малейшие проявления его самодеятельности. Указывая на эту огромную опасность, стоящую перед рабочим классом, Рабочая Группа обращается ко всем т.т. рабочим с призывом к энергичной общественно-организационной работе. Вопрос о планомерном, организованном участии рабочих масс в общественной жизни становится при таких условиях единственно верным средством отвести от рабочего класса грядущую опасность».

Конечно, всякий политически грамотный человек знал, что не слухи, которыми питался питерский обыватель, определяли и вызывали политическую борьбу. Либеральная буржуазия, а вместе с нею и ее меньшевистские лакеи распространяли про рабочие стачки всяческие гнусности, вроде того, что рабочие являлись жертвами работы «темных сил», под которыми разумели охранку. Частенько буржуазия и социал-патриоты об'ясняли антипатриотическое отношение рабочих к «обороне» и ее барышам работой германского генерального штаба.

Любопытную характеристику октябрьского стачечного движения дает тот же 5 номер «Бюллетеня Рабочей Группы»:

«Приподнятое, нервное настроение рабочих масс вылилось вскоре в новую вспышку. Поводом к ней явился широко распространенный слух о смертной казни, будто бы угрожающей нескольким десяткам матросов, преданных военно-морскому суду. Распространению этого слуха особенно способствовало выпущенное одной политической организацией воззвание, призывающее даже по этому поводу к забастовке-протесту: «долой смертную казнь!» — гласит лозунг листка. Ни начало, ни конец забастовки в листке указаны не были. Между тем матросы были преданы суду по 102 ст. и им угрожает самое большое — каторга (как известно уже теперь, 16 человек оправдано, а 3 приговорены к каторжным работам на разные сроки); 26 октября на ряде заводов Выборгской стороны (Эриксон, Лесснер, Феникс) опять началась забастовка, вызванная ложным сообщением о предстоящих казнях. В газетах ничего о процессе не было, и ложному слуху дана была полная свобода распространения. В последующие дни забастовка перебросилась и в остальные районы, охватив довольно значительный круг фабрик и заводов. Одновременно стало известно, что ряд забастовавших заводов Выборгской стороны (Металлический, Промет, Феникс, оба Лесснера, Нобель, Парвиайнен, Эриксон и др.) закрыт по распоряжению властей на неопределенное время. Явившиеся на работу рабочие разгонялись полицейскими нарядами. Это дало шедшему уже на убыль движению новый лозунг: поддержка локаутированных товарищей. Забастовка продолжалась, захватив новые предприятия. На некоторых заводах (Путиловская верфь и др.) к тому же возникли конфликты на экономической почве, также вылившиеся в забастовку. Тревожному настроению способствовало поведение полиции, избившей нагайками толпу у Трубочного завода, и т. д. Наконец, 29 октября на воротах бастующих заводов появилось следующее об'явление:

«Начальник Штаба Петроградского Военного Округа на театре военных действий. 28 октября 1916 года. Директору (такого-то) завода. Главный Начальник Округа приказал лишить отсрочки призыва и призвать немедленно на действительную военную службу рабочих завода военнообязанных досрочных призывов 1917 и 1918 годов. Списки означенных рабочих не-

медленно представьте Петроградскому Уездному Воинскому Начальнику и в полицейский участок, безотлагательно произведя расчет призываемым военно-обязанным. Доводя о сем до сведения рабочих, прошу всех родившихся в 1896 и 1897 годах немедленно явиться в контору за получением расчета».

Характерно выявлена в этом описании оценка политического процесса балтийских моряков и проявленной по отношению к ним солидарности питерского пролетариата.

Н. Д. Соколов, организатор защиты моряков по этому процессу, лично мне говорил о том, какое большое значение для исхода процесса имело выступление питерских рабочих. Статья 102, по которой судили обвиняемых, легко могла быть заменена другой. Вопрос о расправе с «бунтарями» путем смертной казни вовсе не был измышлением. У Н. Д. Соколова не было уверенности в «бескровном» исходе процесса еще накануне его разбора.

IV.

Военная организация моряков.

Революционная работа среди моряков военного Балтийского флота была полна героизма. Партийная деятельность среди матросов не прекращалась со времени первой революции 1905 года. Репрессиями она лишь временно задерживалась, но не исчезала. Во время войны революционная работа получила даже некоторый толчок к под'ему. Благодаря мобилизации во флот влилось много пролетарских элементов, а также моряков с революционным прошлым. Просеивать состав судовых команд и береговых экипажей во время войны было значительно труднее, чем в мирное время.

Петербургский Комитет держал самую тесную связь с военными организациями флота. Вся работа на судах, а также и среди береговых и крепостных команд велась силами самих моряков. Постороннему, приезжему и штатскому человеку было невозможно прочное существование в укрепленных районах Кронштадта, Свеаборга, Ревеля и Або. Петербургский Комитет делал некоторые попытки к посылке особых лиц для ра-

боты среди моряков, но терпел неудачи и вынужден был рекомендовать морякам строить организацию своими силами.

Под'ем рабочего движения в Петербурге, наметившийся летом и осенью 1915 года, не мог не отразиться на настроениях пролетарских элементов флота, задавленных жестокой дисциплиной военного времени. Осенью 1915 года сложилась довольно крепкая социал-демократическая организация моряков. Все крупнейшие суда, а также береговые команды в Кронштадте, Гельсинфоргсе, Петербурге и др. районах Балтийского побережья были связаны «Главным Коллективом Кронштадтской Военной Организации».

Несмотря на крайнюю осторожность и конспиративность работников военной организации, их деятельность скоро попала под наблюдение внутренней и внешней охранной агентуры. Сами работники, члены нашей партии, вскоре после организации коллективов, повели массовую агитационную деятельность, как устную, так и печатную, распространяя получавшуюся от Петербургского Комитета литературу. Агитация падала на весьма благодарную почву: недовольство войной и положением солдата глубокс волновало матросские команды. Листовки, брошюры зачитывались до дыр, получали широкое распространение.

Под'емное, революционное настроение среди судовых команд вскоре вылилось в открытое возмущение. 19 октября команда линейного корабля «Гангут» выразила возмущение царившими на судне порядками, а также плохим качеством пищи. Возмутившаяся команда арестовала часть офицеров и вошла в сношения с другими судами, прося помощи. Неорганизованная вспышка возмущения была быстро изолирована и подавлена. Военные власти приняли жестокие меры расправы с командою этого судна. Двадцать шесть человек было предано суду, весь экипаж был списан на берег и расформирован. 17 декабря 1915 года состоялся суд, который вынес два смертных приговора, а четырнадцать матросов приговорил к каторжным работам на разные сроки. Но и эти жестокие репрессии не смогли убить революционного духа во флоте. «Беспорядки» различного размера происходили на многих судах и после расправы с матросами «Гангута».

В декабре месяце 1915 г. усилиями Охранного Отделения, работой внутреннего освещения и наружного наблюдения,

были установлены точные связи моряков с Петербургским Комитетом. Среди матросов, входивших в кружки, были агенты жандармского управления. Связи Петербургского Комитета с Кронштадтскими матросами «освещал» провокатор В. Шурканов (б. депутат III Г. Думы). Члены Петербургского Комитета, державшие связь, К. Орлов, В. Шмидт, были близко знакомы с В. Шурковым и часто устраивали у него на квартире явки. Таким путем «охранка» была поставлена в курс почти всей работы военной организации П. К.

На основании добытых такими путями сведений и была составлена «Записка» полковника Глобачева директору департамента полиции.

ЗАПИСКА
отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице.

3 декабря 1915 года.
№ 228.

Совершенно секретно.

Его Превосходительству
Господину директору Департамента полиции.

За последнее время агентурой вверенного мне Отделения отмечено существование военной организации Российской социал-демократической рабочей партии среди нижних чинов Балтийского флота в следующем виде.

На каждом корабле функционируют социал-демократические ячейки, избирающие свой коллектив, коллектив каждого корабля имеет представителя в руководящем коллективе. Означенные ячейки зародились совершенно самостоятельно исключительно благодаря наличию благоприятной почвы в смысле большей развитости состава нижних чинов и присутствию в таковой лиц, еще до поступления на военную службу искусившихся в подпольной работе.

Руководящий коллектив судов, устраивая собрания на берегу в чайных и ресторанах, главным образом, все усилие направил на то, чтобы путем разъяснения текущих событий в желательном для них освещении создать среди матросов атмосферу недовольства. Такой агитационный прием в руках опытных руководителей коллектива уже успел оказать влияние на настроение нижних чинов, и, по данным агентуры, в настоящее время почти на всех кораблях замечается приподнятое настроение и крайняя нервность, несмотря на то,

что никаких других оснований к этому не имеется—вся жизнь на кораблях течет нормальным порядком.

Идейные руководители подпольной работы на военных судах всячески удерживают матросов от одиночных выступлений, подготовляя соответствующую обстановку на случай общих выступлений и учитывая возможность активных выступлений со стороны рабочего класса, могущих оказать решительное давление на изменение существующего строя; каких-либо выступлений, приуроченных к определенному сроку, у названных лиц пока не намечено, вся их работа сосредоточена в области организационной.

Успев уже подготовить желательное настроение на судах, руководители подпольной среды испытывают затруднение в сдерживании одиночных выступлений, и в этом отношении на них произвело неприятное впечатление открыто выраженное недовольство, имевшее место в августе или сентябре месяце сего года на линейном корабле «Гангут», результатом коего явилось отправление части матросов этого корабля в Архангельск на сформирование полуэкипажа и предание военно-морскому суду другой части матросов.

Ячейки и коллективы народились на судах совершенно самостоятельно, без помощи функционирующей ныне в Петрограде группы, присвоившей себе наименование «Петербургского Комитета» Российской социал-демократической рабочей партии; по поступившим агентурным сведениям, руководящий коллектив флотских организаций со времени своего возникновения искал случая связаться с упомянутым Комитетом, и это ему удалось лишь недавно через одного из активных деятелей рабочего движения, являвшегося представителем в «Петербургском Комитете» от Выборгского партийного района. Получив связи с военной организацией, означенный работник сложил свои полномочия по Выборгскому району и в данное время входит в Комитет, как представитель военной организации. Все дела, касающиеся последней, этот работник ведет через матроса 12-й роты Кронштадского Флотского Экипажа *Писарева*, точной установки коего еще не имеется, и от него же получает партийные явки. 29 ноября сего года от Писарева был прислан в Петроград к тому же представителю в «Петербургском Комитете» неизвестный матрос с запиской-явкой, подписанной «Отрадневым»; возможно, что таковую подписал Писарев, но может быть под этой фамилией скрывается и другой матрос.

В настоящее время одной из забот руководящего военного коллектива является установление связей с судами, стоящими в Гельсингфорсе, и подыскание помещения для явок в гор. Кронштадте, где намерены устроить какую-либо женщину под видом матроса и прачки. В связи с изложенным,

коллективом дано поручение отправившемуся в 6-месячный отпуск по болезни в г. Гельсингфорс также еще неустановленному матросу *Брендину*—одному из видных партийных работников, и ему же даны явки к члену «Центрального Комитета» Российской социал-демократической рабочей партии некоему «Альберту», поселившемуся в Гельсингфорсе в качестве служащего местной портовой конторы.

Одним из ближайших проявлений деятельности руководящего военного коллектива явится устройство в гор. Кронштадте собрания матросов, назначенного на 6 сего декабря.

Меры к дальнейшему агентурному освещению военной организации мною приняты.

Копии настоящего донесения вместе с сим за №№ 229 и 230 препровождаются Начальникам Кронштадтского и Финляндского Жандармских Управлений.

Об изложенном имею честь донести Вашему Превосходительству.

Полковник *Глобачев.*

28 декабря 1915 года были произведены аресты значительной части активных членов руководящей военной работой группы моряков. Всего было обыскано несколько десятков матросов и штатских лиц. При обысках была провалена одна из нелегальных типографий Петербургского Комитета, помещавшаяся в эти дни в комнате курсистки Е. С. Хундадзе, по Екатерингофскому просп. в доме № 25. Были арестованы работники П. К. И. Ф. Орлов (Кирилл). В. В. Шмидт (Николай) и С. Г. Рошаль. В. Шмидт был скоро освобожден, но против него был пущен провокационный слух о том, что провал «военки» — это дело его рук. «Кириллу» во время обыска 28 декабря удалось бежать, и его арест произошел уже 31 декабря, в гостинице «Петроград», на Петербургской стороне, где собралась группа легальных и нелегальных работников (Воробьев и др.).

Во главе военной организации, в ее руководящем центре, называвшемся «Главным Коллективом Кронштадтской организации» состояли следующие лица: 1) И. Ф. Орлов (Кирилл), 2) Тимофей Ульянцев, 3) Иван Сладков, 4) Николай Ховрин, 5) Никифор Брендин, 6) Михаил Стакун, 7) Николай Писарев, 8) Владимир Зайцев. Связь с Петербургским Комитетом, на правах его члена, держал «Кирилл» Орлов.

Связи «Главного Коллектива» с судовыми командами и экипажами были весьма широкие. Почти на каждом военном

судне были свои люди и на многих существовали целые группы, называвшиеся тогда «коллективами». Аресты от 28 декабря и позднее по этому же делу нарушали работу организации лишь частично. Даже «Главный Коллектив» не был арестован полностью, напр., Владимир Зайцев сохранился от этого ареста.

План военной организации был хорошо продуман. В силу особенностей военной работы, демократичность, выборность представительства была несколько ограничена, по сравнению с обычными социал-демократическими организациями.

Помимо личной связи между коллективами и их центром существовала еще условная переписка. Во время ареста часть этих условностей попала в руки жандармов. Ввиду того, что вся воинская переписка шла через офицеров, письма писались условно так, чтобы они носили бытовую правдивость. Нижеследующий документ, хотя и не исчерпывает всех сложностей и изворотов матросской конспирации, тем не менее, служит хорошей иллюстрацией ее направления.

«1) Число означает с какой строчки следует начинать подразумевать.

2) Если упомянуто, что дядя был у нас или мы у него, то нужно понимать, что были лица из Петрограда.

3) Если пишут, что мама моя жива и здорова, то нужно понимать, что дела повсеместно идут блестяще.

4) Если на каком-либо корабле произойдет что-нибудь выдающееся, то об успешных делах нужно писать так: «Брат (далее упомянуть условное имя корабля) и подчеркивать то, что такой-то или такая-то заявляли, что она или он были дома, в доме недостатка не терпят и всё молят Бога скорей бы победить врага. Это будет означать, что на этом корабле дела идут очень хорошо, а плохо — то обратно этому.

5) Если вам или нам понадобится помощь, то надо писать так: Папаша (проставить условное название корабля) мой хочет купить жеребенка заводского (сумму не проставлять).

6) Если у вас будут связаны дела всех кораблей между собою, то пишите, что дома урожай был изобильный, а если не весьма успешно, то пишите, что яровое плохое.

7) Если какой-либо корабль будет нуждаться в помощи или в присылке литературы, то пишите имя корабля, а в

дальнейшем изложении упомяните, что я получил письмо от братенника, и он пишет, что очень хорошо справляется дома, и нужды ни в чем не видит.

8) А если помощь очень трудно получить, то пишите, что Папаша купил заводского жеребенка.

9) Если будут связаны дела у вас или у нас с армией, то пишите, что я ходил гулять и очень весело провел время, а если дела не связаны, то очень невесело.

10) Если есть надежда завязать знакомства, то пишите, есть надежда или нет погулять еще лучше».

Называть суда, команды и пр. службы в письмах было крайне рисковано, а поэтому товарищи вынуждены были прибегать к условному наименованию всех судов и воинских частей. «Главный Коллектив» выработал особую таблицу этих наименований и вручил ее только организаторам коллективов. Эти наименования иногда изменялись. К моменту ареста, т.-е. к концу 1915 года, были следующие названия:

Условные наименования линейных кораблей.

1) Гангут	Гавриил.
2) Петропавловск	Поля.
3) Севастополь	Соня.
4) Полтава	Пиня.
5) Павел I	Паша.
6) Андрей	Афанасий.
7) Цесаревич	Коля.
8) Слава	Мотя.

Условные наименования крейсеров.

9) Рюрик	Антон.
10) Россия	Родион.
11) Баян	Борис.
12) Адм. Макаров	Матвей.
13) Громобой	Григорий.
14) Богатырь	Тася.
15) Диана	Даша.
16) Аврора	Аня.
17) Амур	Алексей.
18) Петр Великий	Оля.

Миноносцы и прочие суда:

Аверьян хорошо или плохо живет.

Условныя название воинских частей.

1 арт. Кронш. полк	Вася.
2 Крепостной полк	Лиза.
341 Петроград. дружины	нет.
1 Балт. экипаж	Иван.
Отряд артил.	Фома.
Минный отр.	Макар.
Полуэкипаж	Галя.
Школа юнгов	Юлия.
Александр II	Клара.
Завод	Зина.
Госпиталь	Валентина.

Адрес: Действующий флот, линейный корабль «Император Павел I», 2 рота, Николай Александрович Ховрин. Лин. Кор. Имп. Павел I-й.

Приложенный внизу адрес указывает, что вся переписка «Главного Коллектива» направлялась на имя члена его тов. Ховрина.

Тем же «Главным Коллективом» была разработана и «программа» работы среди матросов и солдат. Эта программа была утверждена Петербургским Комитетом осенью 1915 года и размножена на гектографе для всех коллективов, следующего характера:

Программа.
Центральная группа связей.
Организация Р. С.-Д. Р. П.

Гор. Х... центр. (под Х... товарищи обозначали гор. Кронштадт. *А. Ш.)* не принимает на себя никаких агрессивных действий, кроме связей с Центральным Комитетом и Петербургским Комитетом Р. С.-Д. Р. П., где и присутствует на собраниях представителем коллектива отдельных частей; таким образом это лицо является вполне компетентным во всех вопросах социологии. В помощь ему выбираются им же самим два кандидата, которые и должны замыкать собою связь между центром и конспиративами [1]). Центр обязан точно и неуклонно

[1]) „Конспиративами“ моряки называли кружки и группы.

следить за ведением кандидатами организаций, своевременно менять пароли, снабжать организацию литературой, предоставлять возможность связи отдельных групп других портов с Центральным Комитетом, но не чрез себя лично, а по утверждению такового решения составом коллектива при участии одного кандидата; самому не принимать активных работ, но действовать через подставных лиц и иметь секретаря.

Кандидаты выбираются сознательные и хорошо проверенные товарищи; они выбираются баллотировкой по большинству голосов, за исключением кандидатов, назначенных лично инициатором центра для замены таких полномочий. В обязанность кандидата входит обязательно и самолично действовать и удовлетворять коллективы снабженной от имени центра литературой своевременно. Не допускать никаких упущений из доверенных ему как центром, так и коллективом комбинаций. Служить посредником между коллективами отдельных частей и центром. Точно знать число организаторов, рост и зрелость организаций. Делать доклады о текущем моменте. Вносить в организации резолюции центра. Собирать сведения и доставлять таковые на обсуждение коллективов, строго оберегать конспиратив, а также доставлять литературу и необходимые материалы для организации.

Секретарь—один из сознательных товарищей—выбирается группой кандидатов при участии инициатора центра, в обязанности секретаря—путем предварительного соглашения с лицами, к организации причастными, вести переписку, следить за дислокацией частей войск и групп, где есть или коллективы или лицо, которое имеет возможность таковые основать. Вести переписку с квартирами других портов, доставлять туда сведения и вообще все распоряжения центра, как инструкции и др. предписания. Показать способы хранения литературы и предупреждать всякие возможности провалов или недоразумений—в коллективы и собрания входит, но не имеет права выдавать возложенную на него обязанность, а если возможно, то совершенно быть изолированным.

Организаторы — могут быть в неограниченном числе. Должны руководствоваться непосредственно чрез лиц, имеющих дело с коллективом. Они получают инструкции и проводят сами собрания в своих кружках, которые состоят от 8-ми до 16-ти человек. Организаторами могут и должны быть товарищи, имеющие ясное представление о целях и задачах партии, и такие, которые могут свои понятия без искажений проводить тот смысл, какой требует принцип Социал-Демократической рабочей партии. Сами организаторы составляют из себя тоже кружки и тоже не более 6 лиц и получают как инструкции, так и материалы им нужные от руководителей коллектива той части, где они проводят.

Комитет должен руководствоваться одним представителем и двумя кандидатами и образует собою питательный от центра коллектив, который и доставляет все сведения, инструкции и печатный труд и все необходимое от центра. Приглашает участников на заседания представителей и старается расширить рамки организаций, назначая от себя организаторов [1]).

Коллективы отдельных частей.

Другие поступают так же.

Вся схема организации, инструкция о постановке работы является делом буквально самих пролетариев флота. Вся военная организация лежала на самих моряках, и в этом была непреодолимая сила организации. Первое положение, определяющее задачи военной организации, говорит о ее полном подчинении Петербургскому Комитету. Это положение было чрезвычайно важно, так как среди моряков, даже пролетариев, в силу оторванности от рабочего движения в целом, создавались анархические настроения, стремления к самостоятельным выступлениям и т. п. действиям. Организации приходилось бороться с подобными явлениями, особенно с теми мнениями, что флот «сам по себе», независимо от общей борьбы пролетариата, может победоносно вести революцию.

В декабре 1915 года среди организованных матросов Балтийского флота были желания выразить каким-нибудь образом свое отношение к празднованию 9 января. Некоторые горячие головы предполагали сделать «выступление». Однако Петербургский Комитет, учитывая общее положение, а также урок «Гангута», решительно высказался против матросских выступлений, рекомендуя своим членам в эти дни ничем себя не выявлять, ведя работу лишь в общем порядке.

Суд над арестованными 28 декабря 1915 года состоялся 26 октября 1916 года. Петербургские пролетарии ответили на это политической стачкой протеста, в которой участвовало до 130.000 рабочих и работниц. Однако этот суд ни в какой мере не убил революционной работы среди моряков.

После декабрьских арестов работа во флоте не была приостановлена, и это явилось наилучшим свидетельством того,

---

[1]) „Программа“ снята с копии из делопроизводства Кронштт. жанд. упр. Встречающиеся неясности свидетельствуют о том, что вся инструкция была писана самими матросами.

что она держалась не на 17 «зачинщиках», сидевших тогда по тюрьмам. Пользуясь этими арестами, военные власти начали вводить и усиливать всяческие строгости, но этими мерами только повысили возбужденное состояние в командах.

В докладе Начальника Кронштадтского Жандармского Управления от 9/X 1916 года, на имя Начальника Тыла и Главного Командира Кронштадтского Порта, за № 4426, полковник Тржецяк признает, что «ликвидацией 28 декабря 1915 г. в г. Кронштадте возникших на линейных кораблях..... и других судах Балтийского флота коллективов Р. С. Д. Р. П. преступная деятельность таковой через Петроградский комитет в Балтийском флоте «*была парализована, но отнюдь не пресечена*».

Доклады того же обер-шпика Тржецяка сообщают и о том, что, несмотря на «ликвидацию», прокламации Петербургского Комитета распространялись среди гарнизона уже в январе 1916 г., т.-е. непосредственно после арестов.

Секретная агентура установила, что в феврале месяце уже новые лица наладили связи с Петербургским Комитетом и получение от него литературы. В апреле месяце появились среди матросов и солдат листки Петербургского Комитета, посвященные делам Путиловского завода, а также первому мая.

Наблюдениями наружной агентуры и внутренним освещением (провокаторами) было установлено, что уже в июле месяце 1916 года был воссоздан «Главный Коллектив Кронштадтской Военной Организации». Многие из собраний организованных матросов, особенно по трактирам и чайным Кронштадта, были «освещаемы» агентурой, и уже в августе месяце власти задумывались над новым планом массовых арестов и новых «ликвидаций».

Секретным сообщением от 11/VIII 1916 года, Начальник Петроградской Охранки делится своими сведениями, добытыми от провокаторов, с Начальником Кронштадтского Жандармского Управления, передавая, что «в Кронштадтском Коллективе дело поставлено очень серьезно, конспиративно, и участники его все молчаливые и осторожные люди. Коллектив этот имеет представителей и на берегу».

При помощи той же внутренней секретной агентуры был выяснен следующий план действий: при начале заморозок, когда движение судов будет затруднено и, следовательно, в

Кронштадте будет обилие матросов, хотят поднять восстание и, частью убив, а частью арестовав командный состав, предъявить требование о свержении существующего правительства, изменении государственного строя и прекращении войны.

«Петроградский пролетариат должен поддержать восстание и для того, чтобы дать знать о начале восстания, флот выйдет из Кронштадта, уже покончив там с офицерами, и даст несколько залпов по Петрограду. Если бы в отношении рабочих последовали крутые меры, и рабочих правительство стало бы расстреливать, то флот разгромит весь Петроград, не оставив тут и камня на камне».

Эти сообщения, добытые от провокаторов, страдают весьма большой неточностью. «Главный Коллектив» нашей военной организации был достаточно серьезен, чтобы принять подобный, исключительно заговорщический план. В Петербургском Комитете этакий план также не мог пользоваться успехом. Среди партийных работников были разговоры, еще в 1915 году и в начале 1916 года, относительно возможной роли Балтийского флота в открытом революционном движении. При этом всегда подчеркивалась подсобная, хотя, может быть, и решающая роль войск в революции, но соподчиненная восстанию рабочих. Изолированные выступления не могли быть полезны рабочему движению и сторонников в Петербургском Комитете или в Бюро Центрального Комитета не имели.

Далее сообщается, что «Кронштадтский Коллектив военной организации настолько уверен в своих силах и считает дело столь прочно налаженным, что не желает даже ничьей помощи»... Это сообщение правильно в одном, что «Кронштадтский Коллектив» стал после арестов еще сильнее, чем в 1915 году, но отнюдь не стоял на позиции, что «он один все может».

По тому же донесению Кронштадтский Коллектив просит от Петербургского Комитета лишь одного — напечатать листовку в 100.000 экземпляров и прислать одного работника.

Согласно распоряжения директора департамента полиции ген.-майора Климовича, по соглашению с военными властями была произведена новая «ликвидация» зачинщиков. Ночью с 8-го на 9 сентября было обыскано 30 матросов, арестовано из них 7 человек. Кроме того были обыски и в Петербурге, связанные с поисками «военки».

Но эти аресты не уничтожили революционной работы и еще менее были способны «запугать» матросов. Литература по-прежнему распространялась, и пропаганда велась открыто. Рабочее движение осенью 1916 года достигало небывалых за время войны размеров, и пролетарии в войсках откликались на зов боровшихся братьев.

Вся эта жандармская каинтель вызывала к себе отрицательное отношение даже у адмиралов Вирена и Непенина. Они прекрасно понимали и чувствовали, как революционно возбуждают матросские массы все эти аресты, обыски и шпионаж, и нередко отказывали в производстве их.

Через два месяца Начальник Кронштадтского Жандармского Управления возбуждает перед комендантом крепости ходатайство о высылке на передовые позиции или в «отдаленные военные округа» Российской Империи всех неблагонадежных матросов [1]). Другого выхода не было, так как аресты делу уже не помогали.

Процесс и преследования наших товарищей во флоте отнюдь не искоренили работу среди моряков. Осенью 1916 года два раза издавалась печатная листовка, за подписью «Главного Коллектива Кронштадтской Военной Организации» следующего содержания:

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Когда же конец!

Товарищи солдаты и матросы! Уже третий год длится мировая война и все не видно конца ее. Миллионы людей убиты и искалечены на полях сражения, сотни городов, сел и деревень обращены в развалины, цветущие страны превратились в пустыни. Третий год лучшие силы народов Европы, одетые в солдатские шинели и скованные цепями военной дисциплины, посылают друг на друга губительный ураган свинца и стали, душат друг друга газами и употребляют еще тысячу способов для взаимного истребления. И все новые и новые массы людей вливаются на место выбывших из строя, неся свою жизнь на окровавленный «алтарь отечества». В то же время в далеком тылу их семьи несут на себе безвыходные тяготы нужды и истощают силы в борьбе за существование. Но их усилия тщетны. Голод приближается к человечеству медленными, но верными ша-

[1]) Смотрите приложение.

гами. Он уже наступил в Германии, близко к тому у нас. Обнищание и вырождение народа—вот что несет с собой продолжение войны.

Кому же нужно все это? Царское правительство, помещики-дворяне, фабриканты и заводчики, попы и наши командиры и продажная печать все они говорят и стараются вбить нам в голову, что эта неслыханная бойня нужна для блага народа, что война нужна для защиты народной свободы и народного достояния от «врага», и что враг этот—не кто иной, как весь германский, болгарский и турецкий народы, и что только сокрушив их вконец можно добиться «прочного» мира. В Германии же и Австрии, Турции и Болгарии правительство и богачи-кровопийцы говорят своим народам то же самое. Так кто же прав? Где правда? Неужели эта война—действительно война народов между собою, а не только правительств и правящих классов? Неужели действительно интересы народа одной страны неизбежно требуют порабощения и грабежа других народов?

Нет. Народам—ни русскому, ни германскому, ни какому-либо иному—ничего этого не нужно. Как бы ни старались господствующие классы и их прислужники замутить сознание народов ядом зверской вражды,—истину им не скрыть: война ведется не народами, а правительствами и правящими классами, и ведется не за народные интересы, как кричат продажные писаки в продажных же газетах, а за интересы правительств, за интересы капиталистов-фабрикантов и помещиков всех воюющих стран. Война ведется ими из-за того, что мало им грабежа и угнетения своего народа; все они хотят поработить себе и грабить также и других; не смогли они мирно сговориться между собой: кто и кого будет грабить,—и вот затеяли эту войну и втянули в нее свои народы. Таким образом все народы воюют только для того, чтобы увеличить барыши своих капиталистов-фабрикантов и помещиков, которые стоят за их спиной и ждут того момента, когда одна из сторон будет побеждена. Тогда они, как голодные псы, набросятся на побежденных и начнут их терзать и грабить.

Но, кроме того, война сама по себе уже теперь несет капиталистам небывалые выгоды и барыши. Миллионы людей истекают кровью на полях сражения, тысячи калек вынуждены нищенствовать и побираться; липившиеся кормильцев, стонут вдовы и сироты; стонет весь народ, изнемогая под тяжестью дороговизны и голода; а в сундуки банкиров и торговцев, фабрикантов и помещиков текут миллиарды за миллиардами, и торжествующие кровопийцы готовы затянут войну до бесконечности. Но еще и другое благо принесла им война: натравив нас на немцев, болгар и турок, они тем самым отвлекли от себя наше внимание

и повели поход на народные права и беспощадно расправляются и с нашими семьями, когда они начинают роптать, и с рабочими, делающими попытку облегчить свое тяжелое положение. Безнаказанный грабеж, расхищение народных богатств и удушение народной свободы,—вот что дает война правящим классам. На одной стороне награбленные миллионы, на другой—нищета, ужас и кровавые жертвы... Так кому же нужна и выгодна эта война?

Товарищи! Таково положение повсюду, во всех воюющих странах, но у нас оно хуже, чем где-либо. С самого начала войны царское правительство ведет ожесточенную борьбу против своего народа. Под покровом военного положения слуги царской власти принялись за беспощадный разгром и тех немногих завоеваний, которые еще сохранились у народа от революции 1905 года. В некоторых губерниях уже введено снова крепостное право, и крестьяне под страхом трехтысячных штрафов и арестов, как в старину должны обрабатывать поля помещиков; поборы и притеснения все увеличиваются; растут налоги и подати, и последнюю копейку выколачивают плетью стражники и урядники. На фабриках, заводах и рудниках открытое рабство введено уже давно. И если голодные рабочие начинают бороться за улучшение условий своей жизни, тогда нас заставляют быть их палачами. А когда народные избранники, депутаты Государственной Думы, социал-демократы, смело подняли свой голос в защиту народа,—заявили, что война преступна, что народу она не нужна,—они были предательски схвачены. Их объявили изменниками и отправили в Сибирь. Да, товарищи, наши жертвы народу не нужны. Мы умираем не для народа и не за его счастье, свободу, а потому, что царь и кровопийцы-фабриканты, помещики послали нас, как своих рабов, на эту бойню, чтобы принести им еще больше обогащения. И за наши жертвы нам не будет награды. Правда, продажные газеты умильно называют нас «героями» и дорогими защитниками, и наемные болтуны говорят нам льстивые речи. Но все это слова. А на деле? На деле в армии процветает порка за малейшую провинность, и командирская плеть гуляет по нашим спинам. Нас в Петербурге не пускают в трамвай, точно мы не люди, а собаки. На деле тысячи наших товарищей казнены или томятся на каторге за малейшее недовольство или ослушание, за малейший протест против произвола самодуров-офицеров. Железной дисциплиной стремятся выбить из нас все человеческие чувства, превратить в машины для убоя всех неугодных правящим классам людей, будь то солдаты других стран или наши отцы и братья. Вот чем платят нам правящие классы за нашу кровь. Товарищи! Так продолжаться больше не может. Пора понять это, пора положить конец преступной

войне, пора начать решительную борьбу за жизнь и свободу народов. Во всех странах рабочие уже борются за мир и призывают народы к борьбе не друг против друга, а против своих правительств и правящих классов в других странах, ведущих эту войну. Рабочие говорят, что нет у народов других врагов *кроме их правительств и правящих классов.* Рабочий класс России тоже идет по этому пути, неся тяжелые жертвы; он продолжает революционную борьбу и зовет за собой всех угнетаемых.

Товарищи! Мы плоть от плоти и кость от кости народной. Наше место с ним, в его рядах. Вместе с рабочими должны мы готовиться к решительному натиску против шайки насильников, грабящих страну и толкающих все человечество в пропасть. Никакие силы не могут нас одолеть. Сметя всех насильников и угнетателей, проложим мы дорогу к вечному миру и свободе. Так дружно, товарищи, за дело! Долой преступную войну! Долой монархию! Да здравствует 2-я Российская Революция!

Главный Коллектив
Кронштадтской Военной Организации.

V.

Работа среди учащейся молодежи.

Осенью 1916 года Петербургскому Комитету удалось хорошо поставить работу среди учащейся молодежи. В каждом высшем учебном заведении были организованы кружки. Все кружки были связаны в «Об'единенный Комитет студенческих социал-демократических фракций высших учебных заведений Петрограда». Для целого ряда конспиративной работы мы имели уже в этом году некоторый кадр — студентов и курсисток.

В первую очередь учащаяся молодежь была привлечена к работе по транспортировке литературы из Финляндии, где находились наши главные пути. Этим делом заведывал т. «Валим» (Тихомиров), сумевший в конце 1916 года подобрать хороший кадр курсисток. Кроме того, через студенток и студентов происходила и доставка литературы по адресам Петербургского Комитета и даже шла за пределы Петрограда.

Кроме того, учащаяся молодежь использовывалась Петербургским Комитетом и для кружковых работ. Влияние социал-

демократии на студенчество не было столь сильным, как в период 1904—1905 годов, но все же оно еще было значительно. К концу 1916 года наши кружки существовали во всех высших учебных заведениях. В моменты политических выступлений рабочих нашим товарищам удавалось иногда добиваться присоединения к ним и студенческих масс.

В декабре «О. К. ст. С.-Д. фракций в.-у. заведений» удалось выпустить печатную прокламацию «К революционному студенчеству России» антимилитарского характера, следующего содержания:

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

К революционному студенчеству России.

Слава победы лишь храбрым дается,
Срама не знает погибший в борьбе...
Юность, тебе наша песня поется—
— Вечная слава тебе...

Товарищи! В годы реакции, в годы трудной будничной работы, совершившееся в нашем студенчестве расслоение не могло обнаружиться с достаточной определенностью за отсутствием вопросов, требующих для своего разрешения определенных действий; и в смрадном маразме ублюдочной конституции выросли и окрепли те буржуазно-мещанские настроения студенчества, которые только теперь проявились со всей своей силой, свидетельствуя о полном идейном банкротстве студенчества, как целого, его идейном банкротстве и бесшабашном оппортунизме. Казавшееся когда-то единым по своему революционно-демократическому настроению, оно теперь, с обострением классовых противоречий в обществе, раскалывается на две противоположные друг другу группы: буржуазно-оппортунистическую, идейно связанную с сильно окрепшей за последние годы русской либеральной буржуазией, и революционно-социалистическую с интернационально-классовой идеологией мирового пролетариата. Совсем не желая обращаться с призывом к первой части, мы обращаемся с ним к *товарищам*, разделяющим наши убеждения, но почему-либо еще стоящим в стороне от социалистической работы пролетарских организаций. Большая часть студенчества, всегда только сочувствовавшая этой работе, теперь, в момент, когда революционное мировоззрение обязывает к соответствующему действию,—силою событий поставлено в необходимость или отказаться от своего сочувствия и совершенно слиться с буржуазной частью студенче-

ства, с русской буржуазией, или от мысли и слов перейти к определенно-революционному действию, связать себя с пролетариатом великой борьбой за свержение современного рабства. Да, студенчество очень много «сочувствовало», очень много говорило об интересах «народа», слишком много думало, чтобы быть способным хоть что-нибудь сделать во имя великих идей. Погибали все лучшие. Сливая свое чувство и волю с чувством и волей «голодных и рабов», они шли вперед прямой дорогой героической, трудной борьбы с хищной сворой царя-последыша.

Вечная память погибшим за дело святое!
Вечная память замученным в тюрьмах гнилых!
Вечная память сказавшим нам слово живое!..

А студенчество?! Оно уверяло себя, что занимает определенную идейную позицию, и ею оправдывало свое бездействие и безволие. И не замечало, что давно уже всякая «позиция» от него ушла, и вместо твердого фундамента определенных идейно-общественных убеждений под ним грязное болото пошлого мещанского оппортунизма. И оно жило так не один год, дышало отравленным воздухом идейного разложения, в самомнении своем заявляя о высоте такой «позиции» и абсолютной ценности своих (болотных) настроений. Годы проходили, студенчество погрязало все глубже и глубже...

Мировая война, вспыхнувшая в результате разбойничьей политики господствующих классов и их правительств, поставила со всей резкостью в порядок дня такие вопросы, от немедленного ответа на которые невозможно было уклониться сколько-нибудь цельному человеку. Разные слои русского общества по-разному ответили на эти жгучие вопросы, по-разному реагировали на развернувшиеся страшные события. В студенчестве к этому времени не могло уже быть и не было единого отношения к этим вопросам. Народ (сколько бы ни лгала буржуазная пресса о «единстве нации»),—народ (пролетариат и крестьянство) не желал и не желает войны. С ним, а не с так называемым «обществом», шло и идет *революционное* меньшинство нашего студенчества. С ним оно было на баррикадах первой революции; с ним оно страдало в тяжкие годы реакции; с ним пыталось предотвратить кровавую распрю буржуазий, для которых народ только средство; с пролетариатом защищало оно красное знамя Интернационала от дружного натиска буржуазии всех стран и некоторых «первоучителей» социализма. Одураченные шовинизмом, немногие, правда, из студенчества активно приняли войну и бросились избивать воображаемых угнетателей, защищать «отечество»—государство и денежный мешок—его

звонкую душу. Даже некоторые из тех, которые когда-то говорили, что государство—наиболее резкое выражение классового господства, а современное государство—выражение господства буржуазного; даже они, считавшие единственно правомерной войной только войну пролетариата с буржуазией и тиранией Николая Кровавого, войну действительных рабов против действительных угнетателей,—с момента начала мировой бойни не нашли ничего лучшего, как только «не противодействовать», и этим отделили себя от большинства своих товарищей. Итак, став спиной к пролетарию, лицом повернувшись к распутинству, только теперь, после 28 месяцев войны, они с ужасом начинают сознавать, что их руки, поднятые якобы для защиты угнетенных народов, братски сплелись в страшных объятиях с царизмом. Они чувствуют, что обмануты, что подобное братание с царями является главной причиной затяжной войны, войны без конца.

II Интернационал, разъединенный оппортунизмом, не почелавший призвать пролетариат к революционному выступлению в момент возникновения мировой войны, не в состоянии был выполнить роль революционной организации действия даже в мирное время, когда противоречия интернационалистических элементов с национал-социалистическими не обострялись в нем достаточно остро, и в большинстве его отсутствовало сознание необходимости немедленных революционных выступлений в случае возникновения империалистической войны. Благодаря неопределенности своей практической позиции, он часто заслуживал симпатии радикальствующей интеллигенции. И если даже в мирное время не мог он сбросить иго милитаризма с народов, то тем более не в состоянии был он этого сделать в момент возникновения «великой» бойни, когда необходимость решительных шагов поставила против него, не объединенного единством действия, объединенную мировую буржуазию. Банкротство практической позиции II Интернационала показало, насколько слаба еще его организация, насколько слаба была в нем воля к решительным действиям в нужный момент.

И этот урок истории не прошел даром. Из моря крови и слез, из стонов миллионов искалеченных выйдет III Интернационал,—международная организация революционного пролетариата, организация действия. Как попытку собирания сил грядущего Интернационала мы в свое время приветствовали первую Циммервальдскую конференцию и ее «манифест» к пролетариям Европы.

Международный пролетариат с самого начала войны, разорвавшей организационную связь его отдельных частей, ограничивался только защитой своей социалистической позиции от объединенной против него буржуазии. Теперь он

выходит из стадии организационной раздробленности в стадию объединения на основе революционного действия. И с этого момента, товарищи, степень участия в социалистических организациях есть для каждого из нас проба на его убеждения. С этого момента—кто не с нами, тот против нас.

Выходите на работу, товарищи! *Идите в нелегальные социал-демократические рабочие организации*! Создайте свои студенческие организации для борьбы с войной и ее виновниками! Связывайте эти организации с Р. С.-Д. Рабочей Партией. Работайте и в легальных демократических организациях в духе укрепления в них социалистической и революционной пропаганды! Берите на себя инициативу выступлений! Разбивайте всеми возможными средствами обломки иллюзий освобождения народов штыками всероссийского деспота! За работу! За работу, товарищи!

Вы слышали: «К вам, рабочие и работницы, к вам, матери и отцы, вдовы и сироты, к вам, раненые и искалеченные, к вам, всем жертвам войны, взываем мы, протягивая друг другу руки через все пограничные линии, через поля, залитые кровью, через руины городов и горы трупов: *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*» Это слова первого Циммервальдского манифеста. Вы слышите ли? «Два года мировой войны. Два года опустошения. Два года кровавых жертв и бешенства реакции. Кто несет за это ответственность? Кто скрывается за теми, которые бросили пылающий факел в бочку с порохом? Кто давно уже хотел войны и подготовлял ее? *Это—господствующие классы!*»

Вы слышите ли, товарищи: «Уложив миллионы людей в могилу, повергнув в горесть миллионы семей, превратив миллионы семей во вдов и сирот, нагромоздив развалины на развалины и разрушив незаменимые культурные ценности, *война попала в тупик*». «*Ни победителей, ни побежденных*, или, вернее, *все побежденные*, т.-е. все изошли кровью, все разорены, все истощены,—таков итог этой полной ужасов войны. Таким образом, фантастические мечты господствующих классов об империалистическом мировом господстве не сбылись».

Вы слышите ли, граждане? «*Во время мира* капиталистическая система отнимает у рабочего всякую радость в жизни, *во время войны* она отнимает у него все, даже жизнь. *Довольно убийств! Довольно страданий! Довольно также опустошений!* Способствуйте всеми имеющимися у вас в распоряжении средствами скорейшему окончанию человеческой бойни! Требуйте немедленного прекращения войны! Поднимайтесь на борьбу, разоряемые и умерщвляемые народы! Смелей! Помните о том, что вы большинство и, если захотите, можете стать *силой*. Пусть правительства увидят, что во всех странах растет ненависть к войне и

желание социального искупления. Тогда приблизится час мира среди народов. Долой войну!»

Это—слова второго циммервальдского манифеста. «К разоряемым и умерщвляемым народам». Это призывный голос социализма! Мы у порога великих событий. Они не ждут. Не медлите, товарищи! Бойтесь прийти слишком поздно! На арену, залитую кровью, вышли уже передовые отряды Интернационала для прекращения бойни, для разрушения ненавистного рабства, для творчества новых форм жизни. И все новые и большие силы идут к торжеству революции, идут к празднику восставших народов. Мы не нанесем им удара в спину. Мы пойдем за ними. Так вперед же, товарищи! В ногу с рабочими в рядах Российской Социал-Демократической Рабочей Партии под красными, под гордыми знаменами непримиримой борьбы!

К ответу царскую монархию! Долой войну! Да здравствует революция! Вперед! За Временное Революционное Правительство! За Российскую Демократическую Республику! За социализм! Да здравствует III Интернационал Революционного Пролетариата!

VI.

Правительство и военно-промышленные социалисты.

Несмотря на ценные заслуги рабочих групп оборонческого направления, организованных при военно-промышленных комитетах, «обновленное» правительство осенью 1916 года повело борьбу против рабочих групп, становившихся на путь революционной борьбы против правительства. Общее полевение страны, резко выявившееся осенью 1916 года, не могло не отразиться даже на патриотически настроенных кругах рабочих групп и толкнуло их на рельсы нелегальной работы.

Во многих местах оборонцами соц.-демократами (меньшевиками) и соц.-революционерами создавались полулегальные «группы содействия» рабочим группам при военно-промышленных комитетах. Эта работа по сплочению даже умеренных и патриотически мыслящих и действующих элементов беспокоила царское правительство.

Общее наступление на Центральный Военно-Промышленный Комитет и особенно на его рабочую группу «повел новый» министр внутренних дел Протопопов. В письме на имя началь-

ника Петербургского Военного Округа С. С. Хабалова, Протопопов пытается изобразить «рабочую группу», как «скрытых пораженцев», стремящихся использовать легальность для революционной деятельности [1]).

В заключение Протопопов рекомендует Хабалову принять необходимые меры против рабочей группы и сообщает о том, как удачно вышел из аналогичного затруднения начальник Киевского Воен. Округа, реорганизовавший группу, лишив ее средств и возможностей сноситься с рабочими. Однако попытки Хабалова вмешаться в деятельность Ц. В.-П. К. встретили некоторый отпор со стороны руководителей политикой В.-П. Комитета, и «реорганизация», по примеру Киева, не удалась.

Буржуазные вожди военно-промышленных комитетов были в курсе всей деятельности рабочих групп и защищали их от полицейских вторжений. Не за прекрасные глаза членов рабочей группы защищали промышленники деятельность и сохранность рабочих групп, а из вполне реального политического расчета. Вокруг «рабочих групп» об'единялись наиболее умеренные элементы рабочих и патриотически настроенная интеллигенция, ставившие национальное единство во имя «победы» выше принципов классовой борьбы и международной солидарности.

Пользуясь привилегиями легальности и явным сочувствием и покровительством либеральной буржуазии, социал-патриоты из рабочих групп пытались монополизировать выступления от имени рабочего класса нашей страны. Буржуазии это было выгодно, а поэтому она и давала и место и представительство таким группам, которые говорили на родном для нее языке «защиты родины и культуры» и вносили своей работой раскол в рабочую борьбу.

Правительство царя осенью 1916 года удачно отбивало словесные атаки прогрессивного блока и, пользуясь нерешительностью Госуд. Думы, повело наступление на поддерживавшую Гос. Думу «общественность». Общественность военно-промышленных комитетов сосредоточивалась около рабочей группы Центрального В.-П. Комитета, и по ней Протопопов направил первые удары. Провокаторское освещение Абросимова и др. помогали ему в походе.

---

[1]) Об этом более подробно см. в приложении.

В середине декабря, точнее 13 — 15 числа, состоялось совещание представителей областных рабочих групп при военно-промышленных комитетах [1]). Совещание это происходило под непосредственным руководством центрального органа меньшевиков — Организационного Комитета, член коего Батурский принимал участие в подготовительных работах совещания. По материалам Охранного отделения и опубликованным самой группой отчетам видно, как далека была политика оборонцев от действительно революционной борьбы рабочего класса. По основному вопросу об отношении к войне социал-патриоты продолжали видеть «свою задачу в защите страны, как в одном из важнейших способов, ведущих к ликвидации войны на приемлемых для демократии условиях».

В конце ноября появились известия о том, что центральные державы готовы заключить мир, а поэтому и наши оборонцы сочли для себя обязательным вмешаться в эту дипломатическую игру и заявить, что «международный пролетариат должен активно вмешаться в происходивший за его спиною торг свободою и достоянием народов». Выдвигая такое положение для «международного пролетариата», оборонцы иным языком говорили о своей стране: «Положение русского пролетариата, стоящего перед опасностью разгрома страны, является крайне сложным, вследствие необходимости совмещать в деле осуществления своих международных задач борьбу с завоевательными стремлениями имущих классов с борьбой за уничтожение политического режима, приведшего страну к катастрофе». От своих буржуазных господ Коноваловых и царского правительства совещание требовало только одного: «определенных заявлений о целях войны и условиях мира».

Общее полевение страны и усилившиеся стачечное и политическое движение рабочего класса заставили и оборонцев переменить свою тактику отрицания борьбы. Совещание от 13 — 15 декабря в резолюции о «политических задачах рабочего класса» вынуждено было оговориться, что «рабочий класс не отказывается... от политических лозунгов, под которыми он шел к полному раскрепощению России одиннадцать лет тому назад». Однако вслед за этим следуют уже оговорки, урезывание именно тех лозунгов, под которыми боролся пролетариат

---

[1]) См. приложение.

в 1905 году. Очередной задачей момента оборонцы считали «решительное устранение нынешнего режима и создание на его месте временного правительства, опирающегося на организующийся самостоятельный свободный народ. «Под этой словесной мишурой скрывалось не революционное содержание, а лишь игра с тем лозунгом, который был дан ими в ноябре: создание Г. Думой правительства спасения страны. Оборонцы возлагали свои надежды на то, что Г. Дума станет «центром общенационального движения». Во всех основных резолюциях ярко проглядывает стремление оборонцев приспособиться к лозунгам и требованиям либеральной буржуазии.

Однако перемена тактики заставила рабочие группы стать и на нелегальный путь. Правительство, благодаря провокации, было в курсе всей работы рабочей группы и принимало меры к «обезвреженію» ее. Непопулярность ее членов среди рабочих и отрицательное отношение к политике военно-промышленного социализма облегчали задачу Протопопова. Он был уверен, а донесения Охранного отделения его осведомляли об этом, что ликвидация рабочих групп не вызовет протестов со стороны рабочих масс, отказывавшихся итти за ними, а поэтому принимал меры к ее аресту.

VII.

Из деятельности Бюро Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. (б.).

Всероссийский центр, руководящий повседневной социал-демократической работой, был организован мною, по поручению Центрального Комитета нашей партии, еще в один из моих приездов из-за границы в Россию осенью 1915 года. Но через год от товарищей, ставивших работу во всероссийском масштабе, остались единицы, и в 1916 году мне пришлось снова подбирать товарищей для руководящей и технической работы Бюро Центрального Комитета. На этот раз работа по привлечению сотрудников подвигалось значительно быстрее. Выбор работников был гораздо больший, чем в прошлый год. Со стороны Петербургского Комитета не было той странной Старко-Черномазовской конкуренции в деле завязывания связей, какая имела

место в первый организационный период создания Бюро Ц. К. В руководящий центр удалось привлечь, по соглашению с ответственными работниками Петербургского Комитета (т.т. Залежским, Шутко, Антиповым, Евдокимовым и др.), т. т. П. Залуцкого и В. Молотова.

На заседаниях у нас, хотя и редко, но участвовали и представители Петербургского Комитета и работники Страхового Совета (рабочей группы). Протоколов о нашей работе сохранить не удалось. Материалов из области текущей работы того времени также осталось мало. Собирались мы в различных концах Питера. Нередко решали дела в пустынных улицах Лесного района, «прогуливаясь» втроем темными вечерами.

В моих делах сохранился полулист бумаги с порядком дня и решениями одного заседания Б. Ц. К. По характеру постановлений этот «протокол» относится к ноябрю 1916 года. В порядке дня стояли следующие вопросы:

«1) Сношения с Центральным Комитетом (заграницей). Постановлено из провинции направлять все через Бюро Ц. К.

«2) Сношения с провинцией. Постановлено: адреса и связи, имеющиеся у Петербургского Комитета, передать в Бюро Ц. К.

«3) Инструктивно-организационный об'езд провинции. Постановили: производить от Бюро Ц. К.

«4) О заграничной литературе. Постановили на местах ставить технику (размножение). Централизовать литературную работу, — децентрализовать размножение, при об'ездах организовать технику.

«5) Издание «Известий Бюро Ц. К.». Постановление не записано, хотя оно состоялось. Оно заключалось в том, что т. Молотову была поручена организация технической части, подыскание места, людей и оборудования.

«6) Постановлено: издать листок «Против оборнцев» от Бюро Ц. К.

«7) Китайцы у Лесснера. Вопрос о желтом труде. Постановлено: отложить до следующего собрания.

«8) Запросы Москвы о постановке работы. Постановлено: Послать В.... (под этой буквой скрывался В. М. Молотов), ассигновать 250 рублей.

«9) «Об'единенцы».

«10) Декларация. Оба последние вопроса остались не разрешенными».

Бюро Цека собиралось не менее раза в неделю. Свидания и встречи были гораздо чаще. На наших собраниях обсуждались дела не только российского характера, но и международные, а также и работа заграничной части нашего Центрального Комитета. По желанию редакции Центрального Органа — «Социал-Демократ» и группы партийных литераторов — эмигрантов *Г. Пятакова, Н. Бухарина* и др. Бюро рассмотрело вопрос о возникших за границей разногласиях по национальному вопросу и вынесло следующую резолюцию:

«Заслушав заявление т. Беленина относительно разногласий в коллегии сотрудников партийной прессы по отдельным пунктам программы и тактики Партии, Б. Ц. К. считает необходимым довести до сведения заграничной редакции Ц. О. следующее: 1) Б. Ц. К. в России, заявляя о своей полной солидарности с основной линией Ц. К., проводимою в Ц. О. «Социал-Демократ», выражает пожелание, чтобы все издания Ц. К. редактировались в строго выдержанном направлении, в полном соответствии с линией Ц.К., занятой им от начала войны. 2) Бюро высказывается против превращений изданий Ц. К. в дискуссионные. 3) Бюро находит, что расхождение сотрудников *по отдельным вопросам программы минимум* с редакцией Ц. О. *не может* служит препятствием к участию этих лиц в изданиях Ц. К., и предлагает редакции Ц. О. принимать их сотрудничество по другим вопросам, стоящим вне разногласий. 4) Бюро предлагает для выяснения и ликвидирования разногласий использовать *частные издательства* как в России, так и за границей путем выпуска специальных сборников дискуссионного характера».

Одно заседание Бюро Центрального Комитета нам пришлось посвятить рассмотрению дела о Л. Старке и «Мироне» Черномазове. Деятельность этих граждан была явно раскольнического и подозрительного характера. Собрание Бюро, совместно с представителями от Рабочей Группы Страхового Совета и Петербургского Комитета, вынесло по этому случаю следующую резолюцию:

«Обсудив участие М. М. и Н. Н. в общественной жизни, Бюро считает нужным указать на следующие факты, относящиеся к этому вопросу: 1) В январе 1914 г. фракция устранила Н. Н. от работы в газете, заявив ему, что он знает о

причине такого ее решения. Н. Н. никак на это не реагировал и, значит, никак себя не реабилитировал.

«2) Весной 1914 года, при наличии газеты, Н. Н. делает попытку создать свой орган. Дезорганизаторская попытка Н. Н. потерпела крах, между прочим, потому, что встретила отпор в среде товарищей, к которым он обратился с предложением сотрудничества в создаваемой им газете.

«3) Осенью 1915 года Н. Н. начинает кампанию за создание печатного органа... («Больничная касса». *А. Ш.)*, при чем Н. Н. заявлял, что новый орган должен быть не партийным, а об'единяющим течения. Эта попытка, носившая при наличии страхового органа явно раскольнический и дезорганизаторский характер, может быть об'яснена только, как попытка проведения своей личной политики, по существу антипартийной и оппортунистической, в новом органе, в котором Н. Н. мог надеяться на руководящую роль. И на этот раз кампания Н. Н. провалилась.

«4) Тогда зимой 1915 — 1916 г. Н. Н. вместе с М. М. выступают против существующего органа («Вопросы Страхования») с необоснованными обвинениями в непоследова́тельности и т. д., стремясь дискредитировать его. Здесь же следует указать— чтобы заклеймить — на тот путь, к которому прибегли М. М. и Н. Н. для достижения своих дезорганизаторских целей: они действовали в этом случае через организацию, хотя и здесь их план потерпел в конце крушение.

«5) К этому же времени относится, вдохновляемая теми же М. М. и Н. Н. и проводившаяся тоже через организацию, кампания против представителя Ц. К. Партии, направленная на этот раз прямо против центральных учреждений, остановить которую, как и остановить кампанию против страхового органа, стоило не малых усилий представителям организаций.

«6) К числу недавних дезорганизаторских шагов тех же М. М. и Н. Н. относится попытка создать свое издательство в противовес существующему [1]). И здесь следует указать на стремление М. М. и Н. Н. прикрыться авторитетом организации в своих обходных путях.

«7) Бюро считает необходимым также указать еще на факт, относящийся к «М. М.» «М. М.,» зная о решении организаций,

---

[1]) Издательство „Волна".

что относящиеся к тем вопросам, о которых в настоящей резолюции говорится в пунктах 4-м и 5-м, первоначальные постановления организации безусловно не подлежат оглашению, сообщил об этих постановлениях в нескольких случаях, между прочим, лицам, живущим как в России, так и за границей. Организация, узнав об этом факте, свидетельствующем о явном стремлении внести раскол в ряды организации, постановила прервать сношения с М. М., но проведение в жизнь этого решения было на практике затруднено сменой лиц в организации, происходящей в результате частых арестов работников.

«По указанной же в последнем пункте причине (частые аресты активных участников рабочего движения, между прочим, и тех, которые в различное время на протяжении трех последних лет соприкасались с деятельностью М. М. и Н. Н.), Бюро считает указанные выше факты, хотя и не исчерпывающими соответствующие черты деятельности М. М. и Н. Н., однако находит их вполне достаточными для того, чтобы обвинить М. М. и Н. Н. в явно дезорганизаторской и раскольнической тактике, в пользовании закулисными путями в целях личной политики, как указано по существу антипартийной и оппортунистической, в подрывании авторитета партийных учреждений, в недопустимом использовании организации в целях, не имеющих ничего общего с работой организации.

«Бюро, отмечая отрадный для организации факт, что до сих пор все раскольнические и дезорганизаторские попытки М. М. и Н. Н. остались только попытками, не получившими осуществления, вместе с тем напоминает еще раз о решениях авторитетных организаций, касающихся как М. М. (постановление петербургской организации, см. 7 п.), так и Н. Н. (постановление фракции, см. 1-й п.). Из всего предыдущего Бюро делает следующий вывод: в целях избежания крайне вредных результатов соответствующей деятельности М. М. и Н. Н. 1) оба эти лица — М. М. и Н. Н. — устраняются немедленно от всякой партийной деятельности и 2) члены всех рабочих организаций немедленно прекращают с этими лицами *всякие* сношения по делам *всех* организаций».

Литерами «М. М.» обозначен Л. Старк, а «Н. Н.» — «Мирон» Черномазов [1]).

---

[1]) К январю 1914 г. создалась почти единодушная уверенность, что Черномазов—провокатор. Но улик было мало. Главное—отталкивала во-

Это решение на пленуме Петербургского Комитета провели т.т. К. Шутко и Толмачев.

Как видно из вышеприведенного мною порядка дня, нами ставился вопрос об «об'единенцах», боровшихся с фракционностью в Российской социал-демократии. В первый год войны ими была выпущена нелегально статья, написанная от руки и размноженная гектографским способом, дававшая исторические справки о партийных расколах в других странах.

На почве «борьбы за единство» внутри партии, появилась новая политическая организация социал-демократов, принявшая название «Междурайонного Комитета». Эта организация зародилась в 1913 году, имела некоторые отношение к «Центральной Группе», созданной в том же году для воссоздания Петербургского Комитета после разгромов 1912 и начала 1913 годов.

За время войны крики об единстве значительно затихли, так как механическое единство не находило признания в партийных рядах. За годы, прошедшие после раскола Думской фракции, существование двух партий стало настолько прочным, что простого желания «единства во что бы то ни стало» было уже мало. В процессе политической борьбы социал-демократы меньшевики превратились в придаток «общественности», скатились до уровня приспособления рабочей политики к требованиям либеральной буржуазии. Война особенно ярко выявила все эти черты меньшевизма.

«Об'единенцы» из Междурайонки превратились в третью фракцию. В области политики они принимали полностью, вплоть до гражданской войны, наше отношение к войне и задачам рабочего класса во время ее. Однако это не мешало им мечтать о единстве с теми, против которых они ежечасно и каждодневно вели агитацию и от которых они же всячески старались отмежеваться. Такое отношение «нефракционных» социал-демократов являло худший вид фракционерства, лишенного и тени принципиальности.

Пользуясь старыми знакомствами, «Междурайонка» пыталась и в 1916 году собирать товарищей под флагом единства,

---

обще грязная моральная личность этого господина. Он был устранен из редакции „Правды“ единогласным постановлением думской фракции, но, к сожалению, без объяснения причин. Это дало ему возможность продолжать работу интриг и провокаций. После февральской революции подтвердилось, что он был провокатором. *Ред.*

но это уже было немодно. Резолюция, сопровождавшая записку об единстве была столь пуста, что не требовала и опровержений. В конце концов, об'единенческий зуд Междурайонки закончился тем, что она в своих прокламациях одновременно говорила и за большевиков, и за меньшевиков.

Существование отдельных партий с «одинаковыми» будто программами некоторые товарищи об'единенцы считали капризом отдельных людей, проявлением «нетерпимости», сектантства и т. д. Энтузиасты «единства», они проглядели самое важное в истории рабочего движения нашей страны, что из социал-демократии выделилась часть работников ее и, хотя признавала формально и программу и тактику «международной с.-демократии», но по существу была чужда ее революционному содержанию. И Российская социал-демократия видела, как из ее недр, под покровом ее программы возникала просто «либеральная рабочая партия». Война с каждым днем доказывала правоту подобного взгляда. Обсуждая работу и предложения об'единенцев, мы не скрывали от них нашего отрицательного отношения к слепому «единству». Вскоре и сами «об'единенцы» начали ограничивать круги «социал-демократов», подлежащих об'единению. Во время войны они предлагали об'единиться уже только «интернационалистам». На это мы отвечали: «будем работать, дело об'единит лучше всяких постановлений».

VIII.

Продовольственный кризис.

Продовольственный кризис в виде быстрого роста цен на предметы первой небходимости, а иногда и исчезновения с рынка товаров, переход к торговле «по знакомству», из-под полы, достиг на третьем году войны крупных размеров. Особенно больно и тяжело переживали этот кризис пролетарские массы промышленных районов. Волнения, стачки на почве дороговизны начались уже в 1915 году. В 1916 году разгромы рынков имели место и в Петербурге. Тяжесть продовольственного кризиса прежде всего ударила по работницам, женам рабочих и матерям, которые вынуждены были, при весьма

скудных средствах, изворачиваться, находить скрываемые продукты и первыми вступать в борьбу с начавшейся спекуляцией.

Российская буржуазия, почуяв угрозу со стороны голодающих масс, вступила также на путь «борьбы» с продовольственным кризисом. Промышленники, об'единенные в «Обществе заводчиков и фабрикантов», первыми почувствовали результаты продовольственного неблагополучия: рабочие начали пред'являть требования о повышении заработной платы. Фабриканты и заводчики решили использовать этот кризис для усиленной эксплоатации рабочих путем организации снабжения через заводы.

Правительство с первых дней войны вынуждено было стать на путь регламентации, таксировки цен. Однако таксировке подверглась, главным образом, мелкая торговля. Оптовые торговцы и крупные магазины никаких стеснений не имели, а поэтому таксировка часто просто приводила к исчезновению продукта из мелочной торговли.

Против регламентации хлебных цен выступали все патриотические помещики. Царское правительство передало дело снабжения населения хлебными продуктами в руки самих помещиков или их приказчиков. Помещики себя не обидели и через различные инстанции (в частности, через с'езд уполномоченных по продовольствию, имевший место в сентябре 1916 г.) определили чрезвычайно высокие нормы твердых цен на зерновые продукты. Подобная политика твердых цен сильно способствовала спекуляции и побуждала производителя хлеба к придерживанию зерна, в ожидании еще больших повышений цен.

К борьбе с продовольственным кризисом были привлечены губернаторы, созданы особые уполномоченные. Разнородность интересов различных групп эксплоататоров в деле снабжения продовольствием населения, а также и армии, и борьба промышленников с помещиками за твердые цены привели к тому, что каждый губернатор, каждый губернский уполномоченный, без всякого общего плана, запрещал вывоз из своей губернии. Промышленные центры весьма часто оказывались без необходимейших продуктов. От рабочих мы получали сообщения, вроде нижеследующего письма:

«В Орловской губернии, Брянском уезде нет муки ржаной, соли, керосина и сахара. В Брянске 1 ф. сахара от 1 р. до

1 р. 50 копеек. Кругом недовольство, а по фабрикам и заводам не раз были забастовки с требованиями *муки и сахара.* В Брянском уезде есть село Старь, в селе стекольная фабрика акц. общества Мальцовских заводов исполняет военные заказы. 8 октября там рабочие забастовали потому, что две недели не ели хлеба, а питались одной картошкой; выбрали 2-х уполномоченных и послали к управляющему фабрикой с требованием муки и сахара (потому что акц. о-во обещало доставлять им продукты по той цене, как было до войны, а также и заработная плата рабочим как и в мирное время). Управляющий им ничего не ответил, только пообещал. Но вот что удивительно. На завтра эти двое уполномоченных были арестованы и высланы, как неблагонадежные элементы, до снятия усиленной охраны; через два дня рабочие приступили к работам, а хлеба все-таки не получили. Организации при фабрике нет никакой.

«Село Людиново, Калужской губ., Жиздринского уезда. В селе механический, машиностроительный и горный завод акц. общ. Мальцовских заводов. Рабочих в заводе до 5 тыс., есть организация с.-д. В организации состоит 20 человек, но нет связей и литературы. Завод работает на оборону. По случаю недостатка продуктов и дороговизны в сентябре рабочие забастовали, требовали прибавки расценки на 75%. Забастовка продолжалась 2 дня; требование удовлетворено в 50%. В октябре (в последних числах) там ощущался острый недостаток муки и сахара. Мука доходила до 5 р. пуд. Рабочие забастовали, предъявив требования: «Хлеба, сахара» и увеличение расценки от 25% до 100%, пропорционально заработку каждого рабочего. Бастовали 1½ дня. Была доставлена мука, выдавали по 10 ф., а сахара по 1½ ф. на человека, а также увеличены расценки до 75%. Я был с 13 по 16 ноября в г. Жиздре, Калужской губ. Там — острый недостаток продуктов; по временам совсем нет муки, сахара и керосина. Из деревень подвоза нет никаких продуктов, кроме сена. Потом я проходил по деревням и в заключение — кругом ропот, недовольство и ожидание чего-то».

В то время, как стоимость жизненных средств непрестанно повышалась, заработная плата большинства рабочих далеко отставала от дороговизны. Мужской труд во многих отраслях промышленности заменялся дешевым женским и детским. Предпринимателям удавалось раскалывать рабочих по заработку,

выделяя высококвалифицированных, давая хороший заработок на некоторых станках, держать остальную массу на низкой плате. Так, например, еще в начале 1916 года фрезировщики, токаря, слесаря, лекальщики зарабатывали от 5 до 10 р.; в то же время чернорабочие имели среднее в час 15 к. Однако это не мешало патриотической, наживавшей на войне буржуазии скулить о непомерно высокой плате рабочих, об их чрезмерной, «непатриотической» требовательности и т. д.

О движении цен на предметы потребления, собранных мною в рабочих районах, можно иметь представление по следующей таблице (см. стр. 80).

Под влиянием поднявшегося в стране движения против дороговизны либеральная, организованная в Союзы Земств и Городов, буржуазия создала особый центр по регулированию продовольственного вопроса в Москве, под названием «Центральный продовольственный комитет общественных организаций». Вскоре этот комитет стал центром «общественной борьбы» с продовольственной разрухой. Вся борьба этих организаций и их центра заключалась в исправлении недочетов царской продовольственной политики, в нахождении примиряющей интересы промышленников и помещиков линии, конечно, за счет широких масс потребителей.

В вопросе о борьбе с продовольственным кризисом в рабочих массах боролись все те же, живущие и до сего времени, основные линии двух политик: пролетарской революционной социал-демократии (ныне коммунистической) и либеральной, оппортунистической, проводимой оборонцами всех направлений. Все социал-патриотические, оборонческие элементы социал-демократов (меньшевиков) и социалистов-революционеров создали свои центры по «борьбе с продовольственным кризисом» при Военно-Промышленных Комитетах. В феврале 1916 года, на втором с'езде представителей Военно-Промышленных Комитетов была образована особая продовольственная секция, на заседаниях которой представители рабочей группы выступили с докладом. Свои взгляды на продовольственный кризис рабочая группа изложила в тезисах следующего содержания:

«1. В России до войны дороговизна приняла резкие формы, благодаря дезорганизации производительных сил страны, системе финансовой политики и правовому и материальному положению трудящихся масс, лишенных элементарных форм ор-

Таблица цен на продукты в Петербурге и „Петрограде“.

Количество или вес.	НАЗВАНИЕ ПРОДУКТОВ.	До войны 1-го июля.		По таксе 26 го июля 1914 г.		Нормальные цены в ноябре—декабре 1915 г.		Нормальные цены в декабре 1916 г.			
								По таксе.		Вне такс.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
1 фунт.	Мясо черкасское I сорт	—	20—22	—	27	—	30	—	52	1	20
„ „	„ „ II „	—	18—20	—	24	—	26	—	48	—	90
„ „	Ветчина	—	55—60	—	—	1	10—40	—	90	1	60
„ „	Колбаса вар. от	—	26—28	—	—	—	48—50	—	—	—	90
„ „	„ „ до	—	—	—	—	—	—	—	—	1	60
„ „	„ копч.	—	40—50	—	—	1	20	—	—	2	60
„ „	Масло сливочное	—	50 60	—	60	1	20—50	—	—	4	—
„ „	„ столовое	—	35—48	—	48	—	85—95	—	—	3	20
„ „	„ кухонное	—	30	—	44	—	70 85	—	—	2	90
1 бутылка.	Молоко	—	8— 9	—	10	—	15—18	—	—	—	35
10 штук.	Яйца	—	—	—	30, 28, 25	—	60—80	—	—	—	80
1 штука.	Сельдь	—	3— 4	—	—	—	0 12	—	—	—	25—40
1 фунт.	Мука крупчатка	—	7—7½	—	—	—	12—15	свободной продажи нет.			
1 пуд.	„ ржаная	—	—	1	61	3	20	„	„	„	„
1 фунт.	Хлеб черный	—	3	—	3	—	5—6	—	—	—	6
„ „	„ полубелый	—	3½	—	3½	—	нет.	—	—	—	12
„ „	Крупа гречневая	—	—	—	5	—	10	—	—	—	12
„ „	„ пшено	—	—	—	5	—	10	—	—	—	12
„ „	Рис	—	—	—	9	—	25—30	—	—	—	45
„ „	Чай	1	60	—	—	2	40	—	—	2	60
„ „	Капуста	—	3—4—5	—	—	—	10—12	—	10	—	—
„ „	„ кислая	—	4—5	—	—	—	10	—	—	—	18
1 мера (чт.).	Картофель	—	60	—	—	1	28	—	—	3	20
1 фунт.	Лук	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20
„ „	Керосин	—	4½	—	5	—	6½—7	—	—	—	9
„ „	Мыло	—	10—11	—	—	—	25 30	—	—	—	60—70
Погонн. саж.	Березовые дрова	7	50	11	50	17—20	—	—	—	38	—

ганизации для достижения повышения реальной заработной платы и для общественного регулирования обмена.

«2. Война вскрыла с особенной наглядностью как анархию частно-хозяйственного производства, так и дезорганизацию, господствующую в отсталых общественных порядках России,— в ее хозяйственном и общественном укладе.

«3. Продовольственный кризис в России является выражением серьезного расстройства экономической жизни и дезорганизации главнейших отраслей производства.

«4. Один из главнейших видов этой дезорганизации выражается в ненормальном положении рабочего класса в промышленности и в государстве.

«5. Абсолютный недостаток продуктов в сельском хозяйстве и добывающей промышленности, выяснившийся к настоящему времени, имеет одной из своих главнейших причин низкую заработную плату, невозможные санитарно-гигиенические условия труда и жилищ и отсутствие у рабочих прав.

«6. Все эти условия не только понижают производительность труда, но и вызывают бегство рабочих из особенно отсталых отраслей хозяйства и вынужденные перерывы в производстве.

«7. Отношение к рабочему вопросу и власти, и предпринимателей, истощая физические силы рабочих, тем самым подрывает производительные силы страны, среди которых живой труд людей представляет первостепенный фактор.

«8. Дороговизна, понижая реальную заработную плату, понижает вместе с тем и запас живой рабочей силы страны, изнуряет физически нынешнее поколение и готовит слабое поколение в будущем.

«9. Там же, где заработок поднялся в соответствии с ростом цен, это повышение достигается путем такой интенсификации труда и удлинения рабочего времени, что изнурение этих квалифицированных и высокооплачиваемых групп рабочих равносильно по своим тяжелым последствиям истощению от недоедания.

«10. Рабочая делегация признает, что план организации продовольственного дела, предложенный Союзом Городов и Центральным Кооперативным Комитетом, соответствует интересам страны; но план этот может дать свои плоды только при

коренном изменении нынешней господствующей системы и в частности при демократизации местного самоуправления.

«11. Для организации центрального органа регулирования продовольственного дела необходимо равномерное представительство в нем всех классов населения, для чего должны быть устранены все преграды, мешающие кооперативам и рабочим массам организовать свои представительства во всероссийском масштабе.

«12. Поэтому очередной задачей является, на-ряду с Союзами Земств, Городов и Военно-Промышленными Комитетами, создание всероссийского союза кооперативов и всероссийского союза рабочих.

Как видно из тезисов рабочей группы, наши либеральные политики совершенно обходили основную причину и продовольственного кризиса, и дороговизны, и связанных с ней материальных лишений рабочего класса — войну. Не по невежеству или неразвитости представителей рабочей группы происходило подобное явление. В этом обходе основной причины всех народных бедствий была суть оборонческой политики. Не понимать этого не могли и военно-промышленные социалисты: но, приняв войну, они должны были совершать предательство рабочего класса и далее, скрывая все последствия этой войны.

Буржуазия пользовалась подобным «рабочим представительством» для отвода пролетарской борьбы в русло всяческих пустых и мелких дел, вроде кооперации, общественных столовых и т. п. полумер. В деле организации столовых при фабриках и заводах фабриканты и заводчики шли навстречу пожеланиям рабочих.

Рабочая группа при Центральном Военно-Промышленном Комитете посылала делегацию в Петербургскую городскую думу, стараясь втолковать питерским отцам спекуляции полезность и необходимость для рабочего населения столицы организации общественных столовых. После довольно долгих ожиданий, городская дума ассигновала 250.000 рублей городским попечительствам о бедных на организацию столовых. На эти средства предполагалось открыть до 9 столовых, с ежедневной пропускной способностью до 8000 человек. Этим и ограничилась «помощь» города в деле борьбы с продовольственной разрухой.

По вопросу об организации и управлении столовыми возникали между военно-промышленными социалистами и военно-промышленными капиталистами разногласия. В сентябре 1916 г. рабочая группа созвала совещание представителей больничных касс, некоторых кооперативов, представлявших оборонческие элементы, сгруппировавшиеся вокруг этих учреждений. На совещании были приняты нижеследующие положения:

«1. Считать, что наиболее отвечающей интересам рабочих формой столовых должны быть признаны столовые, организованные при существующих кооперативах, или же столовые, созданные специально учрежденными столовыми кооперативами, которые могут быть образованы на основании нормального устава потребительских обществ.

«2. В тех случаях, когда путь образования кооперативных столовых окажется по местным условиям неприемлемым, комиссия признает возможным и необходимым организацию столовых при фабриках и заводах, при чем полагается, что помещения под столовые и авансы в оборотные средства должны быть даны заводоуправлениями; что же касается организации дела и управления им, то оно должно находиться в руках самих рабочих. Рабочие должны настаивать на том, чтобы право пользоваться этими столовыми имели не только рабочие, работающие на данном заводе, но и их семьи.

«3. Вместе с тем комиссия считает необходимым признать, что ни кооперативные, ни фабрично-заводские столовые не в состоянии справиться с вопросом организации питания рабочих, и полагает, что к делу организации столовых должны быть привлечены как государство, так и органы общественно-городского и земского самоуправления. В центре своей работы по созданию столовых рабочие должны поставить указанные органы и стремиться к тому, чтобы была создана широкая сеть *общественных столовых*, открытых для всех и организованных на началах самоуправления, т.-е. на началах привлечения к организации и управлению широких слоев населения. В своей работе рабочие должны согласовать свои действия с другими демократическими группами населения и организациями, побуждая их занять при решении вопроса об общественных столовых наиболее отвечающую интересам широких слоев населения трудящихся общественную позицию.

«Приняв во внимание все изложенные выше соображения, совещание постановило:

«1. Перенести вопрос об организации общественных столовых на места, сделав это предметом обсуждения как рабочих организаций, так и фабрично-заводских собраний.

«2. Обратиться к петроградскому Союзу Потребителей и Обществу оптовых закупок с предложением созвать совещание городских кооперативов для обсуждения вопроса о столовых.

«3. Предложить крупным районным кооперативным организациям созвать в ближайшее время совместное совещание представителей больничных касс и кооперативов своего района для об'единения деятельности указанных рабочих организаций по организации общественных столовых.

«4. Для об'единения всех начинаний рабочих организаций в деле создания широкой сети общественных столовых создать особую Центральную Комиссию из представителей различных видов рабочих организаций и представителей от всех рабочих районов Петрограда. Временно такую комиссию избрать на Совещании.

«5. Предложить Рабочей группе Центрального Военно-Промышленного Комитета незамедлительно произвести обследование деятельности и организации существующих столовых для рабочих.

«6. Протокол настоящего совещания разослать как членам комиссии, так и не представленным в ней рабочим организациям Петрограда.

«7. Выразить энергичный протест против городского самоуправления в деле организации общественных столовых. Совещание считает необходимым указать, что дело борьбы с продовольственным кризисом в столице все время находится в бюрократических руках и что городское самоуправление не проявляет никакой энергии для защиты интересов широких кругов потребительной столицы, нередко выступая против народа; что широкие слои населения, в частности, рабочие ни разу не привлекались и не привлекаются к участию в борьбе с продовольственной разрухой в столице, особенно обострившейся в рабочих кварталах. В частности, вопрос об общественных столовых поставлен городским самоуправлением формально, как отписка от требований городской бедноты, ввиду чего в организации общественных столовых с самого начала преобладает элемент

случайности, не чувствуется никакой системы, и серьезное общественное дело грозит выродиться в неудачную благотворительную затею».

В результате этого совещания был создан «Столовый Центр» из 15 представителей («Временная Центральная Рабочая Комиссия по организации общественных столовых»). По заводам и фабрикам Петербурга повелась агитация за открытие столовых. Наиболее «сметливые», передовые фабриканты и заводчики быстро пошли навстречу этой агитации и, будучи заинтересованы предупредить требования о повышении заработной платы, давали средства на наем помещений и оборудование столовых. Предпринятое оборонцами «движение» в пользу демократизации попечительств о бедных, организации «самоуправляющихся» столовых, закончилось, по существу, кормежкой незначительного количества рабочих, занятых в военной промышленности Петербурга.

Наши подпольные организации выступили также со своей оценкой как продовольственного кризиса, так и той кампании борьбы с продовольственным кризисом, которая проводилась буржуазией и представителями рабочей либеральной политики. По вопросу о борьбе с продовольственным кризисом Петербургский Комитет нашей партии предложил районам и заводским коллективам следующую резолюцию:

«Мы, рабочие завода . . . . ., обсудив вопрос об обостряющемся продовольственном кризисе, признаем:

«1) что продовольственный кризис, наблюдающийся во всех странах, есть неизбежное следствие происходящей войны, окончательно принявший характер борьбы на истощение сил;

«2) что дальнейшее продолжение войны влечет за собою усиление продовольственного кризиса, голод, нищету и вырождение народных масс;

«3) что в России продовольственный кризис осложняется еще господством царской монархии, приведшей в полное расстройство все хозяйство страны, отдавшей ее на произвол хищников капитала и беспощадно подавляющей всякую самодеятельность народных масс;

«4) что все частичные средства борьбы с продовольственным кризисом (как-то: кооперативы, повышение заработной платы, столовые и т. д.) могут лишь незначительно ослабить следствие кризиса, не устранив его причин;

«5) что единственным действительным средством борьбы с кризисом является борьба против причин, вызвавших его, т.-е. *борьба против войны* и правящих классов, затеявших ее; принимая все это во внимание, мы призываем русский рабочий класс и всю демократию на путь революционной борьбы против царской монархии и правящих классов под лозунгом: *долой войну!*»

Эта резолюция принималась на общезаводских собраниях многих крупных предприятий.

Оценка борьбы, а равно и причины переживаемого продовольственого кризиса были даны различными нашими организациями, в виде особых конспектов, тезисов или сжатых статей и рассылались как руководящий материал по заводским коллективам.

Характерной особенностью для всех статей и материалов являлся «широкий демократизм» в деле организации снабжения городского населения. Общество заводчиков и фабрикантов, заинтересованное в устойчивой заработной плате, высказывалось за выделение рабочих в особые условия снабжения. Правительство также не было против такой постановки дела и частично, на казенных заводах проводило подобную меру. Остальное же население таким путем натравливалось на рабочих. Да и в самую пролетарскую семью проникал раскол по линии «частной» и «казенной» промышленности. Рабочие чувствовали эти опасности и относились отрицательно к выставлению подобного рода лозунгов. Сам источник их появления также будил классовую осторожность пролетариев.

На борьбу с продовольственным кризисом были направлены все силы союза земств, городов, кооперации; но все их старания оказывались бесплодны. Хлеб все чаще и чаще исчезал из продажи. Многие предметы первой необходимости совершенно покинули «свободный рынок», добровольно уйдя в торговлю из-под полы.

Рабочее население переживало большие трудности. Волнения на почве недостатка предметов питания перекатывались с одного района на другой, захватывая все более и более широкие круги работниц и жен рабочих, хозяек. Волнения частенько принимали буйный характер, как разгромы лавок, избиения торговцев, полиции и т. п., но так же бессильны были понизить цены и уменьшить размеры начавшейся спекуляции.

Царское правительство и буржуазные организации не могли и не хотели бороться с хищными интересами торгового капитала и помещиков, производителей и скупщиков хлеба. Все это облегчало нашу подпольную работу по раз'яснению причин надвинувшегося голода. В борьбе с продовольственным кризисом мы сосредоточивали внимание рабочих на основной причине, — на войне, — и призывали рабочих к организованной борьбе против войны и против правящих классов нашей страны.

IX.

Бюро Центрального Комитета и продовольственный кризис.

Продовольственный вопрос обсуждался неоднократно нашим Бюро Ц. Комитета. Получая с мест материалы и сообщения о начавшемся движении против спекуляции и дороговизны, мы прежде всего стремились предупредить увлечение теми мерами борьбы с продовольственной разрухой, которые выдвигались оборонческими и либеральными кругами. В директивах даваемых Петербургскому Комитету, а также и другим организациям, мы указывали на необходимость связать борьбу с продовольственным кризисом с руководимой нами революционной борьбой. Кодеты, через прогрессивный блок, стремились использвать продовольственный кризис для достижения постов в «министерстве общественнго доверия». Оборонцы, оппортунисты всех направлений выдвигали ряд организационных мероприятий, как передача дела снабжения самоуправлениям. Они же ставили на очередь лозунги «демократизации» самоуправлений в условиях военного деспотизма, без разрешения коренной революционной задачи— свержения царизма. Против этого обмана мы выступали самым энергичным образом.

Для борьбы с авантюризмом и оппортунизмом социал-патриотов, которые стремились использовать сумятицу, нами были выпущены особые тезисы-резолюции, составленные при активном участии наших партийных экономистов [1]).

---

[1]) И. И. Скворцова-Степанова и др.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Продовольственный вопрос.

(Резолюция).

1) Капитализм. «Продовольственный вопрос» всегда существует для эксплоатируемых классов в капиталистическом обществе. Это вопрос о возрастающем несоответствии потребностей с теми средствами для их удовлетворения, которые оставляются эксплоататорами у эксплоатируемых. «Продовольственного вопроса» никогда не существует для эксплоататоров уже потому, что предметы первой необходимости составляют небольшую долю в сумме их потребления, и вздорожание этих предметов для них мало чувствительно.

2) Война и гражданский мир. Война, поставившая под ружье миллионы рабочих, до чрезвычайности обострила «продовольственный вопрос» еще и таким способом, что оставшиеся в тылу работники отвлечены от производительного труда и вынуждены создавать орудия разрушения, а также тем, что господствующие классы, заинтересованные в этой войне, сломили сопротивление рабочего класса возрастающей эксплоатацией. «Продовольственный вопрос» для эксплоатируемых превращается в вопиющее несоответствие между каторгой полупринудительного труда и все более урезываемой возможностью удовлетворения самых насущных потребностей. «Продовольственный вопрос» для эксплоататоров становится вопросом о предотвращении такого возмущения эксплоатируемых, которое не позволит продолжать эту войну на истощение народных масс до победоносного конца, обещающего эксплоататорам новые крупные барыши.

3) Россия. В России «продовольственный вопрос» обостряется политическим строем, лишающим народные массы возможности оказать какое бы то ни было организованное сопротивление беспредельным аппетитам помещиков и капиталистов, самодержавную волю которых творит государство в годы мира, как и в годы войны, цензовой системой представительства в Гос. Думе, в земствах и городах, отсутствием свободы стачек, союзов, собраний, устного и печатного слова, полным отрицанием неприкосновенности нецензовой личности.

4) Социализм. Действительное разрешение «продовольственного вопроса» может дать только социализм: такая организация всего общественного производства, при ко-

торой оно будет служить не обогащению сравнительно немногочисленных отдельных людей, а интересам всего человечества.

5) Классовая борьба. Пролетариат, отбросив все фальшивые убеждения всех оборонцев, слуг капитализма, должен развернуть самую решительную классовую борьбу внутри каждого государства. Революционной борьбой за удовлетворение своих классовых требований пролетариат всех воюющих и нейтральных стран приблизит конец войны между народами. Только таким образом может рабочий класс ослабить продовольственный кризис и тем самым предотвратить полное вырождение, угрожающее надолго ослабить его классовую силу. В этой борьбе он восстановит свою международную солидарность.

6) Российская революция. Российский пролетариат, восстановляя свои политические и профессиональные организации, должен стать во главе борьбы за конфискацию земли, за 8-часовой рабочий день, за демократическую республику. Так он пробьет себе дорогу для открытой борьбы за социализм.

Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Эти тезисы нам удалось переправить во все крупные подпольные организации, как руководящие при проведении политической кампании на почве продовольственного кризиса. В то время, когда оборонческий меньшевистский центр—«Рабочая Группа» Центрального Военно-Промышленного Комитета проповедовала кооперацию, организацию столовых, как меру борьбы с дороговизной, мы поддерживали стачечное движение и всяческие требования, улучшающие экономическое положение рабочих. Своей борьбой рабочим удавалось достигать большего, чем покорной политикой «малых дел».

X.

Продовольственный вопрос и Государственная Дума.

В Думе вопрос о положении продовольственных дел был поставлен на обсуждение в конце ноября, числа 24. От имени «обновленного министерства» выступил временно-управляющий министерством земледелия Риттих. В своей речи он выразил готовность работать с Думой и заявил, что, за кратковре-

менностью его пребывания на посту, не может дать ответа относительно программы правительства. В то же время Риттих сделал характерную оговорку: «Я считаю меры эволюционного порядка единственно возможными в сложной области экономических отношений. Всякую ломку я отвергаю».

По вопросам продовольственной политики выступало много ораторов. Лидерство и на этом заседании было в руках кадетов, представитель которых Шингарев произнес очень содержательную речь. Он указал на симптоматическую пустоту в правительственной ложе, сравнивая эту пустоту с пустотой в самом совете министров, где не оказывается «ни знания, ни плана, ни системы. За время войны переменилось четыре министра земледелия и шесть министров внутренних дел, при чем каждый не знал, что ему делать, и что сделал его предшественник». Далее он приводит пример об'явления рекрутского набора на 15 июля, в самый разгар уборки хлебов. Лишь с громадным трудом удалось членам Думы в особом заседании добиться отмены этого указа. Благодаря подобной неурядице «в целом ряде районов уборка производилась силами инородцев». Но и в этом деле правительство поспешило создать неразбериху. «Появляется телеграмма Штюрмера, и в Туркестане и в киргизских областях начинается призыв инородцев во время рабочей поры. В результате—серьезные и тяжкие беспорядки в этих районах и лишение сельского хозяйства рабочих рук». Министру Наумову с трудом удалось наладить применение труда военнопленных; но и тут правительство поспешило дезорганизовать дело требованием снять пленных с работы. Тот же Наумов подошел к вопросу о твердых ценах,—Наумов уходит в отставку. Кандидат об'единенного дворянства гр. А. А. Бобринский, сменив его, постепенно убеждается в необходимости установить твердые цены и, после огромной борьбы, твердые цены проходят на особом совещании. Еле-еле удается двинуть закупочную организацию. И вдруг гр. Бобринскому приходит шалая мысль, что твердые цены, быть может, следует изменить. Появляется новый министр внутренних дел (имеется в виду Протопопов. *А. Ш.)*, и между ним и гр. Бобринским происходит странная комедия борьбы. Гр. Бобринский сам хотел отдать свое дело (т.-е. передать продовольствие из мин. земледелия в м-во внутренних дел. *А. Ш.)*, и только его организация, его министерство и большинство совета министров, перед вос-

ходящей протопоповской звездой, не дало ему возможности это дело ликвидировать... Протопопов мечтает привлечь банки к закупочной организации, желает приблизить губернаторов, а Бобринский делает вид, что борется с Протопоповым».

Далее Шингарев переходит к характеристике попыток особого совещания по продовольствию; но над этим совещанием возвышался Штюрмер, проводивший «свою политику». В то время министерство земледелия составляет план продовольственной организации с привлечением местных сил. План опубликовывается в виде обязательного постановления в собрании узаконений и правительственных распоряжений. Однако через несколько дней гр. Бобринский, испуганный Протопоповым, что, при помощи уездных и волостных комитетов, будет организована революция, тайным циркуляром, зашифрованной депешей потребовал приостановить везде действие только что распубликованных сенатом организационных правил.

Согласно заявлению Шингарева, избыток хлеба над потреблением составлял в России 440 милл. пудов. «Но если,— спрашивает он,—страну постигнет неурожай? Если останется прежняя разруха и прежняя никуда не годная деловая работа, к которой призывал нас г. председатель совета министров? Что будет тогда? Не ясно ли, что главная, практическая, деловая работа наша, это — удаление власти, которая не может работать».

И на этот раз кадеты ставили вопрос о власти «по-деловому», напирая на то, что правительство «не может» работать так, как нужно и выгодно либеральной, промышленной буржуазии. Затронув вопрос о войне, Шингарев заявил, что она «должна быть доведена до конца, чего бы это нам ни стоило... Государство вашей решимостью в этом смысле живет, вы много раз мешали малодушию, неумению правительства, а иногда, быть может, предательским мыслям. Именно Дума явилась тем фокусом народной мысли, воли народа, который, вопреки негодным бюрократам, продолжал вести войну и будет вести до конца».

Переходя к вопросу о снабжении населения и армии продовольствием, Шингарев заявил, что «настал момент с этого места сказать народу: государство требует вашего хлеба, и он отдаст этот хлеб, как отдал своих детей». Само собой разумеется, что это дело было прямой обязанностью Думы, ибо,

по мнению кадет, она «имеет нравственный авторитет». Продовольственная политика мыслилась ими, как политика твердых цен и государственной монополии. «Твердые цены—лишь начало новой огромной повинности перед государством. Может быть, придется ввести, по примеру Франции и Германии, хлебную монополию. Мы знаем одно: страна организованная несокрушима, страна дезорганизованная бессильна справиться даже с этими бюрократами».

Характеризуя внутреннее и внешнее положение России, Шингарев проводит историческую параллель между тогдашним положением России и состоянием Франции в конце XVIII столетия. «Да ведь это наши дни, да ведь это наша разруха, да ведь это наша слепая безумная власть, да ведь это наши домашние дела, да ведь это наши неуспехи в борьбе с внешним врагом, да ведь это наши зловещие, змеиные слухи об измене!» И этот кадетский лидер должен был определить, что «другого выхода нет», что необходима «отмена этого режима, разгон этой толпы, смена этой никудышной власти».

Прения по продовольственному вопросу продолжались несколько дней, но все выступавшие представители различных партий только повторяли основные мысли Шингарева.

Из социалистических ораторов выступал с.-д. Туляков, определивший, что «продовольственный кризис, в сущности есть кризис политический, и если раньше можно было помочь существующей беде взаимными уступками со стороны власти и общества, то теперь нужна быстрая и решительная операция. Старый режим опоздал с уступками, и путь к хлебу возможен только через старый режим и олицетворяющее его правительство. Продовольственный кризис неразрешим не потому, что власть бездарна, ленива и развращена, а потому, что власть, которая и в обычное время видит источник своего благополучия в закрепощении народных масс, в разгар продовольственного кризиса была передана в руки агрария, мечтающего превратить Россию в дворянское поместье. При передаче дела продовольствия местным управлениям, рабочий класс ничего не выиграет, так как органы самоуправления, в их теперешнем виде, чужды и враждебны населению».

По примеру всех оппортунистов, представитель фракции Чхеидзе так же, как и все оборонцы, дипломатично обходил основной вопрос продовольственного кризиса—войну.

Выступавший от народников Русанов также ни единым словом не обмолвился о коренной причине продовольственных неурядиц — войне. И социал-демократы (фракции Чхеидзе) и народники выступали по продовольственному вопросу, как «пристяжные» прогрессивного блока, отнюдь не отражая взглядов революционного пролетариата нашей страны.

По окончании обсуждения социал-демократы меньшевики внесли следующую формулу перехода:

Формула перехода к очередным делам по продовольственному вопросу, предложенная с.-д. фракцией.

Обсудив вопрос о продовольственных затруднениях, основною причиною которых является европейская война, отвлекшая миллионы граждан от производительного труда ко взаимному истреблению и разрушению культурных благ, и признавая, что для ослабления продовольственного кризиса необходимо:

1. Строгая регламентация и организация народного хозяйства, в смысле планомерного регулирования производства, транспорта, обмена и потребления во всех областях хозяйственной жизни.

2. Коренное изменение и создание новой системы налогов, перелагающий бремя их с трудящихся масс на плечи имущих и дающей возможность покрывать расходы войны не беспредельным выпуском бумажных денег, а беспощадным обложением неслыханных прибылей капитала и землевладения, в интересах которых ведется война.

3. Проявление свободной, широкой и организованной самодеятельности всего населения.

Признавая также, что осуществление вышеуказанных условий ставит вопрос о дальнейшем пребывании у власти правительства, приведшего хозяйственную жизнь страны в состояние полного хаоса, приносящего интересы народных масс в жертву своекорыстию кучки хищников и насильников, с неослабевающей энергией преследующего всякое проявление общественной самодеятельности, особенно же рабочего класса, — правительства, всецело подпавшего под влияние темных сил и ведущего страну к неминуемой катастрофе, —

Государственная Дума признает неотложной задачей решительную борьбу с существующим режимом и с правительством,

его олицетворяющим, призывает народ к проявлению организованной воли и приступает к немедленной разработке мероприятий, необходимых для организации всех живых сил страны в целях полного раскрепощения ее и устранения хозяйственной разрухи.

Пятого декабря закончились дебаты. В заключение была принята резолюция прогрессивного блока (за—114, против—17, воздерж.—87), содержащая ряд политических деталей и выдвигающая необходимость установления твердых цен; единого самостоятельного органа, ведающего продовольствием; привлечения к разверстке продуктов местных сил, и устранения от нее правительственной администрации; решительного и планомерного государственного и общественного урегулирования цен и производства важнейших промышленных продуктов массового потребления; выработки плана 1917 г. подсчета и распределения рабочих сил и т. п. Проведение этих мер обусловливалось «сотрудничеством власти и общественных сил». К этому полюбовному соглашению стремились обе стороны.

XI.

Организация выступлений рабочих.

Осенняя кампания борьбы организованной буржуазии с царским правительством показала самым широким и отсталым кругам рабочих, что «парламентские» способы свержения царского самодержавия не достигнут цели. От речей представителей прогрессивного блока, народников и меньшевиков твердыни царизма не колебались. Правительство в ответ брало курс направо и, зная очень хорошо истинную душу русского либерализма, было уверено, что найдет пути делового соглашения.

В ответ на всяческие грозные «формулы перехода к очередным делам», принимаемые Гос. Думой, Гос. Советом и даже с'ездом об'единенных дворян, царь отвечал пожалованием наград митрополиту Питириму, генералу Воейкову и т. д. Придворная камарилья одерживала одну победу за другой, порождая разложение в рядах аристократической знати, связанной с борьбой в Думе и общественных организациях.

Обширная нелегальная литература о выступлениях в Думе и в Государственном Совете, письма либеральных деятелей и, наконец, резолюции всяческих с'ездов оказывали огромное разлагающее влияние на устои царского трона. За осень 1916 года царская монархия потеряла и тот небольшой кредит в суеверной, отсталой части населения, поддерживаемый прессой, полицией и церковью, который она имела. Особенно сильное впечатление производили все эти известия, слухи, речи, обращения и т. п. на измученных представителей российской деревни, одетых в серые шинели. Уже в то время мы имели глухие вести о том, что речи думских депутатов об изменниках и предателях, находившихся при дворе и в правительстве, производили огромное впечатление на солдатскую массу. В этих речах и в сопровождавшей их молве о продажности всего царского правительства солдатские массы находили об'яснение тем чудовищным поражениям армий, потере крепостей и городов, которые имели место в этой войне. В конце 1916 года по Питеру ходили упорные слухи о том, что на северном фронте солдаты нескольких полков отказались итти в наступление, так как подозревали, что их наступление и вся военная операция предана правительственными изменниками. Проверить эти слухи тогда не представлялось возможным, и только впоследствии, уже во время революции, эти случаи подтверждались самим командным составом.

Об'ективный рост революционных настроений, а также определившееся в стране обострение борьбы с царским правительством, рост стачечного движения и революционных вспышек ставили перед нами, руководителями социал-демократической работой в России (Бюро Ц. К. и Петербургским Комитетом), вопрос об организации массовых уличных выступлений. Разрозненные выступления, стачки отдельных предприятий, даже отдельных рабочих районов не достигали тех политических целей, во имя которых начинались, и не удовлетворяли ни партийных, ни широких кругов беспартийных рабочих масс. Обострившаяся классовая борьба требовала иных методов, более решительных, чем стачки. Таким средством борьбы по нашему тогдашнему убеждению должна быть уличная борьба. Стремление перенести борьбу из пределов фабрично-заводских предприятий, вынесение этой борьбы на улицу, в виде демонстраций, за пределы рабочих районов нашло живейшее сочувствие

и отклики в рабочей среде. Уличные выступления мыслились нами также и как единственное средство вовлечения широкой солдатской массы в политическую борьбу. Конкретные формы выступлений мы обсуждали, начиная с ноября, с представителями Петербургского Комитета. Начавшиеся в ноябре провалы наших работников, провал «техники» Петербургского Комитета в Новой Деревне, не помешали широкому обсуждению нашей тактики уличных выступлений.

За время войны, точнее, со времени июльских дней 1914 г., петербургский пролетариат не пробовал своих сил в уличных демонстрациях. Организации также отвыкли от подготовки таких выступлений, хотя традиции «хождения в город», к Невскому, просыпались в рабочей массе почти во время всякой стачки.

Бюро Центрального Комитета, обсуждая этот вопрос, учитывало изменившуюся по сравнению с «мирной эпохой» 1914 г. ситуацию, прекрасно сознавало, что призывы к уличным выступлениям неизбежно должны будут завершиться борьбой, кровавыми схватками. Петербургский Комитет в лице своих работников, как К. И. Шутко, Г. Евдокимов, В. Шмидт, Н. Антипов, Н. Толмачев и другие, также понимал ответственность и важность предпринимаемой тактики и решил вести подготовительную в этом направлении работу, приурочив уличные демонстрации к празднованию традиционного 9 января. В Москву также дана была директива готовиться к уличным демонстрациям, и мне было предложено поехать в Москву для согласования тактических вопросов о переходе к уличным выступлениям во всем московском промышленном районе.

Провал «техники» (т.-е. подпольной типографии) поставил Петербургский Комитет в чрезвычайно тяжелое положение. В декабре нужно было готовить листовки к 9 января. Подбирался материал для 4 номера «Пролетарского Голоса», а возможности печатания у Петербургского Комитета не было. Разрешение этой задачи, особенно дело печатания № 4 «Пролетарского Голоса», взял на себя т. Антипов, ведавший организацией «техники» Петербургского Комитета. Товарищ Антипов сговорился с партийными печатниками, поместил своего человека на службу в типографию Альтшулера, имея намерение использовать ее для нелегальных нужд Петербургского Комитета. Выпуск четвертого номера «Пролетарского Голоса»

в декабре являлся одной из крупных работ Петербургского Комитета в его подготовке к январским выступлениям.

Наши печатники, под руководством тов. Антипова, разработали план использования типографии Альтшулера. Работавший в типографии «свой человек» выяснил все условия службы, изучил помещение и все особенности типографии. Антипов подобрал 12 — 13 решительных и отважных печатников всех категорий и в ночь на 17 декабря они совершили вооруженный захват типографии. Овладев типографией, товарищи-печатники заперли ночную смену работавших там и своими силами набрали и отпечатали несколько тысяч экземпляров газеты «Пролетарский Голос», номер четвертый. Операция в первой части удалась блестяще, но заключение было печальное. Выносивших пакеты с газетами арестовали при выходе, а некоторым дали возможность отвезти литературу на явки и уже на месте производили аресты.

Первое время мы думали, что провал произошел благодаря случайному налету полиции, поднятой на ноги во всем этом районе по случаю убийства Распутина. Однако целый ряд последовавших провалов, а также соображения Антипова и других склонялись к мысли о предательстве. Ряд наводящих фактов подтверждал эти подозрения, а также давал возможность установить и лицо. Подозрение пало на печатника Михайлова (он же «Ваня-печатник»), которое подтвердилось документами уже после февральской революции.

На шестнадцатое декабря я наметил свою поездку в Москву и для большей конспирации целые сутки до этого посвятил на заметание следов усиленного шпионажа, который был установлен за мной. Удачно освободился от слежки; незаметно, с готовым билетом пробрался на вокзал и в поезд. На другой день был в Москве.

В Москве у меня было надежное убежище — квартира Р. В. Оболенской в Теплом переулке, с весьма удобным двойным входом. Московские шпики меня не знали, и здесь мне было уже значительно легче. С организацией имел связь через П. Г. Смидовича, В. П. Ногина, И. И. Скворцова, М. С. Ольминского и ряд других товарищей, имена которых не помню. Имел свидание и с целым рядом «низовых» работников Замоскворецкого района, ходил на свидание-явку в Коммерческое Училище, а также и по квартирам. С москов-

скими товарищами установил полную солидарность по всем вопросам усиления активных уличных выступлений. Московские работники (Московское Областное Бюро Ц. К.) также решили произвести первую пробу уличных демонстраций 9 января 1917 года. По заводским районам повели подготовку рабочих к этим демонстрациям и решили тиснуть листовку.

Настроение московских рабочих и «демократических» кругов населения было родственно питерскому. Дни моей поездки в Москву совпали с убийством Распутина, и московские газеты, оказавшиеся по этому вопросу более свободными от цензуры, были полны смакования этой дворцовой «тайны». Убийство придворного богомола-развратника старались превратить в огромнейшее политическое событие, чуть ли не в преддверие дворцового переворота. Это усердие буржуазных газет приносило известную пользу тем, что дискредитировало царские верхи, наносило последние удары «божественному» происхождению царской власти. На-ряду с газетными сенсациями о Распутине, шла огромная волна слухов о внутренней дворцовой жизни, превосходя все «тайны Мадридского двора».

Партийная работа в самой Москве в конце 1916 года сложилась чрезвычайно своеобразно: почти во всех рабочих районах велась социал-демократическая работа, но все старания московских товарищей об'единить деятельность в общегородском масштабе разбивались о провокацию, свившую довольно прочное гнездо в организации. В силу этой же провокации и усиленного жандармского внутреннего и внешнего наблюдения не могли быть полностью использованы весьма старые и крупные партийные работники, проживавшие в это время в Москве. Бюро же Центрального Комитета, в силу своей бедности, не могло использовать свободные силы московской партийной интеллигенции для укрепления других районов. Приходилось использовать ряд товарищей лишь от случая к случаю, несмотря на громадную нужду центра и мест в работниках.

Отсутствие денежных средств чрезвычайно стесняло деятельность Бюро Центрального Комитета. Поступления от организаций были весьма скромны. Привезенные мною остатки-денег от проданных в Америке материалов о погромах во время «освободительной войны» быстро иссякли. На меня, помимо прочей работы, свалилась огромная работа по изысканию материальных средств. Дороговизна жизни тяжело отражалась на

постановке работы. Необходимость наладить «технику» Бюро Центрального Комитета, организовать регулярные об'езды организаций, предполагаемое нами совещание партийных организаций, одним словом, намеченный нами план работы сразу же пред'явил требование на крупные суммы. Касса Бюро была не в состоянии удовлетворить эти требования. Для покрытия расходов мы прибегли к ряду мероприятий, как предложение о регулярном отчислении 10% с поступлений местных организаций, предприняли продажу открыток и портретов осужденных депутатов, а также производили сборы среди «бывшей» с.-д. публики. Огромную услугу в этом деле получали мы от А. М. Горького и И. П. Ладыжникова, приходивших нам на поддержку. Однако все наши попытки использовать в целях получения денежной поддержки «бывших» социал-демократов, занимавших в то время видные посты в капиталистических предприятиях или общественных организациях, служивших инженерами и директорами крупных фирм, зарабатывавших десятки тысяч рублей, потерпели крах. К некоторым из этих господ, ныне являющихся «товарищами», членами нашей Р. К. П., я лично посылал людей для зондирования почвы, но безуспешно. А. М. Горький, обсуждая однажды вопросы нашей «финансовой» политики, весьма метко определил этих «бывших»: «они охотнее дадут на выпивку у Кюба, чем на подпольную работу». И он был прав. На наш призыв ответили очень немногие и очень «некрупные» по своему тогдашнему положению в «обществе» товарищи. На московских товарищей Бюро Ц. К. также возложило обязанность изыскивать средства для усиления всероссийской работы, но и там дела финансовые были не блестящи. Отсутствие средств стесняло до крайности нашу работу. Сношения с заграницей, переправа транспортов литературы требовала больших средств. Организация выступлений по всей России требовала также много денег, а их у нас не было, и поэтому все сношения с провинцией происходили нерегулярно.

Сосредоточивая свою работу по организации выступлений в Петербурге, Москве и Иваново-Вознесенске, мы предполагали, что различными путями, через непосредственную связь рабочих Питера и Москвы с рабочими других районов, наша тактика станет известна и будет усвоена передовыми пролетариями фабрик и заводов всех других промышленных районов.

XII.

Подполье и международная и царская охранки.

Политический сыск, шпионаж и провокация за время войны приняли невиданные в «мирный» период размеры. Правительства и генеральные штабы армий всех воевавших и нейтральных стран пытались использовать политическую деятельность партий, революционное рабочее движение в интересах той или иной коалиции боровшихся мировых держав. Политики и стратеги воевавших стран не пренебрегали никакими средствами в целях ослабления своих противников. Спекуляция на волнения, стачки и даже революции, свержение монархий или царизма входили в стратегические и политические планы многих воевавших стран.

Нам, большевикам, международный военный и полицейский сыск и провокация не давали покоя и за границей. Наши антивоенные лозунги, наша антицаристская революционная деятельность не могли не привлечь внимания правительств стран, воевавших с Россией, с Антантой. Германский империализм первый учел возможности использования в своих интересах нашей антивоенной революционной работы в России. Мы эти намерения предвидели. Развал и предательство социалистических партий II Интернационала облегчали правительствам и их генеральным штабам шпионские затеи, политические авантюры. Милитаристские намерения германо-австрийских империалистов, однако, нас не смущали, а заставляли быть осторожными, побуждали следить и за границей за тем, чтобы не попасть в лапы агентуры. Попытки проникновения в наши ряды германо-австрийской агентуры имели место уже в первые месяцы войны. И первыми агентами империалистов являлись «социал-демократы». Нам было известно желание немецкого социал-патриота и купца Парвуса «помочь» нашей революционной работе. Но одного намека на это было достаточно для того, чтобы наши заграничные товарищи прекратили всякие сношения со всеми, кто имел какое-нибудь отношение к Парвусу и ему подобным господам.

Мне лично пришлось столкнуться с рядом агентурных попыток войти в нашу среду, оказать нам помощь или получить

«информацию». Первым агентом «высшей марки», с которым мне пришлось иметь дело еще в октябре 1914 г., был голландский социалист и один из вождей II Интернационала Трельстра, приезжавший в Швецию в качестве посланца Ц. К. Германской социал-демократии. От него первого я, приехав тогда из Петербурга, услышал заявление, что Центральный Комитет Германской социал-демократии поддерживает войну своего правительства ввиду царистской опасности, и что Ц. К. Германской с.-д. готов и нам в нашей борьбе оказать помощь. Трельстра был (или казался) крайне удивлен моим отказом, моим возмущением поддерживать нашу борьбу 16-дюймовыми снарядами и просил меня написать ему мой взгляд на подобные предложения Ц. К. Германской с.-д. Ответ на это предложение я написал и в Стокгольме же вручил Трельстру.

В том же Стокгольме к тов. А. М. Коллонтай, а затем и ко мне явился социал-демократ (эстонец) Кескула. При свидании он спекулировал своими связями и знакомством с т. Лениным, Зиновьевым и другими членами наших заграничных центров. Кескула вел себя чрезвычайно странно, высказывался в духе германской ориентации и, наконец, предложил свои услуги, если нам потребуется его помощь в деле получения оружия, типографии и прочих средств борьбы с царизмом. Его образ мыслей и поведение показались нам очень подозрительными, и мы тотчас же почувствовали в нем агента германского генерального штаба и не только отвергли его предложения, но даже прекратили с ним всякие сношения. Связи в Швеции у него были большие. Он имел сношения с финскими «активистами», имел друзей в русском посольстве и в русских банковских и страховых кругах.

Наш отказ иметь дело с Кескула не остановил его дальнейших попыток проникнуть при помощи других лиц в нашу среду. В конце 1915 года мы обнаружили связь секретаря стокгольмской группы Р. С.-Д. Р. П. (б.) Богровского с Кескулой. Расследованием выяснили, что он получал от Кескулы деньги, но пользовался ими в личных целях. За нарушение постановления о недопустимости сношений с Кескула Богровский был исключен из партии, и этот случай заставил нас быть еще более осторожными при привлечении людей к делу содействия нашей революционной работе.

Расследованием деятельности Богровского, его сношений с Кескула занялись товарищи Н. Бухарин и Г. Пятаков. Вскоре нам удалось напасть на новые следы шпионского окружения нашей стокгольмской группы большевиков. Нам удалось напасть на следы связи Кескула с высланным из Норвегии левым социалистом, датчанином Крузе.

В 1915—1916 году зимой я имел встречу с Крузе в Петербурге в датской гостинице «Дагмара». Его приезд в Россию мне показался чрезвычайно подозрительным, а его об'яснение, очень путаное, только утвердило во мне закравшееся недоверие. Будучи в 1916 году в Москве у Н. М. Бухариной, я получил еще ряд указаний и сведений, оправдывающих мои подозрения относительно роли и характера деятельности Крузе. Очевидно, не предполагая за собой никаких подозрений, Крузе в Москве предлагал все те средства, которые еще в 1914 году навязывал нам сам Кескула. Одновременно он пытался использовать наши связи, в частности данный ему Н. Бухариным адрес Н. М. Бухариной, для установления сношений с проживавшими в Москве друзьями Кескула. Своими подозрениями я поделился с Н. М. Бухариной и получил от нее письмо на английском языке чрезвычайно странного характера, в котором имелась просьба сходить к некоему эстонцу и передать сообщение от К....., т.-е. от Кескула. Я тотчас же предложил снять несколько фотографических копий с письма Крузе, уличавшего этого «левого» социалиста в прямой связи с агентурой.

Во время моего пребывания в России, в зиму 1915—1916 г. т.т. Бухарин и Пятаков развернули свои революционные контрразведывательные способности настолько широко, что перепугали всю шпионскую агентуру. Военный и полицейский шпионажи в Швеции были тесно связаны. Германский шпионаж находил своих покровителей в правительственных верхах Швеции. Французские и английские разведки работали, также опираясь частично на коммерческие верхи и сочувствие «демократии» скандинавских стран. Расследование шпионской работы, намечавшиеся новые следы настолько обеспокоили шведские полицейские круги, что стокгольмские власти поспешили придраться к т.т. Бухарину и Пятакову, выдумали нелепейшие обвинения и выслали их за пределы Швеции. Брантинг и его большинство не приняли никаких мер к раскрытию

всех тех шпионских затей и интриг, которыми оплетали нас и нашу деятельность в их стране.

Относительно предложений Кескула и его агентов я лично в то время, в 1916 году, поставил в известность Брантинга; но верхи шведской социал-демократии ничего не сделали для того, чтобы разоблачить работу шпионской агентуры. Работа антивоенных социалистических групп даже в нейтральных странах подвергалась преследованиям и находилась под бдительным оком всяческой полиции, частенько напоминая нам царские порядки. Во время пребывания в Швеции мы не скрывали ни своего единомыслия, ни своих связей с левыми группами социалистических партий скандинавских стран. Адреса организаций нам служили помощью в деле сношений как с Россией, так и с нашими заграничными центрами. По адресам шведской социал-демократии мы получали литературу для переправы в Россию. Эта связь была открыта шведской полицией, и однажды она произвела (1916 г.) обыск в помещении левых групп, в Народном доме южной, рабочей части Стокгольма, и арестовала некоторое количество нашей литературы. Корреспонденция, получавшаяся нашими товарищами, подвергалась перлюстрации (тайному просмотру) сыщиков. Однако мои правила нелегальной работы—ничего партийного не получать на свое имя—гарантировали меня от провала переписки, и за все время работы там у меня не было случаев пропажи документов или писем.

Реакционнейшая война требовала применения всех приемов и средств борьбы с рабочим движением, и западные «демократии», освящавшие империалистическую бойню народов, обманывая рабочий класс «освободительными» целями этой войны, усвоили по отношению левых социал-демократических групп все приемы царской охранки.

Работа департамента полиции (охранки) царистской России за время войны не ослабевала. Условия военного времени давали жандармерии неограниченные возможности по искоренению крамолы. К обычным «расправам» мирного времени: тюрьмам, каторге и ссылкам, прибавилась новая: посылка на передовые позиции. И много передовых рабочих было отправлено маршевыми ротами на передовые позиции за устройство стачек, за протесты против эксплоатации, за политические выступления и пропаганду.

Наши подпольные организации крупных промышленных центров находились не только под неусыпным надзором внешнего наблюдения, слежки, засады и т. п. проявлений шпионажа. Наиболее опасный вид шпионажа для подпольных организаций была провокация, так называемое «внутреннее освещение». Питерская, московская и другие крупные организации на каждом шагу чувствовали на себе работу «внутреннего осведомления». Только путем провокации удавалось петербургской охранке открывать типографии, арестовывать членов Петербургского Комитета и других ответственных, профессиональных работников партии. Для Петербурга установилась средняя норма продолжительности нелегальной деятельности работника, равная трем месяцам. К этой норме приспособлялись и наши организации. Конечно, из этого правила было немало исключений, но эти исключительные случаи рассматривались нашим подпольем, как работа «сверх нормы». Примерно после этого трехмесячного срока внутреннее осведомление и внешнее наблюдение в виде слежки заканчивались арестами. Случаев арестов на улице было очень мало. Охранка предпочитала открыть ночное убежище партийного работника и произвести арест на дому. Поэтому искушенные профессионалы прежде всего старались законспирировать свои ночлеги или квартиры, если располагали таковыми.

За последний приезд из Стокгольма в Петербург в октябре 1916 года я сравнительно скоро заметил за собой усиленное внешнее наблюдение. Провести, обмануть, избавиться от слежки филеров было сравнительно легко. В результате борьбы с уличным шпионажем развивалась особая чуткость, и глаза легко отыскивали среди прохожих филера, шествующего по пятам. Во избежание провала я не пользовался ни паспортами, ни постоянной квартирой, хотя и то и другое было. Одну паспортную книжку на имя Маврицкого мне добыл из «верных рук» и «частным» путем В. Шурканов (провокатор), другой паспорт на имя финляндского уроженца я добыл во время проезда через Гельсингфорс. Но и тем и другим я пользовался только для поездок по ж. д. и носил один из них, главным образом финский, в качестве документа на всякий уличный случай. В прописку их не давал, пользуясь теми визами, которые были сделаны владельцами.

От назойливых, весьма настойчивых преследований филеров мне удавалось спасаться сравнительно легко. В процессе работы у меня выработались некоторые «правила». Я никогда не ходил одной и той же дорогой. Никогда не ночевал в одной квартире под-ряд более одного раза. Расположение ночевок позволяло мне заметать следы. Так, в конце шестнадцатого года я пользовался тремя квартирами за Невской заставой, двумя квартирами на Выборгской стороне, одной квартирой в Лесном, одной в Гражданке, одной в Галерной Гавани. В случае усиленного наблюдения я прятался в одной из своих квартир на пару дней и этим расстраивал налаженность слежки. Свои квартиры-ночевки я скрывал самым тщательным образом от всех товарищей.

Борьба с внутренним осведомлением, т.-е. с провокацией, была неизмеримо труднее. Проявление же провокации весьма чувствительно отзывалось на всей работе организации. За время войны обвинения в провокации, смутные подозрения, намеки высказывались по отношению к очень многим товарищам. Многие из этих подозрений носили также и провокационный характер: охранке было чрезвычайно важно внести в наши ряды как можно больше подозрений и деморализации. Слухи и подозрения приходилось тщательно проверить; но проверка почти всегда натыкалась на отсутствие «конкретных» фактов. Значительная доля подозрений основывалась на недоверии, «внутреннем» убеждении отдельных партийных товарищей. Выяснить основательность недоверия, проследить и проверить заподозренного путем более близкого знакомства с его жизнью, его деятельностью вне партийных кружков было трудно. Но именно эта чуткость отдельных товарищей, способность «почувствовать» врага,—по моему личному опыту и отзывам ряда подпольников,—очень редко была ошибочной. На основании ряда внутренних убеждений мы устранили, подвергли бойкоту и негласно, внутрипартийно, об'явили провокатором известного Мирона Черномазова.

Отдельные товарищи подозревали М. Черномазова еще с 1914 года в интриганстве, карьеризме. В 1915 году, столкнувшись с деятельностью М. Черномазова в Петербурге, я был чрезвычайно поражен дезорганизаторским, антипартийным ее характером. В конце 1915 года мне пришлось выслушать много личных заявлений по поводу работы М. Черномазова в области

больничного страхового дела. М. Черномазов, пользуясь своим положением секретаря больничной кассы крупнейших предприятий Выборгской стороны, — заводов Лесснера, задумал создать руководящий страховым делом центр около своей персоны и повел упорную работу в этом направлении; пользуясь Выборгским районным комитетом партии, он сумел обеспечить за собой большинство Петербургского Комитета того времени. Об'единив вокруг себя группу молодых секретарей некоторых фабрично-заводских больничных касс, он повел работу против нашего легального журнала «Вопросы Страхования», противопоставляя ему идею нового «нефракционного» журнала «Больничная Касса». Одновременно с этим начал искусную кампанию интриг против нашей Рабочей Группы Страхового Совета. Свою работу против наших страховых организаций Черномазов и его компания пытались облечь в форму принципиальных разногласий, выдвинув обвинение против Рабочей Группы Страхового Совета и редакции «Вопросов Страхования», в оппортунизме, нежелании итти нога в ногу с Петербургским Комитетом. В Петербургском Комитете эти обвинения поддерживал Л. Старк и С. Багдатьев (он же Нарский). Пришлось взять на себя разбор всего дела и, не теряя времени, уже осенью 1915 года заняться опросом и выяснением «принципиальных» разногласий.

Подозрения в интриганстве, властолюбии, карьеризме, вплоть до предположений о связи М. Черномазова и его друзей с охранкой высказывали товарищи: Г. Осипов (член Страховой группы и от ее имени), Винокуров, Гладнев, Фаберкевич, Подвойский, Шведчиков, Ольминский, Еремеев. Некоторые из них высказывали свои подозрения также и по отношению к Л. Старку и С. Багдатьеву. Материалом против всех была только «работа» М. Черномазова и К°, и на проверку ее направил я все свое внимание.

По самому острому тогда вопросу о деятельности нашей рабочей страховой группы и редакции «Вопросов Страхования» мне удалось устроить совместное заседание представителей Рабочей Группы, редакции журнала и «молодых» страховиков, организовавшихся при Петербургском Комитете. Совместное заседание происходило на квартире инж. Фаберкевича, бывшего членом редакции «Вопросов Страхования». На этом заседании удалось выяснить и установить полную

неосновательность обвинений в «оппортунизме», всех упреков в несогласованности работы с Петербургским Комитетом и т. п. В конце прений «молодые» страховики (сторонники М. Черномазова и Л. Старка) внесли практическое предложение о «коалиционном» составе редакции «Вопросов Страхования», выговаривая половину мест себе в качестве «представителей» Петербургского Комитета. В этом предложении выявилось в полной мере стремление М. Черномазова проникнуть в центр страховой работы, как раз туда, куда его не пускали, где никто из старых товарищей не хотел работать совместно с ним или его кандидатами. Предложение о коалиционном составе редакции, как противоречащее партийному уставу и практике в деле руководства центральными органами партии,— а «Вопросы Страхования», как и сама Рабочая Группа Страхового Совета, были органами Всероссийскими,—нами было отвергнуто. От имени Бюро Центрального Комитета я заявил о неприемлемости «коалиции», но, принимая во внимание интерес дела и привлечение к сотрудничеству новых сил, предложил дать в Бюро Центрального Комитета список лиц, которых «молодые» страховики желали бы включить в редакцию всероссийского руководящего страховым делом органа. Мое предложение было принято всей редакцией, а также представителями страховых организаций, но вызвало некоторое замешательство в рядах «черномазовцев».

М. Черномазов, Л. Старк и К° быстро учли, против кого было направлено предложение дать кандидатов в Бюро Центрального Комитета, кандидатов они не выставили, но повели энергичную атаку против меня персонально, стараясь дискредитировать и меня, и наш Центральный Комитет, как «заграничных», оторванных от работы, «верхов». Петербургский Комитет того состава шел на поводу у М. Черномазова, Л. Старка и К° и принял предложенную этими господами резолюцию против «Вопросов Страхования» и вторую, направленную лично против меня. Стоило большого труда заставить Петербургский Комитет взять свои резолюции обратно. Страховики же вынесли ответную резолюцию, опровергавшую все взводимые на них лишний раз обвинения. Тогда же удалось столковаться с исполнительной комиссией Петербургского Комитета об исключении из своих рядов М. Черномазова и Л. Старка. Однако последнее, в силу двойственного поведения

некоторых членов П. К., не проводилось полностью до осени 1916 г., когда была принята решительная резолюция против интриг этих господ.

Разбираясь в этом деле, не встречаясь с самим М. Черномазовым, по его поведению в работе я все более и более убеждался в том, что мы имеем в лице его довольно искусного агента охранки. Высказанные мною кое-кому из членов Петербургского Комитета подозрения дали повод Исполнительной Комиссии (Багдатьеву, Шмидту, Старку) требовать от меня «более конкретных» данных об его провокационной работе. Тех данных, которые были во всей деятельности Черномазова, оказывалось недостаточно для этих товарищей. Удовлетворить требование, представить конкретные данные о провокаторстве М. Черномазова «в виде вещественных доказательств» мне было невозможно. Для этого нужны были связи с самой охранкой, а этим я не располагал. И, пользуясь этим предлогом, указанные работники Петербургского Комитета сохраняли связь с «мироновцами». Только осенью 1916 года резолюцией Бюро Центрального Комитета был положен конец как интригам Черномазова, так и разгильдяйству некоторых работников П. К. Всем работникам было воспрещено иметь с ним какое-либо дело.

В начале зимы 1915 года, в одно из обычных путешествий по явкам Петербургского Комитета, я встретил на Выборгской стороне знакомого рабочего токаря Алексея Горина, члена нашей подпольной организации, работавшего в то время в Питере. Будучи товарищами по парижской работе, разговорились. Узнав, что Петербургский Комитет назначил мне явку на квартире В. Е. Шурканова, куда я шел, он предупредил меня, чтобы я был осторожен в своих сношениях с этой квартирой.—Эта квартира—фонарь для охранки,—сказал он. Подошедшие к нам знакомые рабочие айвазовцы помешали продолжению этого разговора. Мы условились встретиться с ним, но в тот же день вечером он, вместе с другими, неосторожно собравшимися в ресторане на Петербургской стороне, был арестован. Так я и не мог установить, кого подозревал Горин, имея в виду квартиру бывшего депутата III Думы Шурканова. Однако это заявление заставило меня быть настороже и не посвящать в нашу работу Шурканова. Много раз я пытался наводящими путями выяснить, нет ли

еще кого-либо из подозревавших квартиру на Выборгской стороне, но успеха не имел.

Работники Пет. Комитета пользовались квартирой Шурканова и для свиданий и для ночевки, а некоторые — и для постоянного жилья. Мне также приходилось заглядывать к нему, чтобы встретить кого-либо из членов Пет. Комитета. До этого времени я не был знаком с Шуркановым, и при первой встрече он произвел на меня впечатление недалекого и сравнительно неразвитого рабочего. С первой же встречи он проявил большой интерес к моим скитаниям по Питеру, сделал ряд предложений, способных, по его мнению, избавить меня от собачьего скитания по городу. Шурканов в то время работал на заводе Айваза. Мои краткие наблюдения над Шуркановым, его образом жизни, а также справки у некоторых айвазовцев не давали данных к усилению подозрительности по отношению к нему. На квартире у него бывали и жили нелегальные работники. В своей жизни он ничем не выделялся из среднего типа металлистов Петербургского района. Среди товарищей славился гостеприимством и, как говорили, был не дурак выпить. На почве выпивки и воспоминаний о днях былых в его квартире собирались многие старики, например: Полетаев, Афанасьев, Климанов, Павлов и другие товарищи.

Роль Шурканова в партийной работе была чрезвычайно скромная. Только депутатское прошлое давало ему возможность поддерживать связи и оказывать организации различные «услуги» по предоставлению квартир и т. п. На партийную работу он не оказывал никакого влияния, но в силу имевшихся связей и через окружавших и живших у него товарищей был в курсе многих, даже чрезвычайно конспиративных дел. На явках, устраивавшихся работниками Пет. Комитета у Шурканова, говорилось обо всем частенько при его непосредственном участии.

По отношению ко мне Шурканов проявлял чрезвычайное внимание. Особенно его заботило мое бездомное существование, и он много раз предлагал мне занять одну из пустовавших у него комнат. Однако все эти предложения я считал для себя неподходящими, явно нарушавшими мои соображения о конспирации. По соображениям того же порядка, основанным на некотором внутреннем недоверии, сохранившемся у меня

по отношению к Шурканову после слов т. А. Горина, я отвергал под различными любезными предлогами и все предложения о ночевках и местах отдыха.

В моей борьбе с Черномазовым Шурканов всецело стоял на моей стороне, подтверждая все высказываемые мною сомнения и заключения о провокаторском характере деятельности М. Черномазова.

XIII.

Перед 9 января 1917 года.

После совещаний с московскими партийными товарищами, в конце декабря 1916 года, мне удалось побывать в Нижнем-Новгороде. Однако, ввиду происходивших тогда арестов и обысков в Канавине и Сормове, мне удалось задержаться там более трех дней. Со времени моей первой поездки в 1915 году Нижегородская организация значительно выросла и окрепла. На Сормовском заводе действовали кружки; партия имела влияние на заводских рабочих. Велась борьба с оборонческими элементами меньшевиков и социалистов-революционеров. Первые нашли себе опору в больничной кассе, и занимались поисками «легальных» путей для рабочего движения, хотя бы в рамках закона от 1903 года о фабрично-заводских старостах. Среди рабочих в то время развивалось недовольство на почве дороговизны, нехватки продовольствия, бившей особенно сильно по чисто пролетарской, не связанной с землей массе.

Относительно возможности движения в связи с 9 января местные работники особых надежд не питали. Однако не скрывали возможности стачки, если столицы выявят в эти дни что-либо могучее.

К концу 1916 года идея «войны до конца» до «полной победы» и т. п. была значительно подорвана. Настроение антивоенное царило не только среди рабочей массы, но охватило и широкие круги городских «обывателей». В самой армии, как в тылу, так и на фронте, патриотический угар давно уже рассеялся, и никакие искусственные меры не могли его подогреть. Отчаяние и ненависть охватывали трудящиеся массы, и нужен был только толчок, чтоб это вылилось в виде какого-либо протеста.

Правительство, помещики, буржуазия знали и учитывали рост недовольства, рост антивоенных настроений, усилили репрессивные меры борьбы с отдельными проявлениями протестов. Против нас повелась усиленная агитация как в прессе, так и через различные организации, работавшие по «организации обороны». Все средства клеветы были пущены в ход: обвинения в провокации «преждевременной» вспышки, в немецких интригах и подкупе. Но и клевета не остановила рабочего движения: так же, как и прочие приемы буржуазии, она оказалась неспособной увлечь пролетариат на борьбу за Дарданеллы.

Царское правительство отчетливо понимало, что первые удары народного возмущения будут направлены против него, и готовилось отразить натиск народной стихии. Во всех значительных промышленных центрах полицию подготовляли к уличной вооруженной борьбе. Развивавшееся с каждым месяцем революционное движение, угрожавшее устоям царской монархии, правительство царя решило встретить подготовленным кровавым отпором. Свои кровавые приготовления правительство и не скрывало от народных глаз. Семнадцатый год оно решило оросить огневым свинцом. Но к ужасам смерти за эти годы бойни все уже попривыкли и не боялись ее. Впереди всем и каждому она непосредственно угрожала не только на фронте, но и в тылу.

Наши маленькие организации, разбросанные по фабрикам, заводам, шахтам и рудникам, также готовились к борьбе. Они не располагали в то время военной техникой, не были так вооружены, как полицейские отряды царя, но это не обескураживало наших бойцов, вооруженных одной лишь жаждой борьбы и победы. Каждый рабочий смутно понимал, что в серых шинелях бьются солдатские сердца в такт с его желаниями. И пролетарской задачей на семнадцатый год было— вовлечь армию в революционный фронт против царя, против помещиков, против буржуазии и войны.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Документы, не вошедшие в текст.

1. Совещание с А. Д. Протопоповым у М. В. Родзянко 19/X 1916 г.

Присутствовали: И. И. Дмитрюков, И. Н. Ефремов, Д. П. Капнист, И. И. Капнист, П. Н. Милюков, Савич, Сверчков, В. И. Стемпковский, Д. Н. Чихачев, А. И. Шингарев, Н. Д. Крупенский, В. В. Шульгин, В. А. Энгельгардт.

По приезде Протопопов обратился с просьбой побеседовать запросто, под условием, чтобы ничто не вышло из этой комнаты. П. Н. Милюков заявил на это, что пора секретов прошла, и что он не может дать требуемого обещания, так как должен будет обо всем, что здесь будет происходить, доложить фракции.

А. Д. Протопопов. В таком случае, я ничего не могу говорить и извиняюсь, что потревожил председателя Гос. Думы и вас, господа. Что же произошло, что вы не хотите побеседовать по-товарищески?

Милюков (вскакивая с места, подходя к креслу Протопопова, повышенным тоном). Вы хотите знать, что произошло? Я вам скажу. Человек, который служит вместе со Штюрмером, при котором освобожден Сухомлинов, которого вся страна считает предателем, освобожден Манасевич-Мануйлов, человек, который преследует печать и общественные организации, не может быть нашим товарищем. Говорят при том об участии Распутина в вашем назначении.

Протопопов Я отвечу по пунктам. Что касается Сухомлинова, он не освобожден, а изменена лишь мера пресечения. *(Милюков:* Он сидит у себя дома под домашним арестом и просит о снятии его.) Да. Печать от меня не зависит, она в военном ведомстве, но я ездил к Хабалову и освободил «Речь» от предварительной цензуры. О Распутине я хотел бы ответить, но это секрет, а я здесь должен говорить «для печати». Павел Нико-

лаевич закрывает мне рот, чтобы я не мог объясниться с товарищами. Я мог бы ожидать после нашей совместной поездки за границу, что по крайней мере сердце заговорит и смягчит отношения; но, повидимому, я ошибся. Что же делать! Я хотел столковаться, но если это нельзя, и ко мне так враждебно относятся, я принужден буду пойти один.

Шингарев. Прежде, чем товарищески беседовать, нужно выяснить вопрос, можем ли мы еще быть товарищами. Мы не знаем, каким образом вы назначены. Слухи указывают на участие в этом деле Распутина. Затем, вы вступили в министерство, главой которого является Штюрмер, человек с определенной репутацией предателя. И вы не только не отгородились от него, но, напротив, из ваших интервью мы знаем, что вы заявили, что ваша программа есть программа Штюрмера, и что он будет развивать вашу программу с кафедры Государственной Думы. В ваше назначение освобожден другой предатель, Сухомлинов, и вы заняли место человека, который удален за то, что не захотел этого сделать. При вас же освобожден Манасевич-Мануйлов, личный секретарь Штюрмера, о котором ходят самые темные слухи; и, наконец, в происходящих теперь рабочих волнениях, ваше министерство, по слухам, действует как прежде, путем провокации, пуская в рабочую среду всевозможные слухи. Вы явились к нам не в скромном сюртуке, а в мундире жандармского ведомства. Вот обо всем этом мы желали бы слышать от вас прежде, чем определить, каковы должны быть наши отношения.

Протопопов. Я пришел сюда с целью побеседовать с вами, а теперь выходит, что я присутствую здесь в качестве подсудимого. При том вы можете говорить все, что вам угодно, тогда как мне Павел Николаевич зажал рот своим заявлением, что все, что я здесь скажу, завтра появится в печати. При этих условиях я не могу говорить многих интимных вещей, которые опровергли бы те слухи, которым вы напрасно поверили; например, Распутина я видел несколько лет тому назад, при обстановке совершенно далекой от нынешней. Я личный кандидат государя, которого я теперь узнал ближе и полюбил. Но я не могу говорить об интимной стороне этого дела. В департамент полиции я взял человека мне известного и чистого. Я допрашивал чиновника этого департамента Васильева об их приемах, я спросил его строго; «ну, а еще что есть у вас?». Он отвечал: «есть сотрудники».—А еще что? Он бледнел и краснел, потом встал передо мною и сказал,

что больше ничего нет. Провокаций теперь нет. *(Голоса:* А роль Курлова при Столыпине?) Курлова обвиняют напрасно. *(Милюков:* А записка Новицкого?) Ну, вот, вы верите разным запискам! Столыпин убит не по его вине. Курлов до убийства его был уже назначен сенатором: об этом у меня в столе есть бумага. Столыпин говорил мне, что ездил со своим начальником охраны, потому что тогда чувствовал себя безопаснее. Что же делать, если оказалось много белых мышей и ни одной белой лошади: много доказательств мошенничества и ни одного — измены.

Шульгин. Действительно, прежде всего должны решить вопрос о наших отношениях. Мы все осуждали вас, и я осуждал публично и считаю поэтому своим долгом повторить это осуждение в вашем присутствии. Предупреждаю, что доставлю вам несколько тяжелых минут. Мы не знали, как думать: или вы мученик, если шли туда с целью что-нибудь сделать, при явной невозможности сделать что бы то ни было в этой среде. Или вы честолюбец, если вы просто увлеклись блестящим положением, не скрывая от себя, что вы сделать ничего не можете. В какое, в самом деле, положение вы себя поставили? Были люди, которые вас любили, и были многие, которые вас уважали. Теперь ваш кредит очень низко пал. Вы отрезали себя от своих единственных людей, которые могли поддержать вас там. Этот разговор, который мы ведем теперь, надо было вести тогда, до того, как вы приняли власть. При этих условиях понятно, почему Павел Николаевич не считает возможным сделать секрет из нашей беседы. Завтра же, когда общество узнает, что мы с вами беседовали, оно может предположить, что мы вошли с вами в заговор, и мы не вас поддержим, а себя погубим, подобно вам. Я допускаю еще возможность секрета, если бы мы сегодня ни к чему не пришли. Тогда так и можно сказать: говорили, но ни до чего не договорились. Но если мы на чем-либо согласимся, то тогда мы обязаны будем сообщить обществу, почему мы нашли возможным согласиться.

Протопопов (раздраженно). Если здесь говорят, что меня больше не уважают, то на это ответ может быть дан не в обществе, а лицом к лицу, с пистолетом в руках. Что касается отношения ко мне общества, — сужу о нем по моим большим приемам. Туда приходит множество обездоленных и страдающих, и никто еще не уходил без облегчения. Это общество меня ценит. За вашей поддержкой я пришел, но я ее не нахожу. Что делать, — я пойду дальше один! Ведь вы меня ни разу даже не пригласили в блок,

я там ни разу не был! (*Милюков:* Это ваша вина.) Я исполняю желание моего государя, я всегда признавал себя монархистом. Вы хотите потрясений, перемены режима, но этого не добьетесь, тогда как я понемногу кое-что могу сделать. (*Стемпковский:* Теперь такое положение, что именно вредно сделать «кое-что».) Это не долго уйти, но кому передать власть? Я вижу только одного твердого человека, это—Трепов. Для меня мое положение может быть убийственно, но я буду делать, что могу. Отчего вы даже Хвостова встретили лучше, чем встречаете меня?

Милюков. Я извиняюсь перед товарищами за повышенный тон моего первого выступления. Может быть, это действительно был крик сердца, последний крик. Я должен признать, что у нас с А. Д. Протопоповым установились, действительно, дружеские отношения во время нашей общей поездки, которые не давали основания думать, что Протопопов поступит так, как он поступил. Но теперь положение другое. «Сердце» теперь должно замолчать. Мы здесь не добрые знакомые, а лица с определенным общественным положением. А. Д. для меня теперь министр, а я представитель определенной партии, привыкшей к политической ответственности. Я, собственно, не говорил, что то, что сообщит А. Д., завтра попадет в печать. Но если бы даже печать захотела сообщить об этом, ведь имеются циркуляры о том, чтобы ничего не писать о министре внутренних дел.

Протопопов. Это меня не касается, я об этом не знаю. Я, напротив, просил, чтобы не мешали говорить обо мне, что угодно. Общество с 1914 года пользуется возмутительным правом шельмовать, кого хочет, и взвело на меня гнусное обвинение, несправедливость которого должна быть особенно ясна тем, кто со мной ездил: однако «Речь» ни словом не обмолвилась в мою защиту. Но я выпустил ее нападение на меня. Я выхлопотал освобождение «Речи» от предварительной цензуры. Говорил ли вам Иосиф Владимирович, что благодаря мне «Речь» освобождена?

Милюков. Нет, этого он не говорил мне. (*Протопопов:* Как не говорил?) Но я полагал, что нет надобности в особом ходатайстве министра, чтобы снять несправедливо наложенную кару. Извиняюсь за это отступление, но я должен пояснить товарищам, что «Речь» была наказана за нарушение циркуляра, которого она не успела получить по вине ведомства, не имевшего в своем распоряжении автомобиля. (*Протопопов:* Нет, мне докладывали, что за статью, в которой «Речь» неуважительно отзывалась о похо-

ронах убитого офицера.) Как бы то ни было, это частность, а я возвращаюсь к своей главной нити. Я не говорил о сообщениях в печати, которые при всей недостаточности цензурного аппарата (*Протопопов:* Не извращайте моих слов: цензура действительно невежественна и нелепа: она пропускает то, что не надо, а невинные вещи запрещает. Я теперь добился, чтобы пропустили воззвание рабочей группы, очень полезное, которое она запретила), достаточно гарантирует положение, когда речь идет о таких вещах, как слова государя и государственной тайны. Я говорил о том, что раз наше совещание имеет политическое значение, то я не могу молчать о нем перед политическими друзьями. (*Протопопов:* Дайте слово, что в печати ничего не будет.) Во фракции 40—50 человек, и я никак не могу дать обещание за всех них. Я могу, однако, сказать, что по обычным правилам мы не сообщаем того, что составляет государственную тайну, и А. Д. достаточно сказать, что именно в его сообщениях имеет такой характер, чтобы оградить себя от распространения. Я перехожу к другому: почему именно наша встреча имеет политическое значение, и почему назначение А. Д. не похоже на назначение Хвостова? Хвостов принадлежал к политической партии, которая вообще не считается с общественным мнением. А. Д. Протопопов вступил во власть не как известная личность, а как член определенных политических сочетаний. На него падает отблеск политического значения той партии, к которой он принадлежит, и того большинства, к которому его причисляли. Его считали членом блока.

Протопопов. Как товарищ председателя, я считал долгом быть беспартийным и потому не могу считать себя членом блока. (Д. П. Калинист выражает недоумение по поводу такового отношения к фракции.)

Милюков Я очень рад этому разъяснению, так как оно значительно упрощает объяснение вашего вступления в министерство. В этом винили блок; теперь, после вашего разъяснения, блок может на него ссылаться. Но, кроме того, вы были товарищем председателя Думы, т.-е. своего рода лицом представительным, и в этом качестве стали известны за границей, как председатель нашей делегации.

Протопопов. Что же, я уронил достоинство делегации?

Милюков. Нет, *там* не уронили, а уронили *здесь*, так как из всех ваших выступлений *там* вовсе не вытекало то, что вы сделали *здесь*.

Протопопов. Вы не знаете, с каким сочувствием отнеслись к моему назначению за границей. Я получил приветствия от Грея, Дешанеля и т. д.

Милюков. Вы получили их не как А. Д., а как человек, на которого падал отблеск, как человек репрезентативный. Что касается сведений иностранной прессы, то мы не знаем, как она информируется, и должен сказать, я сам получил первые сведения о политическом значении вашего назначения тогда, когда прочел телеграмму вашего агентства в Париже. В ней говорилось, что ваше назначение принято сочувственно парламентскими кругами,— как оно принято в действительности, вы теперь видите,—и что надеются, после этого назначения, что Дума примирительно отнесется к Штюрмеру. Между прочим, вы за границей тоже говорили, что вы «монархист»; но там я не обратил внимания на это заявление; мы все здесь монархисты, и, следовательно, казалось, что нет надобности этого подчеркивать. Но когда здесь выкопали это место из ваших заграничных речей и стали восхвалять вас, как «монархиста» в таких газетах, как «Русское Знамя» и «Земщина», тогда я задался вопросом, с которым и обращаюсь к вам. В каком смысле вы «монархист»? В том ли смысле, в каком вас хвалят за это «Русское Знамя» и «Земщина», т.-е. в смысле «неограниченной монархии»? Или же вы остаетесь сторонником конституционной монархии? Но тогда зачем было подчеркивать свой монархизм? Я хотел бы, чтобы вы нам объяснили эту двухсмысленность.

Протопопов. Да, я всегда был монархистом, а теперь я узнал лично царя и полюбил его. Не знаю за что, но и он полюбил меня *(Капнист:* Не волнуйтесь, А. Д.) Да, вам хорошо сидеть там, на вашем кресле, а каково мне на моем. У вас есть графский титул и хорошее состояние, есть связи, а я начал свою карьеру скромным студентом и давал уроки по 50 коп. за урок. Я не имею ничего, кроме личной поддержки государя. Но с этой поддержкой я пойду до конца, как бы вы ко мне ни относились.

Милюков. Я еще не кончил. Я начал объяснять вам, почему мы отнеслись к Хвостову лучше, чем к вам. Я сказал, что вы были «представительным» человеком и, как сказал уже Шульгин, мы должны нести ответственность за вас, тогда как Хвостов был человеком чужим. Но далее есть и другая разница. Когда был назначен Хвостов, терпение народа еще не окончательно истощилось, и мы считали нужным сдерживаться. Варун-Секрет тогда

позвал меня на тайное совещание с Волконским и Хвостовым, и Хвостов мне сказал, что созыв или несозыв Думы будет зависеть от того, будем ли мы говорить о Распутине. (*Протопопов:* Вот видите, о чем он вас просил.) Я отвечал тогда, что не могу ручаться за других; но для меня Распутин не самый главный государственный вопрос, и что я буду говорить о вопросах более важных. Тогда я сохранил секрет этого совещания. Теперь положение совершенно другое. После сентября прошлого года в Думе есть большинство, которого не было при вступлении Хвостова, и у большинства этого есть свое определенное мнение. Правительство поступило наоборот, и мы вышли теперь из момента, когда терпение в стране окончательно истощено, и доверие до конца использовано. Теперь нужны чрезвычайные средства, чтобы внушить народу доверие (*Протопопов:* Ответственное министерство? Ну, этого не добьетесь! *Голоса:* Нет, министерство доверия!) и в такой-то момент вы, человек, удостоенный «доверием» Думы, вступаете в кабинет Штюрмера! В такой момент поддерживать недоразумение, которое может вызвать ваше назначение, невозможно. Вот почему мы теперь не можем более допустить никаких секретов и недоговоренностей, а должны занять относительно вас вполне определенное положение. Между прочим, в ваших словах мне послышались две угрозы: одна относительно «Речи», а другая относительно Гос. Думы. Что означает ваше выражение, что вы будете действовать «один»? Значит ли это, что вы не созовете Гос. Думы, как об этом говорят в публике?

Протопопов. Я не злопамятен и не мстителен. Что касается созыва Думы—это просто россказни.

Милюков. По моим сведениям, которые я считаю достоверными, об этом говорили несколько министров.

Протопопов:. Во всяком случае, я в их числе не находился.

Милюков. Находились, А. Д.! (*Голоса:* Да, были слухи именно о вашем мнении по этому поводу.)

Протопопов. Нет, так далеко я не иду. Я сам член Думы и привык работать с Думой; я был и останусь другом Думы. В вашем отношении ко мне, Павел Николаевич, говорит разум, но нет голоса сердца. Ваша супруга отнеслась бы ко мне совершенно иначе, вот как я к вам отношусь. Хотите, я легализую вашу партию?

Милюков. При чем тут моя супруга? О моем «сердце» я уже говорил и повторяю, что мы здесь встречаемся только как полити-

ческие деятели. Повторяю, что мы привыкли иметь дело с государственными тайными, и А. Д. может быть уверен, что то, что составляет в его сообщениях действительную государственную тайну, отсюда не выйдет. Я сообщу друзьям лишь то, что имеет политическое значение.

Шингарев. А. Д. назвал себя монархистом и неоднократно говорил о своей любви к царю. Но, кроме царя, есть родина. Если царь ошибается и идет неверным путем, опасным для родины, то обязанность монархиста, любящего царя, сказать ему это. Сказал ли это А. Д., — мы этого не знаем, а из его образа действий и из высказываемых им взглядов можем заключить противоположное.

Протопопов. Я мог бы сообщить то, что я говорил царю, и то, что он говорил. (Обращаясь к Родзянко.) Не правда ли, М. В., и вы не считали возможным нам сообщить? *(Родзянко:* У меня имеются все мои доклады.) Что касается моих слов, то П. Н. ведь говорит, что все, что я скажу, завтра же будет известно. О докладах государю ни один опытный газетчик не попробует напечатать, ибо это наверное не пройдет через цензуру.

Ефремов. Я присоединяюсь к заявлению, что это свидание не носит частного характера. Меня пригласил сюда председатель Гос. Думы, как лидера определенной партии, для того, чтобы выслушать то, что имеет сказать министр внутренних дел. Обо всех политических суждениях, которые будут иметь место в нашем совещании, я сочту своей обязанностью доложить своей фракции. Кроме того, я хотел сказать по поводу заявления А. Д., что ему некому передать свою должность, что в настоящее время дело не в лицах. Какое угодно «твердое» лицо, если пойдет в кабинет, без программы общественной поддержки ничего сделать не сможет. Положение слишком серьезное, чтобы справиться с ним путем личных перемен. Нужна не перемена лиц, а перемена системы.

Родзянко. В последних словах И. Н. заключается глубокая истина. Я совершенно согласен с тем, что нужна перемена режима, и могу вас уверить, А. Д., что то, что вы здесь выслушали, составляет общее мнение всех присутствующих членов Думы, без исключения, и ни в ком не вызовет возражений. Нет здесь, кто бы думал иначе.

Протопопов переходит к обсуждению продовольственного вопроса, открывает портфель и вынимает оттуда две бумаги: записку на 4 страницах, написанную В. В. Ковалевским, о поло-

жении продовольственного дела, и свой проект, внесенный в Совет Министров. Он говорит: государь сказал мне, что он хочет *лично меня* видеть во главе продовольственного дела. В последний раз он спросил меня: уверены ли вы, что вы с этим делом сладите? Имеется ли для этого достаточно сил в вашем ведомстве? Я ответил (закатывая глаза к небу): я употреблю все мои усилия, чтобы вывести страну из тяжелого положения. А положение вот какое... (Читает по записке Ковалевского, прибавляя почти за каждой фразой: это государственная тайна. *Милюков* неоднократно отвечает: это общеизвестно, все это мы слышали в бюджетной комиссии, это было напечатано два дня тому назад в газетах.) Развивает свою теорию свободного почина. Читает проект.

И. И. Капнист (член особого совещания по продовольствию) берет слово и подробно рассказывает Протопопову, как совещание и министерство земледелия нехотя и упираясь пришли к принудительным мерам, как теперь уже поздно и невозможно менять систему, как опасно производить любительские эксперименты. Он указывает, что худший элемент в составе персонала, обслуживающего продовольствие, суть губернаторы и чиновники министерства внутренних дел, что их надо оттуда удалить, и тогда останется хороший и опытный персонал. Земства нельзя принудить обязательно работать на министерство.

Доходит очередь до Милюкова, но Протопопов объявляет, что уже поздно, он устал и не может долее участвовать в прениях. Все встают с мест. П. Н. Милюков говорит, обращаясь лично к Протопопову: «Все это надо было сказать бюджетной комиссии. Если бы вы там присутствовали сами при подобных объяснениях ведомств, то поняли бы, что шпаргалка, составленная для вас Ковалевским, это просто односторонний обвинительный акт, с надерганными тенденциозно фактами».

И. И. Капнист, поднимаясь, подходит к Протопопову и убеждающим тоном говорит: «А. Д., откажитесь от вашего поста».

Милюков. Вы ведете на гибель Россию. Не мешайте!

Протопопов. Я сам земец, и земства пойдут со мной. (*Голоса:* Не пойдут, А. Д.!)

После нескольких минут общего разговора по кружкам, раздаются голоса: «А. Д., идите спать!»

Шингарев. Я могу вам на прощанье дать медицинский совет: ложитесь спать и отдохните.

Протопопов (уходя и прощаясь). Господа! Я сделал опыт соглашения и, к сожалению, неудачно. Это моя последняя попытка. Что же делать!

2. Съезды Всероссийских Союзов земств и городов.

Речь главноуполномоченного Союза земств кн. Г. Е. Львова от 9/XII 1916 г.

Мы не виделись с вами 9 месяцев. Со времени последнего собрания нашего 12 марта изменились соотношения государств, изменились соотношения воюющих народов, произошли громадные изменения в их духовной жизни, изменились отдаленные и близкие исторические горизонты; не изменилось только наше правительство. Его война с общественными силами, сперва затаенная, а затем открытая, ведется им вне всякого соответствия с мировыми событиями и вне зависимости от участи нашего государства. Пусть потоп несчастия затопит нашу родину, пусть великая Россия станет данницею немцев, лишь бы им сохранить свое личное старое благополучие.

15 месяцев назад нас не допустили сказать монарху искреннего слова предостережения о надвигавшейся тогда грозной опасности гибельного разрушения того внутреннего единства, которое было провозглашено в самом начале войны с высоты престола, как единственный верный залог победы. Им было страшно слово правды, которое мы бережно, осторожно несли из глубины народного сердца к престолу. Им было страшно соприкосновение царя с народом. Они испугались нас, поглощенных высокопатриотической работой на спасение родины, до такой степени, что запретили нам собираться и обдумывать наше патриотическое дело. Под видом забот о твердости царской власти они разрушают самые ее основы. Все силы власти своей они направили на устранение общественных сил от великого и сложного дела организации страны для победы, не выполняя сами самых важных и прямых своих обязанностей в этой области. Путем разрушения народного единства и сеяния розни они неустанно готовят почву для позорного мира; и вот уже не в предчувствии грозной опасности, а в состоявшемся полном разрыве идеала русского народа с действительной жизнью, мы должны сказать теперь им: «вы злейшие

враги России и престола; вы привели нас к пропасти, которая развернулась перед Русским царством».

Г.г.! То, что мы хотели 15 месяцев тому назад с глаза на глаз сказать вождю русского народа, теперь говорит в один голос громко вся Россия. Поистине, нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано. То, что мы говорили в ту пору шопотом, на ухо, стало теперь общим криком всего народа и перешло уже на улицу.

Но нужно ли теперь нам повторять то, что кричат на улицах? Нужно ли оценивать то, что уже оценено всеми? Нужно ли нам называть имена тайных волхвов и кудесников нашего государственного управления? Довольно... Каждому уже отмерено мерой народного суда по достоинству. Едва ли правильно останавливаться на чувствах негодования, презрения, ненависти. Не эти чувства укажут нам путь спасения. Оставим презренное и ненавистное. Не будем растравлять ран души народной! Общее положение нашего отечества сознано теперь всеми.

Отечество в опасности. От Гос. Совета и Гос. Думы до последней землянки все чувствуют это одинаково. Всех охватила одна великая тревога за отечество. Высокое, святое чувство за родину-мать объединило всех, и в нем надо искать спасения.

Что же нам делать? Отдадим себе отчет в нашем собственном положении, в наших силах и в нашем долге перед родиной в смертельный час ее бытия. Оглянемся назад на пройденный нами путь, взглянем на нашу путеводную звезду. Не для борьбы с правительством позвали нас к государственным делам, и надо быть справедливыми, г.г., к самим себе. Русская общественность не потерялась перед неожиданностью поставленных перед нею задач, не растерялась и перед растерянностью и бессилием власти. Я не собираюсь излагать перед вами историю роста нашей общественной, государственной работы от первого робкого миллиона до миллиарда рублей, покрывшего сложной сетью общественных организаций все фронты и всю внутреннюю Россию. Вы лично прошли этот тяжелый путь государственного труда под непрестанным обстрелом враждебной в вашей работе власти. Я хочу только указать вам на тот факт, что по мере роста участия народных сил в деле спасения родины росла и враждебность к общественным силам власти. Мы исполняли наш долг; все, что не одолевал сделать старый аппарат государственной власти, делали мы, общественные силы. Но в этом, все возрастающем росте

горячей общественной работы на мировом пожаре, в этой организованной общественности власть видела и видит не радостное спасительное явление, а личную себе гибель, гибель старому строю управления.

Как будто общественная работа, неразрывно связанная с подвигами армии на спасение родины, является борьбой за власть! Не о власти идет дело, а о судьбе родины, участи армии и о путях к победе. Они ведут борьбу за власть в своих руках, а мы — за целость, величие и честь России. Страна совершенно равнодушна к борьбе за власть и к происходящим личным переменам. Она давно утратила веру в возможность восстановления нарушенного правительством величавого образа душевной цельности и согласия жизни государственной переменой лиц. Страна жаждет полного обновления и перемены самого духа власти и приемов управления.

Куда же ведет нас наша путевая звезда, наш долг, долг истинных сынов родины?

Когда историческая судьба призывает весь народ к государственной работе, а власть стала совершенно чуждой интересам народа, тогда ответственность за судьбу родины должен принять на себя сам народ. В такие роковые минуты нечего искать, на кого возложить ответственность, а надо принимать ее на самих себя. К ответственности призывается сама душа народа. Удары судьбы всегда собирали народную душу, и она, только она одна и никто другой выводили всегда страны из опасности. Для спасения отечества требуется совершение национального подвига. И какое же может быть сомнение в том, что народ совершит его?

Для здорового государства нет безвыходных положений. Нужно только соответственное напряжение энергии, ума, воли и любви к родине. Когда сознание опасности проникает в душу народную, охватывает всех и каждого, тогда выход из опасности находится. Разве мы задумывались в момент объявления войны, когда немцы двинулись на нашу землю? Всем было ясно, что нужно делать и что было нужно, было сделано, было достигнуто великое единение сил, и немцы были остановлены. А после великого отступления от Карпат к болотам Полесья разве не было сделано то, что казалось совершенно невозможным. Разве армия не обеспечена теперь снарядами?

Так повелевает совесть поступить и теперь, когда мы переживаем великое падение власти. Мы уже пережили ту грозу,

которую мы с таким волнением и трепетом ожидали 15 месяцев тому назад, грозу отпадения власти от жизни народной. Власть уже отделилась от жизни страны, она не стоит во главе победного духа народного. Народ ведет войну, напрягая свои силы без руководства власти. Власть бездействует, ее механизм не работает, она вся поглощена борьбой с народом. Старая государственная язва розни власти с обществом покрыла собой, как проказой, всю страну, не пощадив и чертогов царских, а страна и молит об исцелении, и страдает. Разве не сознаем мы, что над нами сбываются слова евангелия: «царство, разделившееся в самом себе, опустеет»? Разве не чувствуем мы, что великое царство наше разделилось само в себе, что разделение это проходит снизу до верху и дошло до самого сердца, до самого источника власти?

В такие минуты, г.г., нужны прежде всего самообладание и спокойствие. Нужна вера в силы России и мудрость народа. Нужна ясная цель и определенная воля к ней. Мы взывали к власти, мы указывали на пропасть, к которой они ведут царство и царя. Теперь на самом краю пропасти, когда, может быть, осталось несколько мгновений для спасения, нам остается только воззвать к самому народу, к Гос. Думе, законно представляющей весь народ русский, и мы взываем к ней. Душа народная скорбит смертельно и тоскует, как в смертных муках. Прислушайтесь к ним, поймите их, не расходитесь и найдите, не останавливаясь ни перед чем, пути спасения родины! Будем все на страже тяжко раненого властью нашего дорогого отечества и спасем его! Ибо никто уже спасти его не может, кроме самого народа. Только высокий подъем духа народного, только национальный подвиг может спасти наше погибающее отечество. Вдохнем же в него новые силы, подымем его на высоту духа, перед которой не устоят никакие препятствия, откуда бы они ни шли, на нашем последнем пути к конечной цели нашей, к победе над врагом и к спасению целости величия и чести родины! Оставьте дальнейшие попытки наладить совместную работу с настоящей властью!

Они обречены на неуспех, они только отдаляют нас от цели. Не предавайтесь иллюзиям! Отвернитесь от призраков! Власти нет, ибо в действительности правительство не имеет ее и не руководит страной. Безответственное не только перед страной и думой, но и перед самим монархом, оно преступно стремится возложить на него всю ответственность за управление, подвергая

тем страну угрозе государственного переворота. Им нужен ответственный монарх, за которым они прячутся, стране нужен монарх, охраняемый ответственным перед страной и Думой правительством. И да сбудутся слова писания: «Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главой угла»!

В результате этого совещания была принята нижеследующая резолюция:

«С небывалым одушевлением произнесла Россия свой приговор над теми людьми, которые плотным кольцом сомкнули верховную власть, внесли яд растления в недра народной совести и неустанно продолжают своей работой подтачивать корни нашей государственной крепости и мощи. Весь народ окончательно осудил всю систему управления, которая остается неизменной, несмотря на постоянную смену лиц, при которой возможно лишь правительство бессильное и бездарное, лишенное всякого единства, поглощенное заботами о своем самосохранении и окруженное всеобщим полным недоверием. Гос. Дума и Гос. Совет, земства, города, сословия объединились в чувстве великой тревоги за Россию, историческая власть которой стала у края бездны.

«Наша внутренняя разруха растет с каждым днем, и с каждым днем становится труднее организовать страну в уровень с великими требованиями, которые к ней предъявляет война. Враг истощен, но не сломлен. Он готовит новые удары против нас и наших союзников, и мы должны с своей стороны готовиться к ним, не теряя ни минуты. Пусть все помнят, что путь к победе идет через новые великие напряжения, новые испытания патриотизма и любви к России. Опасность велика и грозна. Решаются судьбы России на многие поколения. Но не должно быть среди нас слабодушного уныния!

«Наше спасение в действенном патриотизме и в живом чувстве ответственности перед родиной. Когда власть становится преградой на пути победы, ответственность за судьбы Родины должна принять на себя вся страна, начиная с ее законных представителей.

«Правительство, ставшее орудием в руках темных сил, ведет Россию по пути гибели и колеблет царский трон. Должно быть создано правительство, достойное великого народа в одну из величайших минут его истории, сильное ответственностью перед народом и народным представительством,—и только когда это совершится, самые великие трудности, стоящие перед Россией,

не окажутся для нее непреодолимыми. Пусть Государственная Дума в начатой ею решительной борьбе, памятуя о своей великой ответственности, оправдает те ожидания, с которыми к ней обращается вся страна, и пусть вся страна живет одной волей— спасти Россию. Время не терпит, истекают все сроки и отсрочки, данные нам историей».

Открытию съезда Союза Городов помешали полицейские рогатки. В день заседания съезда явился отряд полицейских, и пристав попросил собравшихся очистить зал, о чем был составлен следующий протокол:

«1916 г. декабря 9 дня я, пристав 3 уч. Тверской части подполковник Бычковский, составил сей протокол о нижеследующем: получив сведения о том, что в доме № 3 Сокол, по Кузнецкому переулку, в помещении центрального комитета общественных организаций по продовольственному делу всероссийского союза городов должен состояться запрещенный его превосходительством г. командующим войсками московского военного округа всероссийский съезд городов, в час дня прибыл в означенное помещение, где и застал около 50 человек городских голов и председателей местных комитетов, собравшихся на этот съезд, во главе с главноуполномоченным всероссийского союза городов, членом Гос. Думы М. В. Челноковым, к которому и обратился с поручением его превосходительства г. московского градоначальника очистить помещение, где должен был состояться съезд.—Член Гос. Думы М. В. Челноков заявил мне, что он прочтет г.г. городским головам и членам съезда документы, касающиеся запрещения съезда, и затем члены съезда покинут помещение; по оглашении письма г. председателя совета министров, командующего войсками московского военного округа и г. главноначальствующего города Москвы, члены съезда заявили, что они не считают возможным прекратить свои занятия, ввиду важности вопросов, подлежащих обсуждению, программа коих при сем прилагается, и заявили: «если это необходимо, примените силу», после чего в зал был введен отряд полиции, и съезд по моему требованию закрыт.

3 уч. Тверской части подполковник Бычковский.

«В дополнение сего протокола положено записать, что среди собравшихся не было, по заявлению г. члена Гос. Думы М. В.

Челнокова, никого из посторонних лиц, при чем некоторые из членов съезда, находившиеся в вестибюле, в зал собрания допущены не были по распоряжению полиции. Пристав подполковник *Бычковский*.

«На первой странице вписано: «помещение центрального комитета общественных организаций и по продовольственному делу союза городов» и зачеркнуто «просили», а надписано «заявили». Пристав подполковник *Бычковский*.

«В дополнение сего протокола положено записать, что прибывшие на съезд члены его по распоряжению полиции не допускались в подъезд. Пристав подполковник *Бычковский*.

«В дополнение сего протокола представитель г. Харькова и все собравшиеся просили занести их в протест по поводу запрещения им собраться. Пристав подполковник *Бычковский*.

«В дополнение сего протокола положено записать, что на просьбы члена Гос. Думы М. В. Челнокова и некоторых членов съезда допустить в зал заседания некоторых членов, которые остались на улице и в вестибюле, приставом было заявлено, что лица эти уже удалены. Пристав подполковник *Бычковский*. *М. В. Челноков*, главноуполномоченный всероссийского союза городов; *Михаил Федоров*, член главного комитета союза городов, председатель центрального комитета общественных организаций по продовольственному делу, член главного комитета союза городов, член Гос. Думы *Александр Коновалов*; председатель ревизионной комиссии союза городов тайный советник *Сергей Валентинович Иванов*; член главного комитета всер. союза городов *Н. Тесленко*; заместитель главного уполномоченного, гласный московский городской думы *Николай Михайлович Кишкин*; особо-уполномоченный всер. союза городов по западному фронту, член Гос. Думы *Николай Щепкин*; особо-уполномоченный всер. союза городов по юго-западному фронту, член главного комитета барон *Федор Рудольфович Штенгель*; особо-уполномоченный всер. союза городов северного фронта *Николай Всеволодович Дмитриев*.

«Во время составления сего протокола по записи его на второй странице прибыл по поручению г. московского градоначальника полицеймейстер 2 отделения Севенарт, и в присутствии моем записано все, находящееся на второй странице и до конца всего протокола. Полицеймейстер *Севенарт*.

«Во время составления протокола некоторыми из собравшихся были предложены разного рода заявления в дополнение к протоколу, и мною было предложено могущее быть заявление подать впоследствии г. главноуполномоченному всероссийского союза городов г. Челнокову. Полицеймейстер *Севенарт. М. Челноков.* Я, полицеймейстер Севенарт, прибыл в час 20 минут, и помещение было освобождено от собравшихся в 2 часа 5 мин. дня. Полиц. *Севенарт.* С подлинным верно *М. Челноков.* 1916 года 9 декабря».

Резолюция совещания представителей общественных организаций 11 декабря 1916 года.

«Запрещение и разгон съездов заставляют нас, представителей общественных организаций всех классов населения, съехавшихся на продовольственное совещание, выразить свое возмущение и решительный протест против привычной политики старой власти, распыляющей и дезорганизующей страну в момент, требующий от народа крайнего напряжения и объединения всех его сил.

«Отечество в опасности. Продовольственная разруха растет с каждым днем. Легкомысленные, никаким общественным планом не связанные действия бездарной власти делают этот кризис все более и более страшным. Призрак голода грозит армии и народу. Правительство, давшее Сухомлиновых, Мясоедовых и Штюрмеров, с самого начала войны мешало армии исполнить ее трудную задачу. Миллионами жизней и пятнадцатью занятыми губерниями заплатила страна за ошибки и преступления власти. Русское общество с самого начала войны, забыв все прежние прегрешения власти, отдало свои силы на совместную с правительством борьбу против внешнего врага. Но безответственная власть, в стремлении спасти свои отжившие привилегии и прерогативы, став игрушкой в руках кучки темных проходимцев, продолжала и продолжает вести в тылу предательскую борьбу с обществом и народом. Этой бессовестной и преступной власти, дезорганизовавшей страну и обессилившей армию, народ не может доверить ни продолжение войны, ни заключение мира.

«В роковые дни, решающие судьбы родины, должно быть покончено с политической системой, приведшей страну на край гибели. Час настал. Неотложной задачей момента становится объединение всех слоев и классов населения в крепко спаянную

организацию, способную вынести страну из мертвого тупика. Опираясь на организующийся народ, Гос. Дума должна неуклонно и мужественно довести начатое великое дело борьбы с нынешним политическим режимом до конца. Ни компромиссов, ни уступок!

«Наше последнее слово к армии. Пусть знает армия, офицеры и солдаты, что правительство, разрушая и распыляя живые силы страны, наносит непоправимый удар общему делу. Пусть знает армия, что вся страна готова сплотиться для того, чтобы вывести Россию из переживаемого ею гибельного кризиса».

В принятии резолюции участвовали представители союза земств, союза городов, военно-промышленных комитетов, московского биржевого комитета, хлебной биржи, кооперативов. Впоследствии к резолюции присоединились еще 23 представителя от «рабочих» групп военно-промышленных комитетов, больничных касс, кооперативов, профессиональных союзов, оговоривших свое несогласие с резолюцией в вопросе о войне. «Рабочих представительств» было от Питера 9 человек (трое от больничных касс, трое от кооперации, трое от военно-промышленных комитетов), от Москвы по двое от кооперации, больничных касс, профсоюзов, военно-пром. комитетов. Остальные представители от провинциальных организаций. Все эти делегаты были представители социал-патриотических групп, имевшие слабое влияние на рабочие массы обеих столиц и других промышленных центров.

Речи вождей российского куцого либерализма получили весьма широкое распространение. Одновременно с этим по рукам интеллигенции ходил следующий анонимный листок, по характеру своему того же либерального происхождения:

«Способствуйте наибольшему распространению. Русские люди! Отечество в опасности! Этот тревожный клич, как звон набата, раздался по всей земле русской. Как бывало всегда в грозные моменты нашей истории, из Москвы прозвучал мощный голос. Он будит совесть народа и зовет всех граждан России к объединению на лозунгах: Победить во что бы то ни стало! Дать стране правительство из лучших вождей общественности, которому бы она верила в полной мере, правительство единое духом и целями и ответственное перед народом!

«Положить безусловный конец тем темным влияниям, которыми жило и живет нынешнее правительство, и тем избавить армию, защитницу России, от новых миллионов бесплодных жертв!

«Русские люди! Встанем же под этим знаменем, поднятым вождями России и сплотившим вокруг себя лучших сынов ее! Будем стремиться, каждый в полную меру своих сил, к скорейшему осуществлению начертанных на знамени целей, кто бы ни встал преградой на нашем пути. Во имя победы, во имя светлого будущего великой, свободной России мы зовем всех русских людей к объединению на этих лозунгах, для борьбы с нынешним правительством. В смертный час, когда решается судьба родины, пойдем за Москвой, и будем готовы исполнить наш крайний долг!

Группа объединившихся граждан Петрограда».

3. Петербургского Междурайонного Комитета.

Социал-демократическая организация, известная в Питере под сокращенной кличкой «межрайонки», объединяла так называемых «нефракционных» социал-демократов, «бежавших», с одной стороны, от меньшевистского ликвидаторства, мелочей и интриг, и от «сектантства большевиков». В весьма неглубоких недрах «межрайонки» находили успокоение довоенные плехановцы и троцкисты. С самого начала войны эта организация заняла интернационалистическую позицию. С Петербургским Комитетом во время войны она поддерживала связь, но работала сепаратно, не желая «растворяться» в нашей массовой организации. Первое время у них были некоторые возражения на счет нашего «пораженчества», но война и связанная с ней царская политика научила «межрайонцев», и к концу шестнадцатого года они приняли все лозунги наши, начиная от гражданской войны и кончая Третьим Интернационалом. В эти осенние месяцы борьбы «Межрайонный Комитет» выпустил два печатные листка—один к рабочим и другой к солдатам следующего характера:

«Товарищи рабочие! Уже минуло два года со дня начала великой международной войны, с того дня, когда алчущие наживы европейская буржуазия и российский абсолютизм бросили десятки миллионов в объятия бога войны. Два года льется невинная кровь. Два года немолчно грохочут пушки, посылая смерть и страдания рабочим и крестьянам, томящимся в окопах и траншеях. Разорены и поруганы Сербия, Польша, Бельгия, Галиция. Обездолены десятки миллионов людей. В безвестных могилах покоятся миллионы немецких, русских, французских, английских, бель-

гийских и т. д. крестьян и рабочих. Сотни тысяч молодых, полных сил людей обратились в инвалидов. Безрукие, безногие, слепые бродят они по неприветливым улицам городов, прося подаяния. Эти страдальцы наши братья-рабочие. С протянутой за подаянием рукой ходят труженики, а паразиты-буржуа и дворяне грабят, развратничают и кутят... Для них война—пир во время чумы. Сотни миллионов людей сгибаются под гнетом все новых и новых налогов, под гнетом все растущей дороговизны. Грубой военщиной поруганы все законы, задушена свободная мысль. Все для победы—лозунг правительств всех воюющих стран.

«Товарищи! Кому и зачем нужна победа? Кто взлелеял националистический шовинизм? Кто под флагом защиты отечества предает огню и мечу соседние страны? Кто разбойничал в колониях, высасывая все соки из дикарей туземцев? Кто продавал их в рабство? Кто поставил все народы перед пропастью мировой войны? Не мы, не рабочие, не социалисты, а буржуазия. Мы боролись против войны, они же звали к войне. И когда лицемеры и фарисеи, продажные души, кричали «все для победы», это значит «все для буржуазии и дворян».

«Международным бандитам война нужна была для сведения своих личных счетов. Правительства воюющих стран—волки, готовые перегрызть друг другу горло из-за лишних возможностей грабежа и наживы. «Прекрасная» Франция, «культурная» Германия, «героическая» Бельгия, «свободолюбивая» Англия и самодержавная Россия стоят друг друга.

«Кто же из воюющих повинен в преступной войне? Слуги царского самодержавия — реакционеры и холопствующие либералы винят во всем Германию, немцы винят Англию и Россию. Кто прав? Мы отвечаем: все виноваты. Все правительства готовились к войне, стремясь обогнать одно другое в деле постройки дредноутов, крейсеров, подводных лодок и т. д. На один германский дредноут Англия строила два. Россия, оказавшаяся менее всех подготовленной к войне, тратила больше всех. Военный бюджет Германии уступал по чудовищности размеров как русскому, так и английскому. Не потому мы отстали от Германии, что были миролюбцами, а потому, что на Руси творилось и творится неслыханное казнокрадство. Пора отбросить жалкие фразы об «исконном миролюбии царя-батюшки». Война была неизбежна, и все это знали. Пора сорвать маску с мнимых защитников культуры. «Все для борьбы над германским милитаризмом» во имя процве-

тания английского, французского и российского, — вот смысл патриотических бредней наших либералов.

«Но что же сделал пролетариат воюющих стран для того, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу? Что сделал Второй Интернационал? Будем мужественны. Скажем прямо и честно: Интернационал оказался бессильным предотвратить мировую бойню. Шовинистический угар одурманил пролетариев Германии, Австрии, Франции, России и Англии. Звериный национализм восторжествовал. Великие заветы международной социал-демократии были поруганы. Грубым солдатским сапогом раздавлено пролетарское единство. Мало того, не найдя в себе сил бороться против войны, большинство социалистов воюющих стран нашло нужным стать на защиту отечества. «Мы обороняемся», говорят эти социалисты. Но кто же нападает, если все обороняются? Как решить, где кончается оборона и начинается наступление? Сдав свои классовые позиции шовинистической, воинствующей буржуазии, подменив классовую борьбу национальной, пролетариат воюющих стран радует сердце буржуазии.

«Но российский пролетариат в своем большинстве отказался от сотрудничества с классовыми врагами. Российская социал-демократия протестовала и протестует против творящихся ужасов. И не ее вина в том, что уже два года брат убивает брата. Много пережила за эти кошмарные годы Россия и с нею пролетариат. С высоты престола в начале войны раздался призыв коронованного убийцы к единству для победы. Самодержавию нужно было это единство, но, зовя к нему, оно не подумало изменить своей преступной внутренней политики. Мало того, были арестованы и заключены в тюрьмы и потом сосланы в Сибирь социал-демократические депутаты. Были закрыты все рабочие союзы. Не дали развиться рабочей печати, задушенной еще до войны. «Все для победы»,—жизнь, достояние, свобода. Все, все!.. Зовя к «единству», самодержавие хотело брать, ничего не давая. Национальный гнет не был ослаблен. Военная цензура свирепствовала. Аресты, ссылки и военные суды делали свое дело. Рабочих расстреливали за требование улучшения быта. Расстреливали для победы. Вспомните Кострому, Иваново-Вознесенск и Горловку.

«Российский либерализм холопствовал. Не слышно было даже робкого голоса оппозиции. «На Шипке все спокойно». Но грянул гром галицийской катастрофы, вскрылись язвы самодержавного строя, вскрылась преступная «сухомлиновщина», — и оппозиция

воскресла к жизни. Германская шрапнель выкопала прогрессивный блок. Зашумели витии на съездах и совещаниях. Был выброшен лозунг обновления. Били фонтаны либерального красноречия, но молчал пролетариат, молчало крестьянство.

«И пинком ноги ответило самодержавие на явные заигрывания и скрытые угрозы российских либералов. Остановилось немецкое наступление, и самодержавие почуяло под собой почву. Взяв «твердый курс», оно вело и ведет страну к разорению. Стонут рабочие и крестьяне от дороговизны, ликуют мародеры, купцы, фабриканты и заводчики. Перед лицом творящихся ужасов социал-демократия подымала и подымает голос протеста против хозяйничания безответственной шайки врагов народа. Но нашлись и среди рабочих малодушные. Нашлись люди в лице Гвоздевых, Емельяновых, Абросимовых и К°, для которых интересы отечества оказались выше интересов международного пролетариата. Вдохновляемые Плехановым и его подголосками, наши оборонцы пошли на поводу у либеральной буржуазии и царского самодержавия. По своей близорукости они приняли спасение самодержавия за спасение «отечества» и звали в военно-промышленные комитеты. Они не постеснялись призывать к стачечному воздержанию. Путь оборонцев—путь рабочего либерализма, и революционной социал-демократии с ними не по пути.

«И в третий год мировой войны, мы, как и в первый ее день, ставим своим лозунгом борьбу за мир, за демократическую республику.

«Мы знаем, что возродится Интернационал—международное братство рабочих. Социалистические конференции в Циммервальде Кинтале, стачки в России, Англии, демонстрации в Германии кладут незыблемую основу нового Интернационала. Лозунгу правительства и либералов—«все для победы» мы противопоставляем лозунг гражданской войны, вооруженного восстания. Страданиям народа, задыхающегося под бременем налогов и военной диктатуры, должен быть положен конец. Царское самодержавие никого не обманет воплями о «единстве». Пусть Гвоздевы идут на удочку «единства». Мы тоже зовем к единству, но к единству рабочих, единству революционных элементов с.-д. Мы зовем вас, товарищи, к борьбе за единство партии. Перед российской с.-д. стоят великие задачи, но нет единой воли с.-д., нет общих решений, нет авторитетного Ц. К., а есть жалкое сектантство, стремление

подменить партию своими кружками. Пора покончить с разрухой, пора сплотиться в мощное целое.

«Мы, объединенные с.-д., большевики и меньшевики, на очередь дня ставим вопрос о созыве всероссийской конференции, участие в которой должны принять все революционные с.-д. Товарищи! Устраивайте митинги, протесты против войны, устраивайте сборы на нелегальную печать и репрессивных. Идите в организации! Пусть пролетариат объявит мобилизацию своих сил, пусть из миллионов рабочих грудей вырвется могучий клич:

«Долой войну! Долой самодержавие! Да здравствует гражданская война! Да здравствует Российская Революция! Да здравствует Международное братство рабочих! Да здравствует третий Интернационал! Да здравствует Единая Российская С.-Д. Рабочая Партия! Да здравствует социализм!

Петербургский Междурайонный Комитет».

Октябрь.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

«Товарищи солдаты! Из душных заводов, фабрик и мастерских, под визг приводных ремней, под грохот машин и станков, шлем мы вам свой горячий братский привет. К вам, в мрачные казармы, в обледенелые, занесенные зимней вьюгой окопы обращаются наши взоры. Вам, миллионы крестьян и рабочих, протягиваем мы свои мускулистые руки. Измученные невзгодами братья! Услышьте наш пролетарский голос—голос гнева к убийцам и любви к народу! Третий год вы платите своей кровью за преступление царского самодержавия. Третий год посылаете смерть и страдание таким же рабочим, как и вы. Голодные, оборванные, без сапог, в лаптях, промокшие до костей в осенние непогоды, окоченелые от холода в лютые зимы, вы льете свою кровь за интересы помещиков, чиновников, попов и фабрикантов. Чьи тела висят на германских заграждениях, чьи тела разрываются осколками снарядов, кто вдыхает смертоносные газы, кого, как спелую рожь, косят пулеметы германцев? Кого взрывают на фугасах, чью грудь пронзает холодная сталь штыков и кто мрет десятками, сотнями тысяч от тифа, дизентерии, цынги? Кто? Не помещики, не купцы, не попы, не сановные воры, а все наш же брат-труженик, мужик да ра-

бочий. Братья! Вы льете свою кровь, они льют вина, вы голодаете и стонете от мук, они объедаются, распутничают. Вы «защитники отечества», вы, принесшие в жертву правителям миллионы жизней, страдальцы,—вы лишены всех человеческих прав, вы превращены в безответных рабов. Вас гонят из чайных, за вами охотятся в трамваях и поездах, вас за малейшую оплошность подвергают позорнейшей каре. Бесконечно больно и стыдно сказать, но это так: вас секут розгами, вас расстреливают. Где же ты, гордость народная? Беспредельно долготерпенье солдатское.

«Братья, что сделало самодержавие для вас и для ваших детей и жен? Чем обеспечило оно их? Что дало взамен ушедших на бойню кормильцев и поильцев? Нищенский паек—вся царская ласка. Вас угнетают «отцы командиры», взводные и дядьки; ваших жен грабят мародеры-купцы и царские опричники; ваши жены мерзнут у мясных и прочих лавок, ваши дети голодают, дороговизна растет с каждым днем, растут налоги; растет народное горе, льются незримые слезы людские; нет семьи, где бы не было убитого или раненого, сотни тысяч калек обречены на нищету. Без рук и без ног бродят жертвы войны по лицу земли русской.

«Что же делать, братья? Где же конец невзгод народных? Набор идет за набором. На убой уходят все новые и новые миллионы тружеников; опустели деревни; остались в них лишь бабы да старики, да малые ребята. Чисто метет царская метла! Братья, не приспело ли время смести с лица земли русской всю погань дворянскую да поповскую? Приспело. Давно приспело. К чему приведет война, что даст она народу? Победим ли мы, или нас победят,—за все расплатятся мужики и рабочие. Царь и его шайка ведут Русь к нищете и позору; пусть не сулят они нам немецкие земли, мы не заримся на них, с нас хватит помещичьих, казенных и монастырских. Велика и обильна земля русская, всего вдосталь было бы народу; да, цепки дворянские и поповские лапы, ненасытны утробы господские. Братья, вы, в чьей власти судьба Руси, вы, чьими штыками держится насилие,—услышьте наш призыв—призыв к борьбе с вековым врагом народа—царским самодержавием,—к борьбе за мир, за землю, за свободу, за братство народов! Наши враги—не немецкие крестьяне и рабочие, а хищные правители всех стран. Пусть самодержавие и его союзники отвергают немецкое предложение о мирных переговорах; пусть они, страшась внутреннего врага, решают вести вашими руками даль-

нейшую борьбу с «врагом внешним»—вы, братья, должны сами решить свою судьбу. Близится час народного гнева, час, когда рабочий люд выйдет на улицу, когда зареют красные знамена. Близится година народного восстания. Переполняется чаша терпения рабочих и крестьян; не сдержат нас ни тюрьмы, ни эшафоты, и пусть самодержавие душит народ, как никогда; пусть борцами за свободу переполнены тюрьмы и тундры Сибири; пусть поругано все честное, пусть! Гибель самодержавия неизбежна, неизбежно народное восстание. Братья! когда мы вступим в последний смертный бой с врагом, царь позовет вас к себе на помощь. Вам прикажут сомкнуть штыки против народа, вам скомандуют «пли»!

«Что сделаете вы, братья, солдаты? Обагрите ли вы свои руки рабочею кровью? Нет! И нет! Вы не совершите каинова дела! Но вы и не бросите оружия, вы направите его против царского самодержавия! С треском рухнет трон самодержца, кончится насилие, всю землю получат крестьяне и свободу рабочие. Прекратятся войны; мир воцарится на земле, ибо враждовали и враждуют всегда правители, а не народы. Товарищи солдаты! Только мы, рабочие да крестьяне, ваши друзья до конца. Ни от Думы, ни от либералов нельзя ждать народу свободы и земли. Братья солдаты, готовьтесь же к борьбе с царем и его опричниной, читайте наши рабочие листки, устраивайте собрания, устраивайте свои солдатские организации, ищите связи с рабочими, будите деревню, ощетиньтесь миллионами штыков против самодержавия, и пусть из наших и ваших грудей вырвется единый, могучий, как раскаты грома, клич: Долой войну! Да здравствует единение между армией и народом! Долой самодержавие! Да здравствует Революция! Земля крестьянам! Да здравствует демократическая Республика! Да здравствует великое братство народов!

Петроградский Междурайонный Комитет».

4. О деятельности социалистов-революционеров, трудовиков, военно-промышленных социалистов и фракции Чхеидзе.

О работе социалистов-революционеров за время войны много говорить не приходится. Ни в одном из промышленных центров эта партия сильных организаций не имела, а иногда и просто не была известна. В Петербурге были отдельные работники по заводам, и, как всегда, центром их работы была учащаяся молодежь и интеллигенция. Литературы их было мало. Их богатое заграничн-

ное издательство не могло наладить транспорта. В Петербурге осенью 1916 года работал старый подпольник с.-р. Александрович, и мне иногда приходилось уделять ему единичные экземпляры эс-эровской литературы левого направления, которую наш аппарат получал вместе со своей для информационных нужд.

Между эс-эровскими «низами» и «верхами» в России существовал полный идейный разрыв. Александрович весьма резко отзывался об эс-эре Керенском и трудовой группе, не считал их не только за социалистов, но даже отказывался признать за ними революционеров. Однако, при всем отрицании, Александрович как будто пользовался ими же для работы в организации. Разногласия, которые разрывали их на несколько частей, они считали «своим семейным делом», и левая часть в России нигде не отгородилась от своих правых верхов.

Левая часть питерских эс-эров старалась быть в контакте с нашей партией, но, принимая во внимание, что она в эту эпоху не представляла из себя какой-либо силы, этот контакт был просто «информационным». Никаких предположений об общих выступлениях нами не обсуждалось.

Все народнические и меньшевистские руководящие круги Питера и Москвы шли в своей деятельности довольно согласованно. В противовес буржуазному, черно-желтому «прогрессивному блоку» народники и меньшевики пытались выявить блок «революционной демократии». Однако за время войны думские вожди так называемой «революционной демократии», в лице наиболее ярких фигур—Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенского, так погрязли в патриотическом болоте, так запутались, что совершенно оторвались даже от своих собственных низов, не говоря уже о более широкой, пролетарской массе, выступавшей в ту же осень под антивоенными лозунгами.

Думские представители народников и меньшевиков тащились за либералами по всем основным вопросам внутренней и внешней политики. По этому пути они пошли так далеко, что оставили без ответа империалистские вожделения прогрессивного блока, отделываясь лишь общими фразами о том, что они вообще «были против войны».

В эти недели «общественных тревог» я виделся с Чхеидзе, Керенским, Скобелевым. Много говорили о положении дел; но все их внимание было поглощено перспективами парламентской борьбы. Правда, за это время они решили выступать более энер-

гично и, в частности, по вопросам мира. Но как только они вышли за пределы желанного прогрессивному блоку, их тотчас же подавили голосами думских «прогрессистов».

Сделанное германским правительством мирное предложение вызвало демонстративное отрицательное отношение и Гос. Думы и царского правительства. Против подобного отношения к вопросу о мире выступили трудовики, с.-д. фракция Чхеидзе со следующими заявлениями, которые им даже не дали прочесть:

Заявление с.-д. фракции (Чхеидзе), недопущенное к оглашению в Государственной Думе, 2 декабря 1916 года.

«Человечество стонет от ужасов войны. Народы, непосредственно вовлеченные во взаимное истребление, залиты потоками крови и изнемогают от бремени войны.

«Все народы жаждут скорейшего мира.

«Языком мира вынужденно пытаются заговорить носители завоевательных стремлений одной из коалиции борющихся за мировое господство.

«Ко дню мира народы Европы действительно приближает лишь активная воля их трудящихся масс, все больше освобождающихся от шовинистического угара, созданного господствующими классами и их правительствами.

«В момент столь исключительной ответственности должен, наконец, раздаться единый голос международного пролетариата.

«Необходимо, чтобы перед лицом всех народов действительные вдохновители и руководители войны сказали открыто и определенно: какие цели руководят ими, ради чего нужны им новые миллионы человеческих жизней, новые жертвы.

«От вас, берущих на себя ответственность за эти новые жертвы народов, населяющих Россию, мы требуем не укрываться за громкие фразы морального негодования и защиты культурных ценностей, но ясно формулировать условия, на которых вы считаете для себя возможным немедленное прекращение войны.

«Сознание необходимости скорейшей ликвидации войны в интересах трудящихся масс России ставит повелительнее, чем когда-либо, перед ними неотложную задачу: раскрепощение страны, решительную борьбу с режимом и правительством, его олицетворяющим».

Заявление трудовой группы, насилием большинства недопущенное к оглашению в Гос. Думе 2 декабря 1916 г.

«Державы четверного союза—Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция—предлагают немедленно приступить к переговорам о мире. Трудовая группа считает таковое предложение, последовавшее после двух с половиной лет кровопролитнейшей в истории мира войны, событием огромной важности,—событием, которое исключает возможность отказа от переговоров о мире без предварительного, подробного ознакомления с существом предложения и без всестороннего обсуждения его страной.

«Оставаясь при неоднократно высказанном убеждении, что демократия России—крестьяне и рабочие—никогда не хотела войны, что ближайшей задачей трудящихся классов всех воюющих стран является единение для совместной борьбы за скорейшее восстановление мирного сожительства воюющих народов и что во имя интересов народных масс правительства всех воюющих государств должны отказаться от всяких завоевательных задач в этой войне,—трудовая группа в настоящий момент полагает долгом своим заявить следующее:

«Совершенно недопустимо, чтобы настоящему правительству, являющемуся по признанию всей страны величайшей угрозой самому существованию государства, была предоставлена возможность по собственному усмотрению дать ответ на предложение о переговорах о мире. Ответ державам четверного союза от имени России должен последовать лишь по обсуждению означенного предложения в Гос. Думе, которая в своем решении должна опереться на действительное и свободно высказанное мнение всей страны, в особенности ее трудящихся классов. Поэтому мы требуем, чтобы немедленно, сейчас же всем гражданам России было предоставлено право—в печати, собраниях и союзах—свободно обсудить как все социальные и политические вопросы, связанные с войной, так, в особенности, условия возможного мира.

«Против всякого заявления по поводу предложения о переговорах о мире со стороны правительства или думского большинства, сделанного без соблюдения этих условий, мы протестуем и пред лицом демократии всей Европы заявляем, что при настоящих условиях действительное мнение трудящихся классов России не высказано».

Большинство Гос. Думы, после замены Штюрмера Треповым, явно шло на сделку с правительством, считая дальнейшую оппозицию излишней. В глазах царского двора и правых элементов Гос. Дума была «скомпрометирована» левыми элементами. Поэтому для полноты единения требовалось «отмежевание» слева. Этого прогрессивному блоку и удалось достигнуть путем исключения народников и социал-демократов меньшевиков из Гос. Думы на несколько заседаний. Подобное отношение государственного блока несколько охладило пыл буржуазных подголосков в их деле «организации движения вокруг Думы».

Съезды общественных организаций и военно-промышленных комитетов меньшевики и народники использовали для своих всероссийских совещаний. В Москве 13—15 декабря состоялось особое совещание рабочих делегаций «областных военно-промышленных комитетов», на котором была обсуждена и принята следующая резолюция:

Резолюция рабочей делегации совещания областных военно-промышленных комитетов 13—15 декабря 1916 г.

Присутствовали: представители рабочих групп: Петрограда—15, Москвы—3, Киева—1, Уфы—1, Перми—2, Екатеринбурга — 1, Самары—1, Армавира—1, Казани—1, Омска—2, Царицына—1, Баку—2. Представитель киевских профессиональных союзов, представитель киевского кооператива «Жизнь», представитель харьковских профессиональных союзов, представитель харьковской еврейской рабочей столовой. Следующие лица: члены с.-д. фракции Гос. Думы, организованные рабочие крупнейших заводов Петрограда (15 чел.) и др.

I. Задачи рабочего класса в отношении к войне и миру.

Рабочий класс, являясь решительным противником войны, принимал все меры для ее предотвращения. Когда же, несмотря на его усилия, империалистическим правительствам удалось вызвать народы на мировую бойню, перед рабочим классом всех стран встала задача скорейшей ликвидации войны.

Вступив год тому назад в военно-промышленные комитеты и приняв во внимание угрожающую России опасность внешнего по-

давления, рабочие группы усмотрели свою задачу в защите страны, как в одном из важнейших способов, ведущих к ликвидации войны на приемлемых для демократии условиях. В настоящее время нота центральных держав с предложениями мирных переговоров и последовавшее за нею мирное предложение нейтральных государств практически поставили перед народами вопрос о ликвидации войны. Считая необходимым всеми путями добиваться разрешения поставленных войною перед рабочим классом международных задач, рабочая делегация полагает, что вступление безответственных дипломатий на путь мирных переговоров должно быть использовано для ускорения ликвидации войны в интересах международного пролетариата.

Международный пролетариат должен активно вмешаться в происходящий за его спиной торг свободою и достоянием народов; он должен добиваться гласности и контроля над действиями дипломатии и бороться за заключение мира без насильственных аннексий и контрибуций, явных или скрытых. Программа же мира, способы солидарной ликвидации войны и борьба с ее тяжелыми последствиями должны быть выработаны съездом представителей организованных рабочих всех стран, созыв которого является не терпящей отлагательств задачей рабочего класса.

Положение русского пролетариата, стоящего перед опасностью разгрома страны, является крайне сложным, вследствие необходимости совмещать в деле осуществления своих международных задач борьбу с завоевательными стремлениями имущих классов с борьбой за уничтожение политического режима, приведшего страну к катастрофе. Вмешательство русской демократии в дело скорейшей ликвидации войны требует от нее борьбы против завоевательных стремлений правительства и буржуазии, и очередная задача его в данный момент состоит в том, чтобы добиться от них определенного заявления о целях войны и условиях мира.

В частности, рабочая делегация решительно протестует против безответственного акта Гос. Думы, выразившегося в отвержении без обсуждения германской ноты, которая, независимо от завоевательных стремлений германского правительства, поставила на очередь перед самими народами вопрос о мире и его условиях. Чем настоятельнее для демократии борьба за участие в ликвидации войны и за влияние ее на программу и условия будущего мира, тем острее становится перед русской демократией неотложная борьба с политическим режимом.

Политический режим, построенный на господстве бюрократическо-дворянских элементов, издавна ведущий беспощадную борьбу с народом, не сумевший во время войны выполнить задачи элементарной обороны и приведший страну на край гибели, стоит и будет стоять величайшим препятствием на пути ликвидации войны на приемлемых для международной демократии условиях. Политическое раскрепощение страны, коренная демократизация ее сверху донизу является неизбежной предпосылкой самого участия и влияния русского рабочего класса в решении поставленных мировой войной перед международным пролетариатом задач.

II. Политические задачи рабочего класса.

В два с половиной года военные политики русского правительства привели страну к катастрофе. Случилось то, что предвидели и на что указывали представители рабочей демократии. Прогнивший снизу доверху приказный строй оказался не в силах выдержать того испытания, каким явилась война для вовлеченных в нее народов. Невежество, бездарность и продажность слуг старого режима подвергли страну ужасам военных поражений и полному расстройству хозяйственной жизни, вылившемуся в форму жесточайшего продовольственного кризиса, который ставит нашу страну с ее богатыми продовольственными рессурсами перед призраком голода.

Но неспособный справиться с задачами, поставленными войной, старый режим сумел, однако, использовать ее для усиленной борьбы с народом, для дальнейшего закрепощения народных масс, для дальнейшего усиления гонений и гнета над населяющими Россию народами. Вся цензовая Россия, представленная в городском и земском союзах и военно-промышленных комитетах, вступила на путь борьбы со старым режимом. И даже большинство третьеиюньской Гос. Думы своим преступным молчанием в течение всего первого года и нерешительностью, проявленной в течение второго года войны, покрывавшее грехи старой власти, в настоящее время вынуждено отмежевать себя от этой власти и выступить на путь борьбы с нею. Создалось положение, при котором вокруг старого режима осталась лишь кучка холопов, при котором даже его до сих пор верные слуги в лице объединенного дворянства и их представители в Гос. Совете считают нужным обращаться по адресу власти с тревожным предостережением.

В этих условиях задачей рабочего класса в стране и его представителей в Гос. Думе является: с еще большей решительностью и энергией продолжить свою борьбу за раскрепощение страны и, вмешавшись путем массовых политических действий в конфликт умеренных элементов общества с властью, придать этой борьбе необходимую определенность, размах и силу. Не борьба с отдельными прислужниками власти, ведущими страну к гибели, и не борьба с отдельными проявлениями режима, а бесповоротное устранение его и полная демократизация страны—вот очередная задача, которую должен выдвинуть в настоящий момент рабочий класс России в противовес робкой и туманной формуле борьбы с темными силами.

Рабочий класс не отказывается в процессе этой борьбы от политических лозунгов, под которыми он шел к полному раскрепощению России одиннадцать лет тому назад; но очередной своей задачей, не терпящей отлагательств, он считает решительное устранение нынешнего режима и создание на его месте временного правительства, опирающегося на организующийся самостоятельный и свободный народ.

Скорейшее осуществление этой задачи является тем более необходимым, что правительственный режим, обнаруживший полное банкротство в элементарной обороне страны, является теперь, когда перед демократией становится вопрос об ее участии в ликвидации войны, непреодолимой преградой к миру, соответствующему интересам демократии. В этот момент более чем когда бы то ни было необходимо, чтобы во главе страны стояла власть, способная считаться с действительными интересами народа и готовая прислушиваться к голосу демократии.

К организованному и планомерному участию в решительной борьбе со старым режимом настоящее тяжелое положение страны обязывает весь рабочий класс России и всю городскую и крестьянскую демократию. От Гос. Думы мы требуем отказа от ее нерешительной и половинчатой политики по отношению к власти. Или Дума пойдет навстречу назревшим требованиям момента и превратится в центр общенационального движения, или народ перешагнет через нее по пути к своему раскрепощению. К этой борьбе народа не останутся равнодушны и миллионы солдат, умирающих в окопах, кровью которых оплачиваются бесконечные преступления русского правительства.

III. Ближайшие шаги политической самодеятельности рабочих.

В интересах мобилизации рабочих масс в России рабочая делегация признает необходимым:

1) Собирание вокруг рабочих групп возможно более широких кругов рабочего населения и установление тесной связи между этими группами и всеми рабочими организациями. 2) Возможно более полное участие рабочих в общественных съездах и совещаниях с целью самоорганизации и вовлечения буржуазно-демократических элементов в дело последовательной и коренной демократизации страны. 3) Выдвинуть идею рабочего съезда и приступить к ее практическому осуществлению. 4) Оказывать максимальную поддержку существующим органам рабочей печати и поднять движение за создание ежедневной рабочей газеты.

IV. Резолюция, принятая Съездом представителей Областных Военно-Промышленных Комитетов в заседании 14 декабря 1916 года.

Безответственное правительство, вдохновляемое и направляемое темными силами, ведет страну к гибели. К общему единодушному осуждению правительства и его политики присоединились Государственный Совет и даже объединенное дворянство. Но власть осталась глуха к голосу народа и законодательных палат.

Власть ответила разгоном Всероссийского Совещания по продовольствию и Съездов представителей земских и городских организаций, творящих дело помощи больным и раненым воинам и снабжения армии. Продолжая упорную борьбу с различными классами страны, с отдельными населяющими ее народностями, она беспощадно искореняет остатки рабочих организаций.

Спасения страны от окончательной разрухи можно ожидать только от объединения всех живых ее сил с широким участием демократии в созидательной работе.

Лишь ответственное правительство в единении с народом и с его помощью может вывести страну из тупика, в который она заведена старым режимом.

Съезд представителей Областных Военно-Промышленных Комитетов призывает Государственную Думу вместе с народом довести до конца свою борьбу за создание ответственного Правитель-

ства и за уничтожение условий, благоприятствующих пагубному вмешательству безответственных сил в дело управления страною и ее судьбами в тылу и на фронте.

Ко всем общественным организациям, объединившим свои силы в работе на обслуживание армии и тыла, обращает Съезд свой призыв не терять бодрости и напрячь все свои силы в общей борьбе за честь и свободу страны.

К нашей армии, героически переносящей все невзгоды войны, обращает Съезд Представителей Областных Военно-Промышленных Комитетов свой горячий привет, выражая уверенность, что в единении усилий страны и армии лежит залог и победы над общим врагом, и скорейшего водворения в России требуемого всем народом измененного политического строя.

V. Продовольственный кризис и задачи рабочего класса.

Основные положения.

1. Дезорганизация хозяйственной жизни России, вызванная мировой войной и неспособностью капиталистического общества справиться с необходимым упорядочением народного хозяйства и обостренная у нас исключительной бездарностью и своекорыстием государственной власти, достигла в настоящее время исключительных размеров.

2. Не прекращающиеся, от месяца к месяцу увеличивающиеся выпуски бумажных денег, являющиеся наиболее легким и замаскированным способом обложения неимущих масс населения и потому служащие у нас главным источником покрытия военных расходов, вызвали обесценение денег и необычайное повышение цен на все товары.

3. Отлив огромной массы рабочих рук от производительных занятий на фронт и приспособление многих отраслей хозяйственной жизни к исключительному обслуживанию нужд войны, т.-е. истреблению значительной доли накопляемого народного хозяйства, вызвали сокращение продуктов народного труда и расстройство всего народно-хозяйственного механизма.

4. Это расстройство чрезвычайно усилилось у нас вследствие недостаточного развития производительных сил, слабого развития транспорта и низкого уровня потребления народных масс.

5. Господствовавший и до войны в современном капиталистическом хозяйстве анархический характер производства и обмена и свойственная этому хозяйству и в мирное время дезорганизация, основанная на господстве частно-хозяйственного начала, свободной игры экономических сил и свободного проявления закона спроса и предложения, с особенной силой проявились во время войны, нарушившей обычные условия хозяйственной жизни. Они создали благоприятные условия для уродливого обострения всегда присущих капиталистическим классам монополистических стремлений в хозяйственной жизни. Спекуляция и ни с чем не считающаяся погоня за наживой, проникающие собой все современное капиталистическое общество, приобревшие благоприятную почву и получившие сильные импульсы от общей дезорганизации хозяйственной жизни и расстройства денежного обращения, проявились теперь во всей силе и оказали свое влияние на еще больший рост цен на все продукты.

6. Опираясь на свою силу, капиталистические классы используют расстройство хозяйственного оборота в стране для своего обогащения и для перенесения всего бремени военных расходов на плечи трудящихся масс.

7. Наводнение страны бумажными деньгами, вызываемое своекорыстной политикой капиталистических классов, обострение дороговизны и нередко искусственный недостаток продуктов первой необходимости и передаваемые казной в качестве военных расходов огромные суммы всякого рода предпринимателям, поставщикам, посредникам и т. п. создают такое перераспределение народного дохода, при котором народные массы нищают и разоряются, реальная заработная плата понижается, а в руках капиталистических классов сосредоточиваются новые огромные богатства.

8. Служащая интересам господствующих классов, всегда предающая и продающая интересы государства власть финансовой и экономической политикой во время войны поддерживает и ускоряет дезорганизацию хозяйственной жизни.

9. Бессистемные действия власти, ее постоянные колебания, полная неспособность, незнание и неумение справиться с продовольственным кризисом, являющимся лишь наиболее острым проявлением общей хозяйственной разрухи, привели к нынешнему состоянию, таящему в себе полное разорение страны и демонализацию всей общественной жизни.

Резолюция.

Рабочая делегация считает, что единственными условиями смягчения вызванной войной хозяйственной разрухи являются:

1. Подчинение стихийных процессов хозяйственной жизни, основанных на неограниченном господстве частно-хозяйственных интересов, сознательному, планомерному, организованному руководству. Организация народного хозяйства должна быть построена на планомерном регулировании производства, обмена, потребления и распределения.

2. Этой задаче должны служить согласованные между собою твердые цены на местах производства, таксы на потребительских рынках, разрешительная система плановых перевозок, карточная система распределения, принудительное синдицирование необходимых отраслей производства с участием в этом синдицировании государства, принудительная обработка необрабатываемых земель на общественный или государственный счет, государственная реквизиция всех запасов хлеба, топлива и важнейшего для промышленности сырья.

3. Такое использование производительных сил страны невозможно без участия свободного и организованного рабочего класса, без организации рабочего рынка при помощи свободных профессиональных союзов, бирж труда, примирительных камер, фабричных комитетов и т. д.

4. Финансовая политика, направленная на прекращение выпуска бумажных денег, на покрытие военных расходов путем высокого прямого обложения имущих классов и на введение специальных высоких налогов на вызванные войной огромные доходы капиталистических классов.

5. Ограничение прибыли предприятий, признанных работающими на государственную оборону, установление минимальной заработной платы, регулируемой признаваемыми государством обязательными коллективными тарифными договорами при участии фабричных комитетов в регулировании условий труда.

6. Необходимое для смягчения хозяйственной разрухи вмешательство в экономическую жизнь может быть осуществлено только при помощи широкой самодеятельности всего населения и требует устранения всех препятствий к развитию этой самодеятельности и организации системы продовольственных органов

центрального и местных,—основанных на представительстве всех слоев населения.

7. Намечаемое планомерное вмешательство в народную жизнь возможно только в обстановке политической свободы и при наличности демократически-организованной власти, ответственной перед народом.

VI. Муниципальные задачи рабочих в продовольственном вопросе.

Принимая во внимание: что в качестве одного из путей к урегулированию продовольственного вопроса во всероссийском масштабе является объединение всех общественных сил на почве организации продовольственного дела, что на обязанности местных самоуправлений лежат закупки и распределение продуктов для населения; что, вследствие уродливости представительства населения в органах местного управления, широкие слои населения лишены всякого участия в самоуправлении и все продовольствие населения находится в руках цензовых элементов крупной буржуазии; что только передача продовольственного дела на местах в руки самого населения может обеспечить справедливое распределение продуктов,—рабочая делегация, настаивая на коренном преобразовании местных самоуправлений, считает необходимым теперь же решительно бороться за демократизацию организованных и организующихся местных продовольственных органов и за обладание ими полнотою власти в продовольственном деле.

Задачей всех местных рабочих организаций является объединение своих усилий для организованного воздействия, совместно с другими слоями демократии, на городское самоуправление в целях:

1. Создания местных (районного и центрального) продовольственных органов, избранных на основании всеобщего избирательного права, без различия пола и национальности.

2. Передачи этому органу всего дела продовольствия местного населения.

3. Впредь же до организации продовольственных органов, избранных на указанных началах, и в целях их скорейшего проведения в жизнь, рабочая делегация настойчиво предлагает организованным рабочим на местах принимать участие во всех дей-

ствующих и создаваемых местных общественных продовольственных организациях, всячески борясь за их демократизацию.

Первым шагом для осуществления указанного плана рабочая делегация считает немедленный созыв на местах совещаний из представителей всех рабочих организаций: групп при военно-промышленном комитете, профессиональных союзов, больничных касс, кооперативов и т. п. для объединения их усилий и организации местного рабочего продовольственного центра, имеющего взять на себя руководство деятельностью рабочих в местном продовольственном деле.

VII. Основные положения и резолюция по вопросам рабочей политики.

1. Бесправное положение являлось в мирное время причиной экономической и общественной слабости русского рабочего класса.

2. Военная политика правительства по отношению к рабочему классу привела к окончательному уничтожению профессиональных союзов, культурно-просветительных обществ, рабочей прессы и т. п.

3. Руководящим началом правительственной политики военного времени в рабочем вопросе является всемерное поощрение бешабашной эксплоатации труда рабочих.

4. В целях предоставления предпринимателям дешевого и покорного труда правительством отменены по 87 ст. законы, охранявшие женский и детский труд, ограничивавшие сверхурочные работы и рабочий день; брошены на произвол предпринимателей сотни тысяч военно-пленных; наконец, ввезены сотни тысяч лишенных всякой защиты иностранцев и китайских рабов при наличности значительного количества безработных в стране.

5. Рабочие, оставленные в качестве военно-обязанных в предприятиях, работающих на оборону, частью лишены права, частью лишены возможности перехода из одного предприятия в другое, закрепощены за предпринимателем.

6. Борьба рабочих за улучшение условий труда, путем организованного воздействия на предпринимателей, стала невозможной вследствие насильственного уничтожения и недопущения рабочих организаций; стихийная же стачечная борьба, осложненная общественной распыленностью рабочей массы, неизменно пода-

вляется правительством путем военных локаутов и немедленной отправки военнообязанных на фронт.

7. Созданная экономической и финансовой политикой власти в условиях военного времени продовольственная разруха, сопровождающаяся непрерывным стремительным ростом цен, главной тяжестью падает на класс наемного труда.

8. Закрепощенный, пополненный слабыми подневольными элементами рабочий класс, совершенно дезорганизованный и лишенный орудий самозащиты, не в состоянии добиться повышения денежной заработной платы сколько-нибудь в соответствии с ростом товарных цен.

9. Происходит систематическое падение реальной заработной платы широких рабочих масс.

10. Для поддержания своего существования рабочие вынуждены удлинять рабочий день до крайних пределов.

11. Такое удлинение рабочего дня и работа по воскресеньям и праздничным дням имеют последствием всеобщую заболеваемость рабочих, учащение случаев увечий и постепенное вырождение рабочего класса.

12. Положение рабочего класса, обрекающее его на голодное существование и физическое вырождение, представляя вопиющее явление социальной несправедливости, подрывает источник производительных сил страны и грозит разложением всего народного хозяйства.

13. Экономические перспективы, связанные с ликвидацией войны, демобилизация армии и промышленности с переходом народного хозяйства на мирное положение чреваты новыми небывалыми бедствиями для рабочего класса; перед рабочими массами встает призрак страшной безработицы, резкого падения заработной платы и еще больше обнищания и вырождения.

14. Урегулирование рабочего вопроса в рамках политического строя возможно лишь путем немедленной демократизации политического режима и широкой всесторонней социальной реформы.

Резолюция.

Считая, что рабочий вопрос, приобревший в условиях войны небывалую остроту и неизбежно осложняющийся в процессе ее ликвидации, может быть урегулирован в рамках капиталистического строя только путем немедленной коренной демократизации

политического режима и широкой всесторонней социальной реформы,—рабочая делегация полагает, что обязанностью государства является в первую очередь:

1. Предоставление рабочему классу полной свободы коалиции, свободы стачек, собраний, организаций и рабочей печати.

2. Раскрепощение рабочего класса путем отмены всех постановлений, ограничивающих свободу перехода рабочих из предприятия в предприятие.

3. Охрана труда рабочих масс путем установления минимальной заработной платы, путем законодательного ограничения рабочего времени и особой защиты женского и детского труда.

4. Немедленное прекращение принявшего характер работорговли ввоза законтрактованного желтого труда и охрана работающих в России желтых рабочих от нечеловеческой их эксплоатации, с подчинением их общему рабочему законодательству.

5. Охрана труда военнопленных путем распространения на них рабочего законодательства и установления для них условий труда, общих с русскими рабочими.

6. Всероссийская организация рынка труда путем создания сети муниципальных паритетных бирж труда, объединенных во всероссийском масштабе.

7. Реорганизация и всестороннее развитие государственного страхования рабочих и, в особенности, проведение государственного страхования от безработицы, обеспечение государством рабочих, потерявших на войне трудоспособность, полностью или частично.

8. Решительное перераспределение налогового бремени и перенесение на капитал всех финансовых тягот, созданных войной.

Рабочая делегация далее полагает, что, сосредоточивая всю свою энергию на демократизации государства и широкой социальной реформе, рабочий класс в то же время должен пользоваться всеми возможностями для мобилизации своих сил и организации их во всех доступных в данный момент формах: больничных кассах, кооперативах, институтах старост, профессиональных союзах и т. п.

Эта резолюция вполне подтверждала наше принципиальное отношение к подобного рода «рабочим группам», как к либеральным рабочим организациям, способным защищать «интересы рабочих» данного дня, с помощью буржуазии, но которые были, так же, как и либералы, далеки от революционной социалистической борьбы

рабочего класса России за свое освобождение. Обычно все основные вопросы международной борьбы пролетариата—война и связанные с ней захватные стремления буржуазии—обходились полным молчанием или экивоками. Только непримиримая борьба нашей партии с социал-патриотами, оппортунистами всех марок давала возможность передовым рабочим находить верный путь борьбы и руководить пролетарскими массами, не отказываясь и не забывая международных целей рабочего движения—социализма.

5. Обвинительный акт

по делу о нижних чинах Балтийского флота: гальванерном унтер-офицере I ст. Никифоре *Брендиче* (крейсер «Россия»), машинисте I ст. Григории *Варюхине* (линейный корабль «Петропавловск»), матросе II ст. р. ш. Александре *Вахромееве* (тральщик. Фита), машинисте I ст. Степане *Ерохине* (линейный корабль «Цесаревич»), артиллерийском унтер-офицере I ст. Федоре *Кузнецове-Ломакине* (Учебно-Артиллерийский отряд), матросе I ст. Василии *Марусеве* (линейный корабль «Император Павел I»), машинисте I ст. Иване *Мурашеве* (линейный корабль «Полтава»), кочегаре I ст. Константине *Мусьянченко* (крейсер «Россия»), матросе I ст. Николае *Писареве* (I-й Балтийский флотский экипаж»), унтер-офицере электрике II ст. Тимофее *Попове* (линейный корабль «Гангут»), машинисте I ст. Василии *Пешкове* (тральщик «Взрыв»), артиллерийском унтер-офицере I ст. Иване *Сладкове* (линейный корабль «Император Александр II»), машинисте I ст. Тимофее *Ульянцеве* (крейсер «Россия»), артиллерийском унтер-офицере I ст. Власе *Филимонове* (Учебно-Артиллерийский отряд), машинисте I ст. Михаиле *Филиппове* (крейсер «Диана»), матросе II ст. Николае *Ховрине* (линейный корабль «Император Павел I»), машинисте I ст. Иване *Хрылеве* (линейный корабль «Петропавловск»), гражданских лицах—ссыльно-поселенце Иване *Егорове*, мещанке Армине *Михельсон* и крестьянине Михаиле *Стакуне*, преданных суду Кронштадтского Военно-Морского Суда приказом Командующего флотом Балтийского моря от 15 сентября 1916 года за № 653.

С осени 1915 года в Кронштадтское жандармское управление стали поступать негласные сведения, что среди судовых команд Балтийского флота заметно усилилась деятельность революционных организаций социал-демократического направления, стремя-

щаяся насадить на флоте наибольшее число своих сторонников, которые должны были подготовить судовые команды к выступлениям с различного рода требованиями ко времени окончания войны.

Указанная деятельность, хотя и не успела сорганизовать планомерной пропаганды, все же, как показывали события, сильно влияла на приподнятое настроение команд, которое в конце концов и вылилось в крупные беспорядки 19 октября 1915 года на линейном корабле «Гангут», участники которых, в числе 26 нижних чинов, по приговору военно-морского суда от 17 декабря того же года и понесли наказание.

Подобные же беспорядки возникли в то время и на крейсере «Рюрик».

Наличие такой пропаганды подтверждалось участившимися и на других судах беспорядками на почве недовольства со стороны команды пищей и офицерами с немецкими фамилиями.

Параллельно с этими данными Петроградское Охранное Отделение также получило сведения о возникновении военной организации Российской социал-демократической партии среди судовых и береговых команд Балтийского флота.

Согласно этим сведениям, на каждом военном корабле образовались социал-демократические кружки, имеющие представителей в общем руководящем комитете. Последний, устраивая собрания на берегу—в чайных и ресторанах, главным образом, как указывали эти сведения, направляет свою деятельность к разъяснению матросам текущих событий в желательном освещении, с целью создать среди них атмосферу недовольства.

Прием этот, видимо, успел оказать влияние на матросов, создав среди них крайне приподнятое настроение, хотя никаких других оснований к этому не замечается, но идейные руководители движения всячески стараются удерживать матросов от одиночных беспорядков, дабы иметь готовую обстановку на случай общих выступлений, учитывая возможность активного движения со стороны рабочего класса, могущего оказать решительное влияние на изменение существующего государственного строя.

Каких-либо выступлений к определенному сроку пока, по сведениям агентуры, не замечено, и, вообще, все революционная работа проявляется лишь в области организационной. Поэтому, успев создать желательное настроение на судах флота, руководители испытывают затруднение в содержании одиночных высту-

плений, а в этом отношении на них произвело неприятное впечатление открыто выраженное недовольство на линейном корабле «Гангут».

Хотя кружки возникли на судах флота и самостоятельно, без влияния функционирующей в Петрограде группы, присвоившей себе наименование «Петербургского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей партии», тем не менее руководящий комитет судовых организаций, со времени своего возникновения, искал случая связаться с «Петроградским Комитетом», что ему и удалось чрез одного из активных деятелей рабочего движения, являющегося представителем «Петроградского Комитета» от Выборгского партийного района—крестьянина Ивана Федорова Орлова.

Вступив в связь с военной организацией, Орлов сложил свои полномочия по Выборгскому району и вошел в комитет, как представитель военной организации. Все дела последней, по сведениям агентуры, Орлов ведет чрез призванного из запаса матроса I ст. 1-го Балтийского флотского экипажа Николая Иванова Писарева, который 29 ноября присылал к Орлову неизвестного матроса с запиской-явкой, подписанной некиим «Отрадневым».

В декабре месяце, как показывали эти сведения, руководящая военная организация пыталась установить связь с судами, стоящими в Гельсингфорсе, для чего было поручено одному из видных партийных деятелей уволенному в 6-ти месячный отпуск по болезни, гальванерному унтер-офицеру I ст. команды крейсера «Россия», Никифору Васильеву Брендину, поселившемуся в Гельсингфорсе, войти в сношения с проживавшим в том же городе членом Центрального Комитета, некиим «Альбертом».

Такое же движение отмечала агентура и по Ревелю, где на некоторых линейных кораблях в первой половине декабря стали возникать малочисленные по своему составу социал-демократические кружки, руководители которых устраивали собрания, происходившие, главным образом, в Гельсингфорсе. Агентура указывала, как на одного из таких руководителей, на упоминаемого унтер-офицера Брендина.

Кружки эти поставили своей целью в течение настоящей войны не делать активных выступлений, вроде бывших на линейном корабле «Гангут», так как таковые, вредя общему делу, возбуждают чрезмерную бдительность судового начальства, а в то же время приложить все усилия к дальнейшему широкому развитию кружков,

чтобы подготовить их к общему выступлению Балтийского флота по окончании войны, когда наступит время демобилизации.

На-ряду с этим, агентура Охранного Отделения указывала, что деятельность «Петербургского Комитета» направлена главным образом к проведению массовой политической стачки, приуроченной ко дню 9-го января, как годовщине крупного события в истории освободительной борьбы.

Имея в виду весьма короткий срок, остававшийся до дня осуществления массовой стачки, и предполагая возбудить рабочую массу, путем распространения возможно большего числа воззваний, «Петербургский Комитет» все время стремился распознать, какое воздействие имеет на нее распространяемая им нелегальная литература и, на пути в этом направлении, встретился с циркулировавшим в рабочей среде слухом о том, что будто бы в настроении нижних чинов войсковых частей имеется благоприятная почва.

В связи с этим слухом, двумя наиболее видными деятелями Комитета—упоминаемом выше Орловым и крестьянином Василием Владимировым Шмидтом—велись переговоры о выпуске специального обращения к армии и флоту, что в отношении флота, как было выше изложено, действительно, имело свое основание.

Что же касается нижних чинов сухопутных войск, то агентура отметила там, призванного на военную службу и уволенного по болезни глаз, мещанина Соломона Рошаля, который, по возвращении в столицу, войдя в связь с «Петербургским Комитетом», взял на себя революционную работу среди призванных в ряды войск, а именно: твердо поставить дело распространения среди них нелегальной литературы и подготовку выпуска ко дню 9-го января особого воззвания к солдатам.

С приближением дня 9-го января «Петербургский Комитет», как удостоверяла агентура, стал проявлять усиленную энергию и принял все меры, чтобы как можно больше заготовить к этому дню прокламаций и воззваний к солдатам. Последние, по сообщению агентуры, должны были печататься при содействии вышеупомянутого Рошаля в Петрограде по Екатерингофскому проспекту в доме № 15, кв. 6. Серьезность момента—возможность активных выступлений в день 9-го января и попытки к воздействию на нижних чинов привели к необходимости изъять наиболее деятельных представителей «Петроградского Комитета».

При этом, в числе других лиц, были, между прочим, арестованы Иван Федоров Орлов, Василий Шмидт, Соломон Рошаль и Елена Хундадзе, проживавшая по упомянутому адресу.

Против названных лиц было возбуждено формальное дознание, по обвинению их в преступлении, предусмотренном 1 ч. 102 ст. Угол. Улож.

Из имеющегося в этом дознании протокола осмотра вещественных доказательств, обнаруженных на квартире Елены Хундадзе, видно, что, между прочим, были найдены 2 стереотипа, 3 типографских валика, банка с такой же краской, большое количество бумаги как разрезанной по формату прокламаций, так и приготовленной для разрезывания, оттиски печати «Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П.» и 330 экземпляров печатных воззваний с заголовком «Российская Социал-Демократическая Рабочая партия», с девизом—«Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и с надписью «Петроградский Комитет Р. С.-Д. Р. П.».

В своем содержании воззвание обращено к солдатам и разъясняет ненужность для народа затеянной правительством войны, которая, как говорится в воззвании, необходима лишь крепостникам, дворянам и хищнической буржуазии, чтобы получить рынки для сбыта гнилых товаров, а не рабочим. В заключение в воззвании помещен такой призыв: «Товарищи-толдаты! Не пора ли задуматься над вопросом, чтобы самим положить конец этой бессмысленной бойни? Не пора ли сознать, что троны деспотов царей опираются на невежество народных масс и на солдатские штыки? Не пора ли обернуть эти штыки против угнетателей народа—помещиков, буржуазии, насилия царизма? Организуйте ротные, батальонные дружины, приготовляйте товарищей на борьбу с царским самодержавием и кровожадно-хищными капиталистами». Заканчивается воззвание словами: «Да здравствует революционное объединение солдат и рабочих! Долой царское самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует конфискация земель».

Располагая вышеописанными данными, агентура морского района в Кронштадте получила 23 декабря сведения, что среди команды зимовавшего в порту лин. кор. «*Император Александр II*», имеются вновь вышедшие прокламации «Петербургского Комитета», при чем агентура, предъявив один экземпляр такого воззвания, пояснила, что, повидимому, на этом корабле возник кружок названного комитета. При дальнейшей разработке этих сведе-

ний было установлено, что организатором и руководителем кружка на названном судне является артиллерийский унтер-офицер I ст. Иван Сладков, который 25 декабря предполагает отправиться в Петроград за получением партийных бумаг. Кроме того, агентура выяснила, что Сладкову, между прочим, близок артилл. унтер-офицер I ст. Федор Кузнецов-Ломакин, состоявший сменным начальником в учебно-артиллерийском отряде. Последний, повидимому, располагая прокламациями социал-демократического характера, ведет какую-то пропаганду среди учеников своей смены, часто высказывает противоправительственные убеждения, восхваляет немцев, их культуру, вооружение и утверждает, что вести далее войну безрассудно, так как германцы все равно останутся победителями. Для проверки этих сведений, над Сладковым жандармскими властями, по соглашению с командиром лин. кор. «*Император Александр II*»,—капитаном I ранга Повалишиным, было установлено с 25 декабря наружное наблюдение, которое показало, что Сладков в тот же день в 1½ час. дня выбыл с корабля в Петроград и через день вернулся обратно с прокламациями. На следующий день было установлено, что Сладков предполагает отнести привезенные им из Петрограда прокламации на лин. кор. «Цесаревич» машинисту I-й ст. Степану Ерохину, о нахождении коего на судне Сладков справлялся в то же утро по телефону. Когда вскоре Сладков, действительно, пришел на упомянутый корабль, то вместе с Ерохиным был арестован, при чем у обоих при обыске нашли много уличающих документов. На возникшем по поводу этого случая формальном дознании выяснилось следующее.

Около 20 чисел декабря 1915 года, исполняющий обязанности старшего офицера на лин. кор. «*Император Александр II*» старший лейтенант Кольнер, стремившийся, по его словам, по распоряжению начальства, всегда следить за настроением команды корабля, получил негласные сведения, которым имел основание очень доверять, что сочувствующие этому кружку просто назывались «наши». Среди этого кружка, к которому примкнул артилл. унтер-офицер, указатель школы комендоров Федор Кузнецов-Ломакин, артилл. унтер-офицер I-й ст. Иван Сладков стал вести противоправительственную агитацию, выражавшуюся в чтении и обсуждении гектографированной прокламации, обращенной к рабочим. Опасаясь при этом бдительности начальства, Сладков не собирает около себя кружка, а старается беседовать

с каждым из избранных им лиц отдельно. Найдя, однако, такое собеседование неудобным, как отнимающее много времени, Сладков решил устроить общее собрание в носовой 12″ башне, которое должно было состояться 25 декабря в день устройства на корабле спектакля, рассчитывая, очевидно, что при таких обстоятельствах оно останется незамеченным. Собрание это, однако, не состоялось, так как Сладков заявил, что не располагает достаточным материалом, за которым съездит в Петроград в какой-то «Центральный Комитет».

24 декабря старший лейтенант Кольнер получил тем же путем сведения, что Сладков собирается ехать в Петроград за прокламациями, о чем и доложил командиру капитану I ранга Повалишину, который поставил об этом, в свою очередь, в известность Кронштадтское жандармское управление. Действительно, 25 декабря после 12 часов Сладков попросил у старшего лейтенанта Кольнера разрешение съездить в Петроград и получил увольнительный билет до 9 часов вечера 27 декабря. Сладков вернулся на корабль во-время, не имея при себе никаких пакетов.

28 декабря утром старший лейтенант Кольнер получил сведения, что Сладков привез из Петрограда прокламации и часть их роздал на корабле, а часть должен был передать на лин. кор. «Цесаревич», о чем он тотчас же доложил капитану I р. Повалишину, который лично поставил в известность о полученных сведениях командира лин. кор. «Цесаревич»—капитана I р. Чоглокова.

По тем же сведениям, старший лейтенант Кольнер знал, что Сладкову не было хорошо известно, кому, именно, он должен передать прокламации на лин. кор. «Цесаревич», почему Сладков и спрашивал кого-то по телефону в учебно-артиллерийском отряде о фамилии этого нижнего чина.

Этот разговор Сладкова по телефону, как оказалось впоследствии, на лин. кор. «*Император Александр II*» случайно слышал инженер-механик мичман Дуваленский, при следующих обстоятельствах. Войдя упомянутого числа в 10½ часов в рубку, в которой был поставлен телефон, названный офицер стал рассматривать сложенные там кинематографические ленты, которыми он заведывал, не обратив внимания на то, что в это время говорили у телефона. Среди этого занятия он из разговора, происходившего у телефона, услышал фразу: «говорит Сладков, скажите как фамилия этого ученика». Тогда инж.-механ. мичман Дуваленский,

вспомнив слышанный разговор между офицерами о том, что на судне не все благополучно и что унтер-офицер Сладков ведет какую-то агитацию, насторожился, при чем из дальнейших переговоров по телефону понял, что Сладков узнавал фамилию какого-то ученика, видимо, ему неизвестного, так как несколько раз переспрашивал его фамилию словами: «Мирошников, Ерохин, Ерохин», спрашивая, однако, безусловно фамилию одного лица. Убедившись наконец, что фамилия нужного ему лица—Ерохин, Сладков быстро ушел.

О замеченном инж.-мех. мичман Дуваленский тотчас же доложил старшему лейтенанту Кольнеру.

По словам комендора Белоусова, который был 28 декабря дежурным по телефону на линейном корабле «*Император Александр II*», он хорошо помнит, что около 11 часов кто-то вызывал Сладкова по телефону из учебно-артиллерийского отряда. Он пошел искать Сладкова, но оказалось, что его уже нет на корабле.

Допрошенный в связи с изложенным случаем, бывший дежурный 28 декабря по канцелярии учебно-артиллерийского отряда артилл. унт.-офицер Хохлов показал, что упомянутого числа, между 9 и 11 часами, кто-то звонил по телефону с лин. кор. «*Император Александр II*» и попросил вызвать к телефону артилл. унт.-офицер. I ст. Власа Филимонова, которого он чрез рассыльного и вызвал с занятий, Филимонов пришел и, затворив за собой телефонную будку, о чем-то говорил около 5 минут. Он, Хохлов, хорошо помнит, что в это утро никто более с лин. кор. «*Император Александр II*» в канцелярию не звонил.

Получив подтверждение из доклада инж.-мех. мичмана Дуваленского о разговоре по телефону Сладкова, старший лейтенант Кольнер командировал на лин. кор. «Цесаревич» мичмана князя Микеладзе, приказав ему предупредить о приходе Сладкова с прокламациями, о чем названный мичман и передал старшему офицеру упомянутого корабля—старшему лейтенанту Ракитину и стоявшему на вахте мичману Гаврилову, который отдал распоряжение, чтобы ему докладывали о всех приходящих на корабль нижних чинах. Вскоре мичману Гаврилову было доложено, что пришел матрос и просит разрешения повидаться с земляком. Пройдя к матросу, мичман Гаврилов повел его с собой в рубку и потребовал у него билет, из которого убедился, что пришел именно ожидаемый унтер-офицер Сладков, объяснивший, что ему

нужно повидать земляка—матроса Ерохина. Тогда мичман Гаврилов доложил о приходе Сладкова старшему офицеру лейтенанту Ракитину. Последний тотчас же пришел в рубку с командиром, капитаном I р. Чоглоковым, который стал упрекать Сладкова за его преступную деятельность. Сладков ответил: «За что же, я ни в чем не виноват», но после слов капитана I р. Чоглокова: «Что там, вынимай все прокламации, которые у тебя имеются», вынул из кармана часть бывших у него прокламаций. Вызванный для осмотра Сладкова фельдфебель Рыжов обнаружил у него за пазухой еще несколько прокламаций и записок, которые взял капитан I р. Чоглоков и, приказав вызвать и обыскать машиниста I ст. Степана Ерохина, ушел.

По уходе капитана I р. Чоглокова из рубки, мичман Гаврилов спросил сидевшего в отчаянии на палубе Сладкова, откуда он достал прокламации, на что Сладков ответил: «Какой-то гимназист бросил пачку бумаг, а я ее поднял».

Вскоре в ту же рубку были принесены фельдфебелем Марченко большой и малый чемоданы и шкатулка, принадлежащие Ерохину, и приведен с часовым он сам.

При осмотре этих вещей, в шкатулке, открытой ключем Ерохина, была обнаружена пачка прокламаций, после чего Ерохин, в присутствии же Сладкова, сказал, что он получил обнаруженные прокламации от Сладкова в чайной, будучи уволен на берег 26 декабря 1915 года.

При аресте Сладкова и Ерохина и о результатах обыска у них было сообщено на лин. кор. «*Император Александр II*», после чего, по приказанию капитана I р. Повалишина, были обысканы вещи Сладкова и тех нижних чинов, которых подозревали в сношениях с ним. У них ничего преступного не было обнаружено. Судя, однако, по тому обстоятельству, что, после обыска, на корабле под одной из пушек была найдена печатная прокламация, тождественная с обнаруженными у Сладкова и Ерохина, при их аресте, а именно за подписью «Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П.», ст. лейтенант Кольнер предполагает, что нижние чины, узнав об обыске, повыбрасывали уличающие их вещи.

Одновременно с обыском на лин. кор. «Цесаревич» было сообщено в учебно-артиллерийский отряд о производстве обыска у подозреваемого, по сведениям ст. лейтенанта Кольнера, в сно-

шениях со Сладковым, артилл. унт.-офиц. I ст. Федора Кузнецова-Ломакина.

Все обнаруженное у Кузнецова-Ломакина, Сладкова и Ерохина было опечатано и отправлено начальнику Кронштадтского жандармского управления.

На основании изложенного, гальванерный унтер-офицер I ст. Никифор Брендин, машинист I ст. Григорий Варюхин, матрос II ст. разряда штрафованных Александр Вахромеев, машинист I ст. Степан Ерохин, артиллерийский унтер-офицер I ст. Федор Кузнецов-Ломакин, матрос I ст. Василий Марусев, машинист I ст. Иван Мурашев, кочегар I ст. Константин Мусьянченко, матрос I ст. Николай Писарев, унтер-офицер II ст. электрик Тимофей Попов, машинист I ст. Василий Пешков, артиллерийский унтер-офицер I ст. Иван Сладков, машинист I ст. Иван Ульянцев, артиллерийский унтер-офицер I ст. Влас Филимонов, машинист I ст. Михаил Филиппов, матрос II ст. Николай Хрылев, ссыльно-поселенец Иван Егоров, мещанка Армина Михельсон и крестьянин Михаил Стакуч обвиняются в том, что в конце 1915 года и в начале 1916 года вступили в преступное сообщество, образовавшееся среди нижних чинов команд лин. кор. «Император Павел I», «Петропавловск», «Гангут», «Полтава», крейсеров: «Россия», «Диана», тральщиков «Фита», «Взрыв», учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота и I Балтийского флотского экипажа, положившее в основание своей деятельности программу Петроградского Комитета Российской социал-демократической рабочей партии и имевшее своей задачей насильственным путем добиться окончания настоящей войны, чтобы затем, при поддержке армии и рабочего класса, созвать учредительное собрание, для ниспровержения установленного в государстве основными законами образа правления и замены его демократической республикой, при чем активная деятельность каждого из них в качестве члена означенного сообщества, проявилась в том, что—

Брендин — в указанных выше целях участвовал в тайных собраниях сообщества, где разрешались вопросы, касающиеся деятельности последнего, начал организовывать денежные сборы среди нижних чинов на потребности сообщества, предпринимал из Гельсингфорса в Кронштадт и Петроград поездки для сношений с членами сообщества, получения и доставления революционной литературы и установления связи между членами сообщества на судах

флота и, наконец, хранил и распространял среди нижних чинов революционную литературу;

Вахромеев и Марусев—участвовали в тайных собраниях сообщества, где разрешались вопросы, касающиеся деятельности последнего, принимали меры в целях получения из Петрограда и Кронштадта на суда, стоявшие в Гельсингфорсе революционной литературы для распространения этой литературы среди нижних чинов, для чего командировали в названные города одного из членов сообщества, снабдив его адресами, по которым тот должен был получить необходимую литературу;

Ульянцев — завязывал сношения с представителем военной организации от «Петроградского Комитета Р. С.-Д. Р. П.» и с членами сообщества на отдельных судах флота, для получения и распространения среди нижних чинов революционной литературы; командировал для указанной цели из Петрограда в Гельсингфорс одного из членов сообщества с транспортом революционной литературы и, наконец, для связей членов сообщества при сношениях установил пароль;

Сладков — организовывал тайные собрания сообщества для обсуждения вопросов, касающихся деятельности последнего, предпринимал поездки из Кронштадта в Петроград, для сношений с членами сообщества, получения и доставления революционной литературы, которую и распространял среди нижних чинов и, наконец, выработал шифр с условными названиями военных кораблей и такими же выражениями, для сношений членов сообщества;

Писарев — сообщил свой адрес двум членам сообщества, для сношений чрез него в целях сообщества, исполняя разные поручения сообщества, предпринимал из Кронштадта в Петроград поездки к одному из членов сообщества, для получения от него революционной литературы, в целях распространения этой литературы среди нижних чинов;

Мусьянченко — в целях сообщества занимался среди нижних чинов пропагандой путем чтения революционной литературы;

Кузнецов-Ломакин — в целях сообщества занимался среди нижних чинов революционной пропагандой и сообщил свой адрес для получения революционной литературы, хранения и распространения ее среди нижних чинов;

Ерохин — принял от одного из членов сообщества 55 революционных прокламаций, в целях распространения этих прокламаций среди нижних чинов;

Попов — принял от одного из членов сообщества преступную литературу и распространял ее среди нижних чинов;

Пешков — исполняя поручения сообщества, передал по условному паролю одному из членов сообщества заведомо ему, Пешкову, известное по содержанию письмо, в котором сообщалось об аресте другого члена сообщества;

Филимонов — сообщил одному из членов сообщества фамилию другого члена, для передачи последнему большого количества преступной литературы, в целях распространения этой литературы среди нижних чинов;

Ховрин — составил цифровой шифр, для сношений между членами сообщества и сообщил свой адрес, для получения революционной литературы, в целях распространения этой литературы среди нижних чинов;

Егоров — в качестве представителя Комитета Р. С.-Д. Р. П. установил связь между названным Комитетом и настоящим сообществом, после чего, сложив свои полномочия по названному комитету, примкнул в качестве члена к настоящему сообществу, каковое снабжал революционной литературой, для распространения этой литературы среди нижних чинов;

Михельсон — предоставила в г. Петрограде, для сношений и ночевок при поездках членов сообщества в упомянутый город, свою квартиру, в которой снабжала названных членов чековыми книжками, для сбора денег на нужды сообщества, и революционной литературой, для распространения этой литературы среди тех же нижних чинов.

Варюхин, Мурашев, Филиппов, Стакун и Хрылев — сообщили свои адреса, изъявив согласие на получение революционной литературы, в целях распространения этой литературы среди нижних чинов;

т.-е. в преступном деянии, предусмотренном 1 ч. 102 ст. Угол. Ул. и сверх того в отношении всех обвиняемых, за исключением Егорова, Михельсон и Стакун — 2 п. 317 ст. Воен.-Мор. Уст. о наказ.

Составлен сентября 22 дня 1916 года.

Подписал: Помощник Военно-Морского Прокурора Подполковник *Шпаковский.*

СПИСОК СВИДЕТЕЛЕЙ.

1) Капитан I ранга Николай Повалишин	Командир лин. кор. „*Император Александр II*“.
2) Старший лейтенант Иван Кольнер (I—105 и 157)	Линейный корабль „*Император Александр II*“.
3) Инж.-мех. мичман Георгий Дуваленский (I—107 об.)	
4) Комендор Михаил Белоусов (I—156).	
5) Артилл. унтер-офицер Георгий Хохлов (I—154 об.)	Уч.-арт. отряд (школа комендоров).
6) Матрос I ст. Алексей Кохан (I—155).	Линейный корабль „*Император Александр II*“.
7) Мичман князь Петр Миколадзе (I—111).	
8) Капитан I ранга Константин Чоглоков (I—99)	Командир лин. корабля „*Цесаревич*“.
9) Мичман Сергей Гаврилов (I—94).	Линейный корабль „*Цесаревич*“.
10) Фельдфеб. Илья Рыжов (I—95 об.).	
11) Старший лейтенант Алексей Ракитин (I—144).	
12) Фельдфебель Егор Марченко (I—145 об.).	
13) Мичм. Анатолий Князев (I—97 об.).	Лин. кор. „*Император Павел I*“.
14) Старший лейтенант Евгений Кордо-Сысоев (III — 532)	Крейсер „*Россия*“.
15) Крестьянин Василий Шурканов (II—343)	Петроград, Выборгское шоссе д., 62, кв. 2.
16) Гальванер Владимир Полухин (IV—760)	Служба связи Белого моря.
17) Машинист I ст. Антон Лукашевич (III—437)	Лин. кор. „*Гангут*“.

18) Матрос 1 ст. Семен Вологжанин (IV—761).	I-й Балтийский флотский экипаж.
19) Матрос 2 ст. р. ш. Василий Пашков (IV—767).	
20) Матрос 2 ст. р. ш. Иван Рыбин (IV—766 об.).	
Крестьяне:	
21) Алексей Васильев (III—456).	Гельсингфорсское жандармское управление.
22) Август Полусах (III—457)	
23) Иосиф Кзендзов (III—524)	
24) Григорий Павлов (III—524 об.)	
25) Василий Кириллов (IV—585)	Петроград, Колтовская наб., д. 14, кв. 8.
26) Крестьянка Евдокия Кириллова (IV—586 об.).	
27) Лейтенант Евгений Простин 3-й (III—511)	Гельсингфорс, Служба связи.
28) Инж.-мех. ст. лейтенант Валентин Рощин (IV—813)	Крейсер «*Россия*».
29) Инж.-мех. лейтенант Михаил Бодашков (IV—814)	
30) Старший юнга матрос 2 ст. Борис Шиба (IV—612)	Посыльное судно «*Ласточка*».
31) Машинист 2 ст. Афанасий Лайкевич (IV—764)	I-й Балт. фл. экипаж.
32) Кочегар 2 ст. Михаил Хрипков (IV—764 об.)	
33) Подпоручик по Адмиралтейству Яков Софронов (IV—766)	
34) Мещанка Христина Линд (IV—591)	Петроград, Шадринский пр., д. 16.
35) Крестьянин Петр Степанов (IV—849)	Петроград, Уг. Литейного и Бассейной, 1/38.
36) Крестьянка Мария Баранова (IV—635)	Петроград, Большая Посадская, д. 5/9, кв. 175.

Крестьяне:

37) Степан Курыгин (IV—795 и 837) — Село Непецин, Коломенского уезда, Московск. губ.

38) Петр Тарабукин (IV—976) . . . — Село Мячково, Коломенского уезда.

39) Эксперт каллиграф . . . . . — По усмотрению суда.

Подписал: Помощник Военно-Морского Прокурора
Подполковник *Шпаковский*.

С подлинным верно:
Секретарь
Коллежский Советник: *В. Николаев*.

6.

Вр. И. Д. НАЧАЛЬНИК **КРОНШТАДТСКОГО** ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.

5 ноября 1916 г.
№ 4760.

Г. Кронштадт.

Секретно.

Коменданту Кронштадтской крепости.

Деятельность революционных ячеек социал-демократического направления среди Кронштадтских судовых команд Балтийского моря и Кронштадтского сухопутного гарнизона начала проявляться в сентябре 1915 г., стремясь насадить в этих частях возможно большее число своих сторонников, дабы в удобный момент, а в особенности при демобилизации армии и флота, организовать, при содействии таковых, народные выступления против правительства.

Первоначально Российская социал-демократическая рабочая партия при помощи распропагандированных матросов поддерживала в судовых командах флота недовольство против начальства, что и не замедлило обнаружиться в бунте 19 октября 1915 года на линейном корабле «Гангут», из команды коего, по приговору военно-морского суда, два матроса приговорены к смертной казни и 14— к каторжным работам на разные сроки.

В начале декабря минувшего года секретная агентура определенно указала на возникновение на судах и в гарнизоне ячеек

военной организации Российской социал-демократической рабочей партии и на распространение прокламаций среди команд, стоявших тогда в Кронштадте линейных кораблей «Император Александр II» и «Цесаревич». Произведенной 28 декабря ликвидацией на указанных линейных кораблях агентурные сведения вполне подтвердились и к возбужденному затем формальному дознанию, в качестве обвиняемых по 102 ст. Угол. Улож., было привлечено 17 матросов; попутно тем же дознанием было установлено, что Петроградский комитет свою преступную деятельность распространяет и на сухопутный гарнизон Кронштадтской крепости.

Временно пресеченная деятельность Российской социал-демократической рабочей партии среди судовых и береговых команд флота арестом 17 видных пропагандистов из среды матросов, в январе и феврале месяцах сего года вновь стала проявляться как в сухопутных частях Кронштадтской крепости, так и береговых командах Кронштадтского порта, что подтверждалось распространением прокламаций Петроградского Комитета.

В июле сего года среди Кронштадтского крепостного гарнизона и береговых команд Кронштадтского порта сорганизовался главный коллектив Кронштадтской военной организации Российской социал-демократической рабочей партии, выпустивший от имени коллектива две прокламации, своевременно представленные мною вашему превосходительству. Произведенной затем ликвидацией 8 сентября сего года означенного коллектива были вновь изъяты из среды нижних чинов и матросов главные руководители коллектива, из числа коих, в возбужденной при вверенном мне управлении переписке, в порядке ст. 23 правил о местностях, объявленных на военном положении, привлечено, в качестве заподозренных, девять нижних чинов сухопутных частей Кронштадтского гарнизона и пять матросов береговых команд Кронштадтского порта, при чем предварительно ликвидации вашему превосходительству и главному командиру Кронштадтского порта угодно было обнадежить меня возможностью, в целях дальнейшего предупреждения и пресечения революционной пропаганды в районе крепости, удаления распропагандированных нижних чинов и матросов из района Кронштадтской крепости.

В настоящее время по распоряжению г. морского министра доставлено в Кронштадт 123 матроса, списанных с крейсеров «Аскольд» и «Варяг» за политическую неблагонадежность и участие в бунте и попытке взорвать первое из этих судов. Матросы

эти, совместно с упоминаемыми мною выше пятью матросами, изолированы от общей массы, содержатся на блокшиве № 1 и предназначены к переводу в пехотные части и к отправлению в действующую армию или отдаленные округа империи. Подобные же меры морское начальство намерено принимать и по отношению к тем матросам, о коих получаться будут в дальнейшем неблагоприятные в политическом отношении сведения.

В отношении же нижних чинов сухопутного гарнизона крепости, как о том поставил меня в известность 26 октября сего года за № 288/2732 подведомственный вашему превосходительству штаб, ввиду несогласия командующего VI армией на отправление таковых нижних чинов на передовые позиции, мне предписано через подведомственных мне чинов установить за ними дальнейший бдительный надзор и непрерывное наблюдение, в целях пресечения возможности с их стороны продолжать революционную пропаганду.

Согласно представленных мною вашему превосходительству донесений от 17 сентября и 21 октября сего года за №№ 4261 и 4595 число распропагандированных нижних чинов гарнизона возросло за последнее время еще на двенадцать человек. С освобождением же из-под стражи арестованных по последней ликвидации девяти нижних чинов, безусловно причастных к революционной пропаганде и входивших в состав местного главного коллектива, как число распропагандированных нижних чинов, так и революционная пропаганда среди гарнизона крепости несомненно будут прогрессировать.

19 минувшего октября подведомственная мне секретная агентура указала, что выпущенная главным коллективом Кронштадтской военной организации печатная (типографским способом) прокламация, с обращением к солдатам и матросам, распространяется в Кронштадтском гарнизоне, и таким образом означенный революционный комитет, несмотря на принимаемые в отношении руководителей главного коллектива меры, вновь возобновил свою преступную деятельность.

Рекомендуемый мне ныне способ относительно установления непрерывного наблюдения за нижними чинами, причастность коих к революционному движению установлена, в действительности не может быть мною выполнен, ибо, не говоря уже о необходимости заведения для сего весьма большого числа осведомителей-наблюдателей, я далеко не во всех воинских частях Кронштадтской

крепости могу по техническим соображениям установить подобное наблюдение. Независимо сего, революционная деятельность нижних чинов освещается обычно как внутренней агентурой, так и наружным наблюдением и затем—сопоставление лишь тех и других данных позволяет более или менее точно установить преступную деятельность каждого лица в отдельности. Обслуживать подобным образом большой постоянно увеличивающийся кадр распропагандированных нижних чинов местного гарнизона, помещающихся к тому же в различных казармах и состоящих в ведении различного военного начальства, не представляется возможным.

Приводимая мною выше краткая справка о революционном движении среди сухопутного гарнизона состоящей на осадном положении Кронштадтской крепости, безусловно указывает на необходимость немедленного принятия решительных мер к предупреждению и пресечению дальнейшего проникновения и распространения преступной пропаганды Петроградского комитета Российской социал-демократической рабочей партии в войсках Кронштадтского гарнизона. Дальнейшее оставление в гарнизоне крепости распропагандированных нижних чинов, число коих естественно будет возрастать, в конечном результате своем может вызвать повторение печальных событий, имевших место в Кронштадте в 1905—1906 годах, с тою лишь разницей, что при возникновении в настоящее время народных беспорядков рассчитывать на особое содействие властям местных войск, состоящих в громадном большинстве из запасных, вряд ли придется.

Поэтому я обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой, если отправление подобных нижних чинов на передовые позиции признается командующим VI армией нежелательным, то не найдете ли нужным, по примеру морского начальства, возбудить надлежащее ходатайство относительно удаления распропагандированных нижних чинов местного гарнизона на службу в отдаленные военные округа Российской имерии.

Подписал и верно: полковник *Тржецяк.*

7.

Совершенно секретно.

УПРАВЛЯЮЩИЙ
МИНИСТЕРСТВОМ
Внутренних Дел.

Его превосходительству
С. С. Хабалову.

Милостивый государь,
Сергей Семенович.

Как известно вашему превосходительству, для содействия правительственным учреждениям в деле снабжения армии и флота всеми необходимыми предметами снаряжения и довольствия учреждены, на время текущей войны, общественные организации, — Военно-Промышленные Комитеты, при чем ст. 3 высочайше утвержденного 27 августа 1915 года Положения о последних определяет, что состав и порядок деятельности этих комитетов устанавливаются самими комитетами, по ближайшему соглашению с центральным таким же комитетом.

Согласно ст. ст. 5 и 6 Наказа о порядке образования и действий Военно-Промышленных Комитетов и их съездов, постоянными членами означенных Комитетов являются, между прочим, представители рабочих, в числе десяти; § 12 Наказа устанавливает, что в Комитетах образуются отделы по специальностям.

Между тем, как оказалось на практике, рабочие, войдя в состав Военно-Промышленных Комитетов, не распределились по отделам по специальностям, а образовали особые организации, присвоившие себе название «рабочих групп» при таком-то Военно-Промышленном Комитете, состоящие почти исключительно из членов социал-демократической рабочей партии—ликвидаторов. При этом, как свидетельствуют результаты наблюдения со стороны розыскных органов за деятельностью этих групп, действительною целью деятельности рабочих групп, по мысли «скрытых пораженцев», является использование новой благоприятной «легальной возможности» для организованных и революционных начинаний, в частности—для создания новых форм неприкосновенных руководящих баз будущего общего революционного выступления.

Сказанное про рабочие группы при Военно-Промышленных Комитетах вообще в полной мере относится к таковым же группам при Центральном и Петроградском Областном Военно-Промышленных Комитетах.

На собрании выборщиков 29 ноября в Петрограде, на котором были избраны рабочие группы при последненазванных Комитетах, были приняты революционные по своему содержанию: «Наказ представителям рабочей группы при Центральном Военно-Промышленном Комитете», «Общая политическая резолюция», «Резолюция о событиях последних дней» и «Резолюция о рабочей политике».

В «Наказе» представителям рабочих при Центральном Комитете поручалось, между прочим, довести до сведения Комитета о взгляде рабочих на современное положение страны и «условия ее спасения», о том, что рабочая группа «не берет на себя никакой ответственности за работу Комитета» и о требовании созыва Всероссийского рабочего съезда для выбора «настоящих» представителей рабочих в Центральный Комитет, действительная цель какового съезда, по мысли авторов «Наказа», заключалась в организации на самых широких началах интенсивной революционной работы в стране, рабочая же группа, выбранная на этом съезде, являлась бы основой для той руководящей революционной организации, которая должна сыграть в предстоящем революционном выступлении роль «Совета Рабочих Депутатов» 1905 года.

Из содержания всех упомянутых документов явствует, что избранная рабочая группа, составленная исключительно из членов социал-демократической партии, но являющаяся фактически как бы законно существующим партийным органом, только вступая еще в состав Центрального Военно-Промышленного Комитета, несла уже с собою явно революционную программу, ничего общего не имеющую с предстоявшей ей деятельностью.

И действительно, с самого начала своего существования означенная рабочая группа, уделяя вопросам обороны страны весьма незначительную часть своей работы, стала направлять ее почти исключительно на организацию и объединение рабочих масс в революционных партийных целях, пользуясь также всяким удобным случаем для того, чтобы доказать несостоятельность законного правительства и необходимость его ниспровержения.

При этом рабочая группа при Центральном Военно-Промышленном Комитете не ограничивает свою противоправительственную работу Петроградом, а распространяет ее на всю империю. Так, в целях организационных и агитационных, эта группа командирует своих делегатов на места, где они направляют выборы в рабочие группы местных Военно-Промышленных Комитетов и деятельность

уже существующих таких же групп, а, кроме того, рассылает провинциальным рабочим группам циркулярные письма, в коих предлагает вести агитацию за созыв «Всероссийского рабочего съезда», за введение института рабочих старост и за всемерное использование легальных возможностей для организации рабочих масс для «боевого выступления» в нужный момент.

События, предшествовавшие открытию последней сессии Государственной Думы и сопровождавшие начало занятий ее, сосредоточили внимание рабочей группы при Центральном Военно-Промышленном Комитете всецело на революционной работе в Петрограде, чему, между прочим, способствовало стремление этой организации играть доминирующую руководящую роль среди других местных революционных организаций в переживаемый момент, признанный оппозиционным и революционным элементом весьма благоприятным для ниспровержения законного правительства в целях замены его таким, при котором легче осуществить замену установленного основными государственными законами образа правления в России.

Воспользовавшись тем нервным напряжением, которое создалось в столице после заседания Государственной Думы 1 сего ноября, упоминаемая рабочая группа, после совещания с некоторыми из членов левого крыла Думы, 2 ноября издала и широко распространила в обществе и в массах «резолюцию» с призывом к бунтовщическому деянию и учреждению нового правительства— «Правительства спасения страны» (копия этой резолюции при сем прилагается). Кроме того, рабочая группа при Центральном Военно-Промышленном Комитете занялась размножением и широким распространением, в целях революционизирования масс, наиболее резких, в противоправительственном отношении, речей, из числа произнесенных членами Государственной Думы в первых заседаниях последней сессии.

Наконец, эта рабочая группа приняла ряд активных мер явно революционного и опасного для государственного порядка и общественной безопасности характера.

Так, рабочая группа при Центральном Военно-Промышленном Комитете создала на фабриках и заводах новые органы, так называемые «Группы содействия», для того, чтобы через последние передавать революционные директивы в рабочие массы. Затем группа организовала ряд митингов по фабрично-заводским предприятиям в целях создать объединенные коллективы революцион-

ного движения. Позже, 14 ноября, группа вынесла постановление организовать целый ряд митингов для составления на заводах резолюций, аналогичных по содержанию с упомянутой выше резолюцией 2 ноября, каковые резолюции предположено 19 ноября, в день открытия новой сессии Государственной Думы, направлять туда для революционизирования Думы; проектируется также устраивать даже шествия всех участников некоторых митингов к Государственной Думе.

Наконец, замыслы рабочей группы при Центральном Военно-Промышленном Комитете использовать текущий момент в революционных целях дошли до намерения попытаться поднять вооруженный мятеж («восстание») в том случае, если требование Думы о смене законного правительства не будет выполнено.

Хотя сопоставление только что приведенных революционных замыслов с имеющимися в распоряжении Министерства Внутренних Дел данными о положении революционного движения и степени готовности революционных сил к такого рода выступлению, как вооруженное восстание, и приводит к заключению, что замыслы эти в настоящий момент представляются безусловно неосуществимыми, все же нельзя не опасаться возникновения, на почве даже частичных и быстро подавляемых попыток привести в исполнение такое намерение, хотя бы и незначительных беспорядков, которые особенно недопустимы в настоящее время не только потому, что несколько нарушат нормальное течение жизни в столице, но и вследствие того, что создадут еще более повышенное нервное настроение в стране, а главным образом в действующей армии.

Из всего, здесь изложенного, с полной определенностью явствует, что рабочая группа при Центральном Военно-Промышленном Комитете ныне открыто заняла революционную позицию, в значительной степени угрожающую государственному порядку и общественной безопасности, почему дальнейшее ее существование в настоящем виде представляется совершенно нетерпимым тем более, что легальное ее положение, как отдела общественной организации, с одной стороны, всемерно облегчает ее разрушительную, направленную против государственного строя, работу, а с другой стороны, затрудняет подлежащим органам ведение борьбы с такой ее преступной деятельностью.

Вследствие сего долгом почитаю о таковом положении вещей, ввиду нахождения Петрограда в районе высочайше вверенного

вам военного округа на театре военных действий, поставить в известность ваше превосходительство для могущих последовать с вашей стороны распоряжений, покорнейше прося о последующем не отказать меня уведомить.

К этому считаю не лишним добавить, для сведения, что, по имеющимся в министерстве внутренних дел данным, в отношении рабочей группы при киевском Областном Военно-Промышленном Комитете, при попытке ее стать на революционный путь, начальником киевского военного округа на театре военных действий были приняты соответствующие меры, заключающиеся в том, что группа была реорганизована, при чем она введена в рамки, установленные Наказом, таким образом лишена самочинно присвоенной ею себе автономии и в связи с этим особого помещения и денег на канцелярию, а члены ее включены в состав рабочего отдела, на общих для всех членов Комитета и отдела в частности основаниях, без права письменных сношений с рабочими организациями.

Прошу ваше превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал: *Протопопов.*

№ 110827.
26 ноября 1916 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

I. Борьба буржуазии за власть.—Организации торгово-промышленной буржуазии против царского правительства. — Секретное совещание членов Думы у Родзянко.—Буржуазная пресса подготовила „общественность“ к открытию Думы.—Декларация прогрессивного блока и выступления Чхеидзе, Милюкова, Керенского.—Львов на съезде объединенных дворян рисует развал правительства.—Дворянство хочет спасти монархию.—Съезды кончаются полицейскими протоколами.—Протест делегатов съездов против правительства 3

II. Поддержка IV Думы.—Буржуазия организовала движение поддержки думских выступлений.—Единый фронт от московских биржевиков до социал-патриотов.—Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. (б.) против соглашательского обмана.—Наша партия и питерский пролетариат на борьбу за временное революционное правительство. — Социал-патриоты защищают „достоинство“ Думы.—Меньшевики разоблачают своих друзей — военнопромышленных социалистов. — Питерские рабочие против социал-патриотов, но это не смущало социал-соглашателей.—Замена Штюрмера Треповым.—Враждебная встреча Штюрмера социал-демократами и народниками.—Прогрессивный блок исключает их из Думы.—Речи исключенных 10

III. Из деятельности Р. С.-Д. Р. П. (б.).—Рост силы и значения наших подпольных организаций.—Сообщения о положении на местах.—Временно отошедшие работники собираются вновь под знамена партии.—Отчет о положении в Харьковской организации.—Прокламации о войне, изд. Екатеринославским Комитетом.—Листок Нижегородского Комитета о войне.—Листовка Екатеринбургской организации.—Письмо в Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П. (б.).—Отношение социал-патриотов к росту революционного движения 25

IV. Военная организация моряков: Революционная деятельность во флоте. „Бунт“ на Гангуте. Записка охранки о подполье. Арест

Стр.

„Главного Коллектива". Условности конспирации. Инструкция о постановке работы. Аресты и состояние организации моряков. Донесения агентов охранки. Несостоятельность репрессий 47

V. Работа среди учащейся молодежи. Создание Комитета. Использование учащихся. Обращение к студенчеству 62

VI. Правительство и военно-промышленные социалисты. Оборонцы становятся на нелегальный путь. В.-П. Комитет и Протопопов. Совещание рабочих групп. Тактика и лозунги социал-патриотов. 67

VII. Из деятельности Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б.). — Деятельность по объединению работы во всероссийском масштабе.—Состав руководящего центра. Резолюция Бюро Ц. К. по вопросу о разногласиях между Ц. О. и Бухариным-Пятаковым. Резолюция Бюро Ц. К. о провокаторе М. Черномазове и Л. Старке.—Об единстве в Р. С.-Д. Р. П. 70

VIII. Продовольственный кризис.—Борьба с дороговизной и правительственная таксировка цен.—Письмо рабочего из Мальцевского района о недостатке продовольствия.—Цены на вольном рынке Петербурга.—Буржуазия, социал-соглашатели и продовольственный кризис.—Резолюция Петербургского Комитета о продовольственном кризисе. 76

IX. Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. и продовольственный кризис.—Наша политика в борьбе с продовольственной разрухой.—Резолюция-директива Бюро Ц. К.—Материалы для агитации 87

X. Продовольственный вопрос и Государственная Дума.—Кадеты вели атаки на власть и на почве продовольственной разрухи.—Социал-демократы и трудовики умалчивали об основной причине кризиса—войне. 89

XI. Организация выступлений рабочих.—Выступления буржуазии и твердый правительственный курс.—Влияние думских речей на солдат.—Рост революционных настроений заставляет искать путей борьбы.—Вопросы уличных демонстраций.—Провал техники и захват типографии.—Среди московских товарищей.—Настроения и партийная работа в Москве. 94

XII. Подполье и международная и царская охранки.—Военный шпионаж.—Социал-соглашатели в качестве агентов.—Шпионская деятельность эстонского с.-д. Кескула и его агентов Богровского и Крузе.—Шведская полиция против русских революционеров.—Дела и делишки Черномазова и К° 100

XIII. Перед 9 января 1917 года.—Рост ненависти к войне и царскому правительству.—Правительство готовится к борьбе.—Усилия рабочих организаций направляются на привлечение солдат к революционной борьбе 110

ПРИЛОЖЕНИЯ:

Стр.

1. Совещание с А. Д. Протопоповым у М. В. Родзянко 19/X 1916 г. . 115
2. Речь Г. Е. Львова на съезде земств и городов 124
3. Работа Петербургского Междурайонного Комитета. 133
4. О деятельности социалистов-революционеров, трудовиков, военно-промышленных социалистов и фракции Чхеидзе 139
5. Из обвинительного акта по делу о нижних чинах Балт. флота. . . 155
6. Доклад Начальника Кронштадтского Жандармского Управления Коменданту Крепости. 169
7. Письмо Протопопова Хабалову 173